

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

А. А. СИРИНА

КАТАНГСКИЕ ЭВЕНКИ в XX веке

расселение,
организация среды
жизнедеятельности

2-ое издание, исправленное и дополненное

vk.com/ethnograph

МОСКВА — ИРКУТСК
2002

ББК 39(57.2)
УДК Т52(251.1)
С07

Ответственный редактор
д. и. н. З. П. Соколова

Рецензенты:
д. и. н. В. В. Карлов, к. и. н. Т. Б. Уварова

Сирина А. А.

С07 Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности. — 2-е изд-е, испр. и доп. — Москва—Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2002. — 286 с., ил.

Книга посвящена этнографической группе катангских эвенков, живущих в верховьях реки Нижняя Тунгуска на территории Средней Сибири.

Целью автора было понять закономерности жизни таежных охотников-оленьеводов и организации ими таежного пространства. В книге проанализирована специфика современного природопользования и землепользования эвенков, путей и направлений миграций, организации среды жизнедеятельности. В результате выявлены основные составляющие отношения эвенков к территории их обитания (тайге) как к дому. Впервые обращено внимание на группу русских старожилов региона.

Основу книги составляют полевые материалы автора, собранные за период 1981—2000 гг., а также архивные и литературные источники. Книга представляет интерес для тех, кто интересуется этнографией народов Сибири, проблемами выживания локальных культур в современном мире.

ISBN 5-93219-046-9

ББК Т52(251.1)

© А. А. Сирина, 1995—2001
© Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1995—2001
© Издательство «Оттиск», 2002
© Костовский А. Г., обложка

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
PREFACE	20
ВВЕДЕНИЕ	34
ГЛАВА I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ	
1. Этнический состав населения и история его формирования до первой четверти XX века	44
2. Очерк социально-политического и социально-экономического развития района	62
3. Расселение эвенков и этнодемографические процессы	75
ГЛАВА II. ДИНАМИЧЕСКИЙ (ЛИНЕЙНЫЙ) СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ СРЕДЫ	
1. Особенности хозяйственного уклада современных охотников-оленьеводов	93
2. Особенности эвенкийского землепользования	105
3. Эвенкийская топонимика	113
4. Циклы кочевания, типология и специфика кочевых поселений	120
5. Дневник охотника	142
ГЛАВА III. СТАТИЧЕСКИЙ СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ СРЕДЫ. КОЧЕВАЯ АРХИТЕКТУРА	
1. Структура эвенкийского стойбища	151
2. Жилище	164
3. Хозяйственные сооружения	190
ГЛАВА IV. ДУХОВНЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА	
1. Особенности религиозных верований	218
2. Запреты, обычаи, обряды, связанные с организацией пространства	223
3. Культовые и надгробные сооружения	230
ГЛАВА V. ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1990—2000)	236
ПОСЛЕСЛОВИЕ	255
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	257
RESUME	261
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ	264
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	280
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	281

CONTENTS

PREFACE	20
INTRODUCTION	34
CHAPTER I. SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT AND ETHNODEMOGRAPHIC PROCESSES	
1. The history of the formation of the ethnic structure of the population by the first quarter of the 20 th century	44
2. Essay of socio-economic development of the district. The activity of the Kirensk Committee of the North	62
3. The mode of settling of the Evenks and ethnodemographic processes	75
CHAPTER II. THE DYNAMIC MODE OF THE ORGANIZATION OF LIFE-SUPPORTING ENVIRONMENT	
1. Peculiarities of the subsistence economy	93
2. Specific characteristics of the use of the land by Evenks	105
3. Evenks topographic terms	113
4. The migration cycles, typology and the specifics of nomadic settlements	120
5. The Hunter's diary	142
CHAPTER III. THE STATIC MODE OF THE ORGANIZATION OF LIFE-SUPPORTING ENVIRONMENT. THE ARCHITECTURE OF THE NOMADIC EVENKS	
1. The structure of the Evenks nomadic camp	151
2. Dwelling	164
3. The subsistence constructions	190
CHAPTER IV. THE SPIRITUAL ASPECTS IN THE ENVIRONMENTAL ORGANIZATION	
1. The traditional believes	218
2. The organization of environment and the rites and rituals used	223
3. Tombstones (monuments) and cults structures	230
CHAPTER V. POST-SOVIET PERIOD (1990–2000)	236
POSTSCRIPTUM	255
RESUME	261
REFERENCES	264

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Немногим ведомая и интереснейшая» река Нижняя Тунгуска — правый приток реки Енисей — находится в Средней Сибири. Другое ее название — Катанга. «...Столетние старики говорят: Тунгуска Лену — то открыла. Она старше Лены. Ясак собирать казаки с Турухана приезжали, не с Лены...» (Шишков, 1985).

Территория Средней Сибири расположена между реками Енисеем и Леной, на юге и юго-востоке ограничена горами Южной и Юго-Восточной Сибири. Большая ее часть занята Средне-Сибирским плоскогорьем. На мерзлотно-таежных и горно-подзолистых почвах растут сибирская и даурская лиственницы, сосна, кедр, в долинах рек — ель. В лесах Нижней Тунгуски обитают лось, дикий олень, медведь, соболь, белка; ондатра, завезенная из Америки после войны. В тайге большие площади заняты ягельниками, — это основной корм диких и домашних оленей.

Климат резко континентальный, средние температуры июля +14°...+17°C, января –22°...–28°C на западе и до –35°...–38°C на востоке. Зимой здесь господствует сибирский антициклон, поэтому преобладает тихая малооблачная погода и стоят сильные морозы. Большую часть года, с конца сентября — начала октября по середину мая земля покрыта снегом, но его толщина относительно невелика.

Первую тысячу километров Нижняя Тунгуска течет с юга на север, затем резко меняет свое направление на западное. С первой половины октября по май река находится подо льдом, половодье начинается в мае — начале июня. Течение Нижней Тунгуски медленное, со скоростью 1–5 км в час; весной скорость течения увеличивается в 3 раза, подъем воды достигает в это время в среднем 8 метров. Нижняя Тунгуска очень извилистая; местные жители называют меандровые участки реки, которых здесь великое множество, мегами. Из притоков Тунгуски наиболее значитель-

ные — Верхняя, Средняя и Нижняя Кочемы, Тетя, Большая и Малая Еремы, Большая Чайка, Непа; по правобережью — Чона, Вакунайка. Здесь много озер и болот; в реках и озерах местные жители ловят рыбу.

Верхнее и начало среднего течения реки относится к административным границам Катангского района — самого северного в Иркутской области. Его территория 139 043 кв. км, что составляет не менее 20% территории области, при численности населения 9,5 тыс. чел. (1989 г., Всесоюзная перепись). К настоящему времени число населения сократилось до 5647 чел. (2000 г.). На севере, северо-западе и северо-востоке район граничит с территорией республики Саха (Якутия); с юга, юга-запада и юго-востока — с Усть-Кутским, Нижнеилимским и Киренским районами Иркутской области.

Тунгусы, переименованные в советское время в эвенков (самоназвание катангских эвенков *илэ* — человек), до сих пор живут в этих местах, только за годы советской власти почти все они стали оседлыми жителями. Сейчас осталось не более 30 эвенков-оленьеводов, которые большую часть года живут в лесу. Интерес не столько к эвенкам, сколько вообще к «другой» жизни был причиной моей первой поездки на Нижнюю Тунгуску в 1981 г. в составе студенческой экспедиции. В те годы самолеты в Ербогачен летали каждый день, и все-таки о билетах нужно было позаботиться заранее.

До установления постоянного воздушного сообщения единственный путь, которым попадали на Нижнюю Тунгуску — это река и санные тропы зимой. Чечуйский волок был известен еще казакам-землепроходцам как кратчайший путь из речной системы реки Нижняя Тунгуска в реку Лену. Расстояние от села Чечуйск на Лене до села Подволошино в верхнем течении Нижней Тунгуски составляло 40 верст. По старинному Чечуйскому волоку перевозили в старину более 2/3 грузов: ждали, когда поднимется вода и сплавляли их вниз по течению. Этот путь и сейчас имеет исключительно важное значение для снабжения района. Санные и верховые тропы, которые шли через тайгу, были многодневны и небезопасны. Сейчас из Иркутска до Ербогачена, районного центра, можно долететь за 2,5 часа.

Короткая посадка в Киренске, старинном маленьком городе, расположенном в красивейшем месте слияния Лены и Киренги, снова взлет. Постепенно ландшафт меняется, большие простран-

ства распаханной земли сменяет тайга с множеством озер и болот. В прежние годы, если погода в Ербогачене для самолетов АН-24 была нелетная, пассажиров пересаживали в Киренске на маленькие «Аннушки», с которых можно было рассмотреть землю: мозаика болот и озер, извилистость мелких речушек, редкие вышки буровых. И серебристой лентой, словно мифический тунгусский змей Джябдар, крутится Нижняя Тунгуска, тихо, но неустремимо стремясь на север, к океану.

...Казалось, что к прилету самолета в Ербогаченском аэропорту, построенном на месте старых пашен, отвоеванных трудом русских крестьян у леса, собралась вся деревня. В деловой суматохе встреч и проводов мы были инородными телами: мы прилетели в незнакомое место и нас единственных никто не встречал. Самолет забрал пассажиров до Иркутска, прощально взмахнул серебристыми крыльями и улетел. Наступила оглушительная тишина. Только слышно было, как гудели комары. Мы остались одни. Впереди была неизвестность. У нас не было четких теоретических клише, и это было по-своему хорошо. Основной задачей было собирать всевозможные этнографические материалы, особое внимание уделяя детскому рисунку. Такая тема была поставлена руководством лаборатории археологии и этнографии Иркутского университета, где доминировали археологи. Осенью, к концу полевого сезона, они вваливались в университет, загоревшие, пахнущие дымом костров, с новыми находками и историями, и это привлекало первокурсников. В попытках разгадать особенности первобытного мышления обращались и к Леви-Брюлю, и к исследованиям по детскому рисунку аборигенов, которые в 1920-е годы в Иркутске проводили П. Ф. Требуховский, Б. Э. Петри, П. П. Хороших, другие ученые, хотя эта работа и не была доведена до конца (Виноградов, 1926. С. 30–32).

...Деревянное одноэтажное здание гостиницы «Ербогачен», где мы поселились, находилось рядом с аэропортом. В райцентре базировалась нефтеразведочная экспедиция, поэтому в гостинице жили в основном командировочные мужчины, чья работа была связана с геологией. Фасад гостиницы украшал эвенкийский узор, сделанный из сосновых шишек. В коридоре и холле были вывешены деревянные резные картины, изображавшие обитателей тайги: медведя, сохатого (так в Сибири называют лося), токующего глухаря. У зимнего таежного костра сидел раскосый человек с усталой улыбкой, рядом — его верная лайка.

- Рис. 23.** Районы кочевий современных эвенков.
- Рис. 24.** Схема летних перекочевок двух родственных эвенкийских семей Екатерины Петровны и Лазаря Петровича Сычегир. 1990.
- Рис. 25.** Схема летних перекочевок эвенкийской семьи В. П. Каплина и двух территориально-соседских общин тетейских эвенков. 1988.
- Рис. 26.** Вышивка бисером на летнем стойбище. 1988.
- Рис. 27.** Саша Забродин расчищает место для чума.
- Рис. 28.** Катя Каплина у костра *гулувун* на летнем стойбище.
- Рис. 29.** Схема осеннего стойбища и система изгородей для оленей. Рисунок хозяина стойбища эвенка Лазаря Петровича Сычегир. 1991.
- Рис. 30.** Вид на летнее стойбище.
- Рис. 31.** Летнее стойбище. Рисунок Е. и Г. Трубиновых.
- Рис. 32.** План-схема летнего стойбища эвенкиек Татьяны Андреевны Забродино и Ларисы Иннокентьевны Каплиной. 1988.
- Рис. 33.** План-схема летнего стойбища Егора Веретнова. 1989.
- Рис. 34.** План-схема кратковременного летнего стойбища Василия Павловича Каплина. Август 1989.
- Рис. 35.** План-схема летнего стойбища Митрофана Николаевича Сычегир. Июль, 1988.
- Рис. 36.** План-схема летнего стойбища Василия Павловича Каплина. Август, 1989.
- Рис. 37.** План-схема летнего стойбища Николая Ивановича Каплина.
- Рис. 38.** Осеннее стойбище. Фото М. Г. Турова.
- Рис. 39.** План-схема осеннего стойбища Лазаря Петровича Сычегир. Октябрь, 1991.
- Рис. 40.** План-схема осеннего стойбища Екатерины Петровны Сычегир.
- Рис. 41.** Зимнее стойбище. 1990.
- Рис. 42.** План-схема весеннего стойбища Митрофана Николаевича Сычегир.
- Рис. 43.** План-схема весеннего стойбища Василия Павловича Каплина.
- Рис. 44.** План-схема весеннего стойбища Василия Павловича Каплина.
- Рис. 45.** Эвенкийский чум с покрытием из берестяных полос. 1930. Фото П. Г. Полтаряднева(?) Фонды ИОКМ. № .

В двух километрах от старого села в 1980-е годы возник новый геологический поселок, жизнь которого заметно отличалась от ербогаченской — люди получали стабильную хорошую зарплату, пользовались социальными благами. Некоторые из приезжих «заболевали» охотой, даже меняли профессию, но таких было немного.

В тот приезд мы познакомились с Василием Павловичем Каплиным — старым эвенком из рода Пангаракай, вся семья которого и он сам жили в тайге, лишь изредка выходя в поселок. Василий Павлович, его сын, племянник и воспитанник работали штатными охотниками в местном промхозе. Он позвал нас погостить на стойбище, и мы прожили в тайге около месяца. После этого знакомство переросло в многолетнюю дружбу.

Летнее стойбище находилось в 20–30 км от Ербогачена. Мы должны были идти в его таежный дом пешком, — придя в поселок, старик отпустил своих оленей. Сначала русский мужчина, знакомый Василия Павловича, переправил нас на моторке через обмелевшую в засушливое лето Нижнюю Тунгуску на ее левый берег. Мы оказались в Заречье, где стояли несколько деревянных изб. За Заречьем начиналась тайга. Здесь эвенки обычно оставляли оленей при выходе в деревню. Мне кажется, для них это была граница между тайгой и поселком, между двумя образами жизни. Впервые я ощутила ее при возвращении со стойбища: мы подходили поздним вечером, и вдруг — целая россыпь, как мне вспоминается сейчас — море огней — появилась среди пустого темного места: это был Ербогачен. Радость, возбуждение и какая-то странная робость охватили нас. Ощущение границы добавляла необходимость переправляться через реку, которая в фольклоре всех народов считается пограничным рубежом.

Зимой и весной, особенно на праздник советского времени — День оленевода (и одновременно приуроченного к нему здесь праздника Проводов русской зимы), эвенки появлялись в поселке на оленях, и тогда эта граница временно исчезала (замерзала и река). Кочевые эвенки приезжали из тайги в зимней национальной одежде, на оленях в праздничной упряжи (рис. 1).

Все жители собирались на льду Нижней Тунгуски, где проходил праздник: гонки на оленях по запорошенному снегом льду Нижней Тунгуски, награждение призами. В такие редкие дни наступало какое-то подобие равновесия, надежда на возможность со-

Рис. 1. На празднике День оленевода. В. Д. Каплин с женой А. П. Сычегир. С. Ербогачен, март 1988.

Fig. 1. The holiday of the Reindeer-herders. V. D. Kaplin and his wife A. P. Sychegir.

существования разных образов жизни, взаимопонимание. Правда, всегда беспокоило то, что в эти дни все пили и пили много.

...Василий Павлович заметно повеселел и оживился, когда мы оставили деревню и миновали Заречье. Шли пешком сначала по дороге, которая быстро кончилась, по геофизическому профилю, затем по лесной незаметной тропе. Остановились на привале, чтобы выпить чаю, но у одного из нас не оказалось кружки. Василий Павлович быстро сделал подобие кружки из бересты, закрепив края палочкой, которая одновременно служила и ручкой. Горячий чай не обжигал губ, вкусно пах березой и дымом костра. Почему-то запомнились мелкие детали первого путешествия: выцветший ситцевый платок, завязанный на голове Василия Павловича особым эвенкийским способом; его мягкий, бесшумный в тайге шаг, совсем не похожий на стариковский; исключительная наблюдательность и умение ориентироваться.

Рис. 2. На привале. 1981.

Fig. 2. On the bivouac. The time of short rest. 1981.

Было совсем темно когда мы подошли, наконец, к стойбищу. Наш проводник издали уловил запах дыма от дымокуров, сдерживал неслышный шаг, с плохо скрытым недоумением реагируя на шум, с которым мы ломались по тайге. Издалека почуяв чужих, залаяли собаки. Искры от горящего костра взлетали в черное ночное небо; светились таинственным мерцающим светом тлеющие бревна в дымокурах. Хоркали отставшие от стада олени. Послышался и людской разговор. Из чума вышел молодой мужчина. Мы, почти без сил, опустились у костра. Стали знакомиться. Эта первая встреча запомнилась на всю жизнь: ожидание, долгая трудная дорога и «другие», не похожие на нас, люди; жизнь, исчезающая, подобно шагреновой коже, увидеть и понять которую так непросто: ее, наверное, надо почувствовать.

Сейчас для меня очевидно, насколько наивно, без достаточной профессиональной подготовки, мы начинали свои исследования. С другой стороны, эта свежесть восприятия, непосредственное живое общение с эвенками сыграли свою положитель-

Рис. 3. Верхов на олене. 1989.
Fig. 3. Riding on the reindeer.

ную роль, так что можно сказать, что мои этнографические университеты проходили в тайге на притоках Нижней Тунгуски.

Потом были другие экспедиции. Эту первую по сравнению с ними можно было бы смело назвать самой бедной по этнографическим результатам, если бы не та искра интереса к жизни охотников и оленеводов, которая, вспыхнув, не погасла до сих пор. Среди эвенков у меня появились друзья, с которыми мы всегда радовались встречам.

Семья К. — типичная эвенкийская семья, пережившая такие социально-экономические эксперименты советского времени, как коллективизация, распространение атеизма, укрупнение поселков. Марина Петровна родилась на реке Тэтэрэ, правом притоке Подкаменной Тунгуски, а замуж вышла за Василия Павловича из рода Пангаракай, который жил на левых притоках Нижней Тунгуски. Когда был создан колхоз в поселке Тетя, они были приписаны к нему и работали за трудовни, как и другие прежде кочевые эвенки. После войны здесь начали поиск алмазов, а по-

скольку дорог не было, то здешние эвенки стали каюрами и проводниками в Амакинской экспедиции. После ликвидации колхозов и создания промхозов в конце 1950-х годов эвенки получили относительную самостоятельность. Те, кто сохранил оленей и постоянно мог жить в лесу, автоматически становились штатными охотниками. Этот период длился недолго и был, мне кажется, периодом относительного благополучия и спокойной («застойной») жизни. Именно в этот период я начинала свои исследования.

У Василия Павловича и Марины Петровны было трое уже взрослых детей, у которых были биологически разные отцы, потому что Василий Павлович не мог иметь детей. Никанор, Таня и Катя считали своим единственным настоящим отцом Василия Павловича, называли его папа, хотя при этом знали и своих отцов и были включены в систему родственных взаимосвязей, особенно ярко проявляющуюся в период значительных событий в их жизни. В этой семье все по-своему любили и уважали друг друга. Василий Павлович был неграмотным, плохо говорил по-русски, помнил шаманские камлания. Он соответствовал тем восторженным описаниям, которые давали тунгусам путешественники XVIII—XIX веков.

Марина Петровна и Василий Павлович несколько раз были в гостях у меня и моих родителей в Иркутске. Прирожденный охотник, Василий Павлович знал только лесную жизнь, и смущал моего папу, никогда не державшего в руках ружье, своим вопросом-приветствием: «Как нынче охотился?», а маму тем, что с большим достоинством садился, скрестив под собой ноги, прямо на пол, игнорируя стул. Тогда казалось, что наше знакомство будет длиться если не бесконечно, то очень долго. Но жизнь распорядилась по-своему: с 1990-х годов я начала терять своих друзей, причем сначала молодых членов этой семьи.

Первым ушел в иной мир старший Никанор. Он управлялся в тайге с двоюродным братом Петей. Молодые мужчины жили холостяками, — после интернатского образования и жизни в поселке девушки не стремились в тайгу, критически относились к молодым людям, зная их слабость к спиртному. Марина Петровна общивала, одевала их и готовила, но и сами они знали бывшие ранее прежде исключительно женскими традиционные работы. В 1990 г. я вела исследования на юге района и узнала о смерти Никанора, прилетев из Преображенки в Ербогачен и попав на

девятый поминальный день, который здешние эвенки справляют по русскому обычаю. Никанор утонул в Нижней Тунгуске, когда возвращался из Ербогачена в тайгу. Предчувствовал ли он свою судьбу, когда, по пути к месту встречи, бросил в подарок реке свой свитер?.. После его смерти таежное хозяйство этой семьи стало разваливаться. Разбитая горем Марина Петровна все чаще стала прикладываться к бутылке.

В 1993 г. меня привели в Ербогачен дела: местный районный музей им. В. Я. Шишкова должен был переезжать в новое, специально построенное рядом со старым, начала века, здание. В нем нужно было создать новую экспозицию. Был март, холодно, много снега. Я поселилась все в той же одноэтажной деревянной гостинице, обезлюдевшей, потому что финансирование геологических работ прекратилось. Наступил ранний вечер, остаток которого я собиралась провести у моих знакомых эвенков. Только что прошел снег, было удивительно тихо... Мы разговорились с дежурной о трудностях жизни, об инфляции, об общих знакомых... От нее я узнала о том, что Катя, дочь Марины Петровны и Василия Павловича, разбилась на «Буране», когда ехала из Ербогачена в поселок геологов, расположенный в трех километрах от села. Катя была моей ровесницей, рано вышла замуж, родила двоих детей. Трудно было поверить, что веселой, жизнерадостной, работающей Кати уже нет в живых. До школьного возраста она росла в тайге, а потом каждое лето и все каникулы проводила в лесу, как и ее брат и сестра. Василий Павлович, который плохо слышал (у него и прозвище было *Куйки* — Глухой), брал с собой на охоту маленькую Катю, чтобы она «слушала собак». Катя организовала один из первых национальных кооперативов в Ербогачене, прекрасно шила из меха, была хорошей хозяйкой. Казалось, что она чувствует себя одинаково хорошо и в тайге, и в поселке.

...Я отправилась к Марине Петровне, одновременно и желая увидеть ее, и боясь этой встречи. Старики жили на улице Набережная, недалеко от интерната. На месте старого, маленького бревенчатого домика начала века, где ночью по полу бегали юркие мыши, а на деревянной кухонной полке среди обычной посуды радовала глаз тарелка Товарищества Кузнецова, достойная места в музее (сколько соболей и какому купцу за нее отдали?), построили новый добротный дом из бруса. В лучшие времена гостей сразу же угощали всем, что было у хозяев в холодильнике: на столе появлялись разные лесные деликатесы. В этот последний

приезд холодильник был пуст, на столе — чай и хлеб, взятые «под запись» в магазине.

Мы обе обрадовались встрече, сели у печки на низенькие деревянные табуретки. Марина Петровна закурила и стала рассказывать, то и дело вытирая слезы.

Все родственники и соседи помогали с похоронами. Помогли «лесные люди», — так сами эвенки называют тех, кто живет с оленями в лесу, редко показываясь в поселке — одна семья передала большой кусок мяса лося и деньги; Коля по прозвищу Моряк — тушу оленя; еще одна семья — деньги. Родственники из Тетей отправили рыбу.

...Марина Петровна была хорошей матерью, трудолюбивой женщиной, замечательной мастерицей. Умела сшить и зимнюю обувь *гурумы* из камыса оленя, и летнюю обувь *олочи* из сохатиной замши (ровдуги), и охотничьи парки, и шапочки из головизны оленя с рожками, и меховые детские комбинезоны. Деревенские просили ее шить зимнюю обувь — унты, расплачиваясь картошкой, свиным или говяжьим мясом, стряпней, реже деньгами.

Если раньше тормозом для «пития» были ее дети, их благополучие и счастье, спасала тайга, куда буквально бежали из поселка, то сейчас тормоза отказали. Из детей осталась одна Таня, у которой была своя семья.

Василий Павлович последние два года жил в деревне, долго болел, постоянно собирался ехать в лес. Заняться было нечем: он бесконечно курил свою трубку, то и дело выходил, опираясь на палку, надев очки, за ограду дома встречать «илимпейский народ», — близких и дальних родственников и знакомых, с которыми раньше встречались в таежных перекочевках и на шаманских камланиях. Ему чудились голоса — на это жаловалась Марина Петровна, потому что никаких илимпейских, конечно, быть не могло, они уже давно не кочуют в гости на оленях. Старик жил в своей молодости, и было ясно, что жить ему осталось недолго. Когда я снова приехала в Ербогачен по казенной надобности в 1995 г., я узнала, что Василия Павловича больше нет.

Эти люди сразу приняли меня и отнеслись как к родному человеку. Это отношение не было моей заслугой, а лишь неотъемлемой частью культурной традиции, которая все еще сильна. Мне не хватает сейчас этой открытости, я до сих пор переживаю их уход, словно часть меня тоже ушла вместе с ними. Брошенные

Рис. 4. За растяжкой шкурки на летнем стойбище. 1989.
Fig. 4. Stretching the reindeer pelt. The summer camp. 1989.

стоят в тайге лабаза, остовы чумов и дымокуры. Может ли земля скучать, подобно людям, помнит ли своих прежних хозяев?..

Я могла сравнивать моих эвенков и в поселке, и дома. Настоящим домом для них была тайга, своя земля, не ограниченная стенами постоянного жилища, и где они чувствовали себя в своей стихии. Передвижения в советское время были ограничены новыми реалиями — охотничьими участками соседей-любителей, большими пространствами горелой тайги, редкими пока еще разведочными буровыми.

Вот это я и пыталась понять: ритм жизни новых условиях. Непрестанное движение эвенков по тайге заключалось в необходимости осваивать разные типы угодий. Летом кочевали часто, осенью и весной жили на одном месте подольше — из-за оленей, у которых осенью проходил гон, а весной появлялись телята, а также из-за охоты на лося. Охота вошла в «плоть и кровь» эвенков, сформировала особенности их характера и психологии.

С того времени и до сегодняшнего дня меня привлекает пересмысленная, но живая культурная традиция. Эта традиция не

Рис. 5. Семья Каплиных. 1989.
Fig. 5. The Kaplins family.

была чем-то абстрактным, не существовала сама по себе. Это конкретные люди не отказывались от «нецивилизованного» образа жизни. Так жили их родители, но так хотелось (или приходилось) жить и им самим, — уже после учебы в интернате, жизни в поселке или городе. Благодаря тайге они были до определенной степени независимы от государственных исполнительно-законодательных органов, от сковывавшей инициативу системы контроля и управления. Эта, хотя и очень относительная, независимость, давала им некоторое моральное преимущество перед оседлыми эвенками. С ними могли сравниться только охотники. Но их независимость была более кратковременной, — стиснутой лицензиями, инспекцией, охотничьими обществами и билетами, наконец, временем отпусков, — хотя и не менее притягательной. Скорее всего, эти реальные независимость и автономность, «непохожесть» объективно не могли не вызывать неудобства у властей, порождая стремление к унификации. В то же время нельзя было не видеть, что «лесные люди» крепко привязаны к поселку тысячами нитей-связей, — родственными, производственно-эко-

Рис. 6. Петя Каплин. 1989.
Fig. 6. Petya Kaplin. 1989.

номическими, социально-культурными, бытовыми... Сложная жизнь на грани разных миров требовала огромных морально-нравственных затрат.

Многое изменилось с тех пор, как кочевники были включены в орбиту российского (и особенно — советского) государства. Для тех, у кого есть олени, тайга все еще остается домом. Там к ним возвращаются уверенность, достоинство и радость жизни. Увидели бы их поселковые жители, у которых, не без оснований, сложилось убеждение: эвенки — это бедность, пьянство, иждивенчество...

Уже после защиты диссертации я познакомилась с опытом работы австралийских антропологов по земельным искам аборигенов на Северной территории Австралии (Сирина, 1998). Оказалось, что они уже давно собирали еще более расширенную информацию о социальной структуре аборигенов, священным ме-

стам, особенностям землепользования, стараясь установить границы занимаемой в прошлом территории. Хотя пока нет никаких видимых признаков большого геологического бума в районе моих исследований, очень возможно, что это время впереди. Тогда книга будет не только страницей истории и культуры Катанги, но сможет принести практическую пользу в подтверждении прав на свои территории тем эвенкам, которые еще охотятся на оленях и кочуют по тайге начала XXI века, или собираются вернуться к своим традиционным занятиям.

ВВЕДЕНИЕ

«Главная трудность при исследовании тунгусов... эти люди почти круглый год блуждают вразброд по каким-то неведомым дебрям»

(И.И. Майнов «Некоторые данные о тунгусах Якутского края»)

Около 30 тысяч эвенков расселены на огромной территории Сибири более или менее компактными группами. Неодинаковые природные условия, разнообразное этнокультурное окружение, другие обстоятельства обусловили своеобразие эвенкийских групп с точки зрения их языковых и культурных особенностей.¹ Перенос исследовательского интереса на отдельную эвенкийскую группу позволит полнее представить общее и особенное в эвенкийской культуре.

Согласно переписи 1989 г., в Иркутской области, преимущественно в сельской местности, проживает 1369 эвенков и 731 тофаларов (см. табл. 1).

Книга посвящена особенностям расселения и организации среды жизнедеятельности в группе катангских эвенков, численностью 546 человек (1989). Они живут в административных границах Катангского района Иркутской области.

Географически это территория Енисейско-Ленского междуречья (зона тайги), включает в себя верхнее и начало среднего течения р. Нижняя Тунгуска. Название эвенков «катангские» происходит от топонима Катанга (так называют реки Подкаменная и Нижняя Тунгуска). Этот топоним дотунгусского происхождения адаптирован населением и использован при наименовании Катангского района (который был создан в 1930 г.), а также груп-

¹ даже если верна гипотеза Н.В. Ермоловой о длительном конвергентном развитии эвенков и эвенков-орочонов (Ермолова, 1993).

Таблица 1

Район	Сельсовет (администрация)	П. Д.	Наименование поселения	Общее число жителей	Численность народов Севера
Бодайбинский	Перевозовская	С.	Перевоз	1979	25
Казачинско-Ленский	Казачинский	С.	Казачинское	4300	13
	Казачинский	С.	Магистральный	7800	14
	Казачинский	Д.	Вершина Ханды	48	47
Катангский	Бурский	С.	Бур	243/189	25/17
	Ербогаченский	С.	Ербогачен	2834/2271	117/136
	Ербогаченский	Д.	Тетя	85/77	81/72
	Еремский	С.	Ерема	124/102	11/13
	Икский	С.	Ика	133/104	21/24
	Наканновский	С.	Наканино	176/148	88/70
	Наканновский	С.	Инаригда	16/14	7/5
Качугский	Непский	С.	Непа	481/447	4/6
	Оськинский	С.	Оськино	86/69	7/6
	Подволошинский	С.	Подволошино	526/495	3/-
	Преображенский	Д.	Верхне-Калинино	81/64	3/3
	Преображенский	С.	Преображенка	663/649	31/24
	Преображенский	Д.	Мога	19/11	- /7
	Токминский	Д.	Токма	169/127	6/43
	Кондогирский	С.	Хамакар	205/162	143/138
	Вершино-Тутурский	С.	Чинонга	60	54
	Вершино-Тутурский	С.	Вершина Тутуры	177	153
Киренский	Вершино-Тутурский	С.	Тырка	16	12
	Чечуйский	С.	Чечуйск	201	25
	Мамско-Чуйский	П.	Горно-Чуйский	1200	21
Усть-Кутский	Адм. пос. Горно-Чуйский	Р.п.	Мама	5500	27
	Адм. пос. Горно-Чуйский	П.	Согдиондон	1400	17
	Бобровский	С.	Бобровка	243	15
	Бобровский	С.	Максимово	76	9
Осинский	Боярский	С.	Боярск	134	8
	Омолыйский	С.	Омолый	147	7
	Осинский	С.	Оса	3450	32
Ольхонский	Еланцинский	С.	Еланцы	4300	35

пы эвенков, проживающих здесь. Постепенно вместо названий «киренские», «курейские», «кондогирские» эвенки наименование «катангские» стало более употребительным.

Катангские эвенки называют себя *илэ* — человек (Василевич, 1962, 1969). Особенности группы катангских эвенков — это высокая степень аккультурации, в результате длительных и довольно тесных контактов с русским старожильческим и якутским населением, и высокая степень оседлости. Лишь около 30 человек из 546 (а это примерно 5%) ведут неоседлый образ жизни. Насколько он «традиционен»? Что общего имеет с «традиционным» жизненным укладом прошлого, как он представляется по литературным, архивным и устным источникам?

Под «организацией среды жизнедеятельности» я имею в виду приведение в определенную систему, упорядочение взаимоотношений этноса или этнографической группы с окружающей средой в процессе хозяйственно-бытовой, культурной адаптации, конкретнее — в процессе пространственной организации среды. Данный термин охватывает в основном область традиционной материальной культуры; в последнее время практически параллельно употребляется термин «система жизнеобеспечения». Впрочем, вопрос о внутреннем членении культуры как системы и явления до сих пор остается «сложным и неясным» (Арутюнов, 1989. С. 129). Преимущество употребляемого термина, на мой взгляд, состоит в том, что он подчеркивает творческий характер организации среды, в неразрывной слитности материального и духовного начала, позволяет глубже проникнуть в механизм преемственности этнокультурных явлений.

Организация — планомерное, продуманное устройство, а также процесс. Организовать — значит упорядочить, привести в порядок (Ожегов, 1990. С. 456). Термины «организация пространства», «организация среды» уже давно, широко и успешно используются, например, в архитектурных исследованиях по отношению к организации архитектурного пространства среды: разумного, творческого процесса, выраженного в определенных правилах и нормах (Архитектура..., 1985; Орфинский, 1989); в философско-социологических исследованиях (Виноградский, 1988, др.). В этнографических исследованиях использование подобной терминологии началось сравнительно недавно и пока не нашло широкого применения (Карлов, 1991; Степанов, 1988; Чеснов, 1987; др.).

Представления о среде связаны с изучением взаимодействия носителей предметно-практической деятельности (субъектов среды) с окружением. Природная среда, в которой протекает жизнедеятельность этноса, со временем подвергается весьма существенным изменениям, вызванным как объективными (внутренне присущими самой среде), так и субъективными (антропогенными) факторами, связанными с хозяйственно-культурной деятельностью этноса (этносов), в результате чего она приобретает искусственные, вторичные черты.

Эвенки из всех сибирских народов наиболее склонны к кочеванию (Рычков, 1917, 1922). Слово «жить» они часто заменяют словами «идти», «шагать», «двигаться». Активный динамический способ освоения пространства определил такие их особенности, как замечательную способность ориентироваться, любовь и стремление к перемене мест, в большой степени развил восприятие и «философию» пространства. В связи с подвижным, кочевым образом жизни у эвенков выработалось особое отношение к пространству, освоение его в линиях кочевых маршрутов (динамический, или линейный способ организации среды). Оппозиция С. А. Токарева «дом» и «все, что вне дома» (где дом понимается как жилище человека) (Токарев, 1970) может быть перефразирована для эвенкийского неоседлого образа жизни как «территория обитания» и «все, что находится вне ее», причем эта оппозиция не является жесткой схемой. Отношение к пространству и способы его освоения стали существенным элементом этнического образа эвенков. В данной работе я попыталась выделить и проанализировать составляющие этого отношения.

В книге рассматриваются три основных вопроса, сгруппированные по главам. Первый — как повлияли социально-экономические, политические перемены советского времени на численность, родовой состав, динамику расселения эвенков, в целом на их образ жизни. Особое внимание уделено деятельности Киренского отделения Комитета Севера, восстановленной на основе архивных материалов. Второй — каким образом современные неоседлые эвенки организуют среду своей жизнедеятельности, с точки зрения как динамического (линейного), так и статического способов. Анализ динамического способа организации среды потребовал изучения вопросов особенностей уклада современных охотников-олсневодов, эвенкийского землепользования, этнопонимки, циклов кочевания, типологии и специфики кочевых

поселений. Этнические особенности архитектуры проявляются не только в планировке поселений, но и в своеобразии ее форм, построек. Эвенкийское стойбище — это особая форма поселения, организации человеком среды с целью обеспечения оптимальных условий всей совокупности типов жизнедеятельности. Выяснение особенностей вторичной, материально-организованной среды, и прежде всего собственно среды поселения т.н. статическим способом составляет важную часть данной работы. И, наконец, третий, — каким образом формируется и из каких компонентов складывается у эвенков духовное осмысление, духовная общность с территорией.

Основу исследования составили полевые, а также архивные и литературные материалы.

Первые сведения этнографического характера об эвенках относятся к XVIII веку, их оставили Д. Г. Мессершмидт и И. Г. Гмелин из Российской Академии наук. Первый проехал от устья реки Нижняя Тунгуска до с. Подволошино у переволока на великую сибирскую реку Лену. Оставил записи о тунгусских перекочевках, кратко описал их жилища — чумы, крытые летом берестой, а зимой — *нюками* из оленьих шкур, записал не встречающееся в настоящее время самоназвание тунгусов, живших в верховьях реки — *хундысал* — «хозяева собак» (Новлянская, 1962). В небольшой заметке И. Г. Гмелина были собраны сведения о местах кочевий еромских тунгусов, их хозяйственных занятиях, постройках, пище, кратко описан погребальный обряд (Титова, 1978). В конце XVIII века на Нижнюю Тунгуску из Вилуйска для топографического исследования этого района был командирован В. С. Попов, который описал быт тунгусов р. Нижняя Тунгуска, ее притока р. Чона и р. Илимпеи (Лимты) (Стрелов, 1916).

В XIX в. на Тунгуске побывали экспедиции А. Ф. Миддендорфа (1843—1844), А. Л. Чекановского и Ф. Ф. Миллера (1873—1875), И. Д. Черского (1882). А. Ф. Миддендорф описал илимпейских тунгусов (Миддендорф, 1878), Ф. Ф. Миллер опубликовал материалы по хозяйству и быту ербогаченской, наканновской, верхневилуйской и оленекской групп тунгусов (Миллер, 1895). Несмотря на это, в конце XIX в. И. Д. Черский отмечал, что район крайне мало исследован в этнографическом отношении, причем это относилось как к тунгусам, так и к русским старожилам (Черский, 1885).

В. Я. Шишков, в начале XX века проводивший на Нижней Тунгуске гидрографическую экспедицию, которая могла бы закончиться трагически, не встретиться ему на пути кочевники-тунгусы, оставил интересные записи о своем путешествии. «...Нижняя Тунгуска живет не хлебом, а промыслом... в каждом дворе по 5—7—10 зверовых собак, по 7—10 ружей, в избах на полу коврики из оленьины, из сохатины, сундуки покрыты тоже зверовыми шкурами, где-нибудь в углу — рогатины, либо тунгусская «пальма» (Шишков, 1985). Путешествие и встреча с «трудолюбивым, симпатичнейшим народом» Катанги изменили всю его жизнь, сделав писателем.

Материалы переписи 1897 г., проанализированные и обобщенные С. Паткановым, имеют сведения о численности катангских эвенков в главе «Иркутская губерния». Относительно особенностей расселения тунгусских групп автор заметил: «...местоположение стойбищ не известно в точности... не только места, но и названия ... кочевий и стойбищ вовсе не указаны в переписном материале» (Патканов, 1906. С. 106). К 1917 г. у илимпейских эвенков, северных соседей катангских, побывал К. М. Рычков, оставивший интересную работу, в которой содержатся ценные материалы практически обо всех сторонах жизни эвенков: об основных видах хозяйственной деятельности, кочевом быте, некоторых принципах перекочевки (Рычков, 1917, 1922).

В советское время эвенки Катангского района попали в сферу деятельности Киренского отделения Комитета Севера. В связи с этим в районе в 1929 г. работала Киренская экспедиция Сибирского земельного управления под руководством экономиста И. П. Копылова, в составе охотоведа А. А. Погудина и землеустроителя Н. Я. Романова. Ее целью было проведение землеустроительных работ в верхнем течении реки, расположенном вблизи от других густонаселенных сибирских рек — Лены и Илима. В подробнейшем отчете экспедиции содержатся ценные материалы по особенностям расселения, землепользования, хозяйства как эвенков, так и русских старожилов (538/1/183); эти данные широко использованы при написании книги.

В 1930 г. по Нижней Тунгуске сплавливались сотрудники Иркутского музея П. Г. Полтараднев и П. П. Хороших. Они были заняты сбором экспонатов по этнографии эвенков в целях пополнения фондов Иркутского краеведческого музея. П. Г. Полтараднев попутно собрал и опубликовал этнографические материалы об оле-

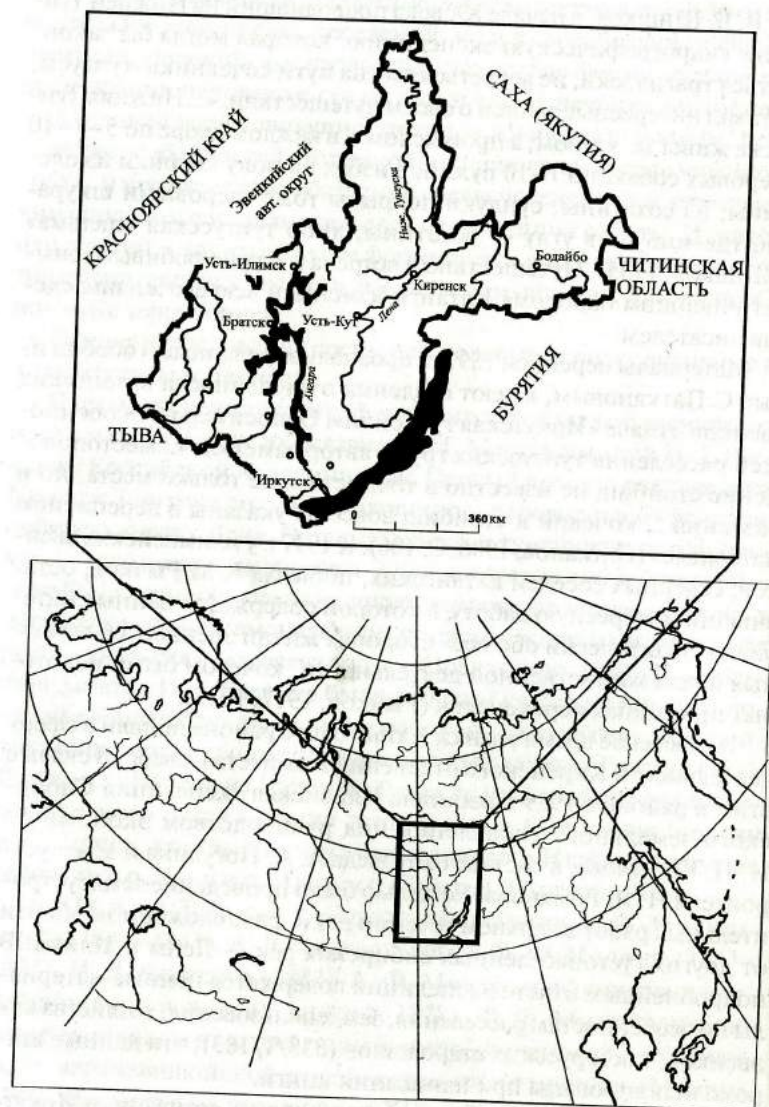

Рис. 7. Карта-схема Иркутской области и района исследований.
Fig. 7. The map scheme of Irkutsk province and the region being investigated.

неводстве у эвенков Нижней Тунгуски (Полтараднев, 1932), а П. П. Хороших — о путевых знаках у эвенков (Хороших, 1950).

Студенткой в 1926 г. начала свои исследования у катангских эвенков ставшая впоследствии признанным научным авторитетом в области тунгусоведения, Г. М. Василевич (Василевич, 1926, 1930). Она первая обследовала все их территориальные группы, поставив и проанализировав в одной из своих статей самые разнообразные вопросы эвенкийской этнографии: происхождения, расселения, родового состава, хозяйства, материальной культуры и др. (Василевич, 1962). Интересна статья Ю. Б. Стракач, который работал в составе Эвенкийского отряда Северной экспедиции Института этнографии АН СССР под руководством Г. М. Василевич, посвященная периоду советского строительства у токиминских эвенков (Стракач, 1962).

В. А. Туголуков подвел итоги изменениям в хозяйстве и быте эвенков Иркутской области за полтора века, однако эвенки Катангского района в этой обзорной, основанной на архивных источниках, статье, не рассматривались (Туголуков, 1965). В конце 1970-х годов в районе работал М. Г. Туров из Иркутского университета, полевые наблюдения которого послужили одним из источников для реконструкции хозяйства эвенков таежной зоны Средней Сибири (Туров, 1990).

Я проводила свои полевые исследования в 1981, 1987–1991, 1993, 1995, 2000, 2001 гг. в Катангском, а также соседних Киренском и Качугском районах Иркутской области (рис. 7).

Исследования в Катангском районе проводились на средства министерства культуры в период моей работы в областном краеведческом музее Иркутска (1986–1988). В этих экспедициях были собраны коллекции по этнографии эвенков и русских старожилов, которые хранятся в его фондах. Две экспедиции (1990, 1991) были профинансированы Институтом этнологии и антропологии Российской Академии наук. Экспедиция 2000 г. осуществлена на личные средства, экспедиция 2001 г. — Института Александери (Финляндия).

За время экспедиционной работы были обследованы практически все населенные пункты Катангского района, где живут эвенки. Основные работы проводились непосредственно на сезонных стойбищах эвенков, ведущих приближенное к традиционному неоседлое хозяйство. Мне удалось побывать во многих семьях оленевых эвенков, принимая непосредственное участие в их сезонных пере-

кочевках, в основном в летний и осенний периоды времени. Результатами этих работ стали сбор документальных полевых материалов, составление планов-схем сезонных стойбищ, нанесение на карту маршрутов кочевания, фотофиксация, и последовавшие публикации (Сирина, 1992, 1993а, 1993б, 1995, 1999).

Широко привлечены также архивные материалы, практически впервые вводящиеся в научный оборот. Эти материалы хранятся в Государственном архиве Иркутской области (ГАИО), в фондах Сибирского комитета содействия народностям северных окраин Сибири (р-538), Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (р-565), Восточно-Сибирского краевого земельного управления (р-440), Киренского комитета Севера (р-528). Они относятся главным образом ко времени 1920–30-х гг. Привлечены архивные материалы из фондов р-1468, р-50, р-600, р-770. Используются также неопубликованные материалы Сибирского отделения ВАСХНИЛ НИИ сельского хозяйства Крайнего Севера, другие документы, хранящиеся в архиве Катангской районной администрации (бывшего райисполкома), а также в Катангском районном музее им. В. Я. Шишкова. В работе использованы материалы Всесоюзных переписей населения, относящиеся к исследуемому району, а также статистические материалы Ассоциации народов Севера того же района. Я благодарю сотрудников упомянутых музеев, архивов, статистических бюро, библиотек, редакции газеты «Правда Севера» за содействие в обеспечении доступа к материалам и помощь в работе.

Обычно я веду свои исследования индивидуально. Но надеюсь, что мои подруги Елена Е. Антипина и Татьяна В. Лях не пожалели о времени, проведенном в экспедициях 1981 и 1988 годов. Их жизнерадостность, терпение и чувство юмора незабываемы.

Работа была написана в отделе этнографии народов Сибири и Крайнего Севера Института этнологии и антропологии Российской Академии наук. Я благодарна научному руководителю, доктору исторических наук, профессору Зое Петровне Соколовой за требовательное и доброжелательное руководство, а также моим уважаемым оппонентам, доктору исторических наук, профессору Виктору Владимировичу Карлову, доктору исторических наук, профессору Юрию Борисовичу Симченку, кандидату исторических наук Татьяне Борисовне Уваровой. Благодарю также Михаил-

ла Григорьевича Турова из Иркутского университета, способствовавшего развитию интереса к этнографии эвенков.

Огромное спасибо моим друзьям из Красноярска архитекторам Елене и Геннадию Трубиновым, которые выполнили чертежи и рисунки с моих фотографий и черновых зарисовок. Я искренне признательна моим землякам, иркутским археологам Владимиру Ивановичу Базалийскому, Алексею Владимировичу Тетенькину, Андрею Анатольевичу Тютрину, и особенно Евгению Матвеевичу Инешину, за ценные советы и помощь. Сердечно благодарю Дэвида Андерсона за поддержку переиздания моей книги.

Текст новой книги в своей основе остался неизменным (Сирина, 1995). Она дополнена предисловием и послесловием, новым параграфом «Дневник охотника», выдержками из полевых дневников 1987–1995 гг., некоторыми архивными материалами. Последняя V глава написана при поддержке Юбилейного фонда Банка Швеции и показывает изменения, происшедшие в культуре эвенков за последние десять лет. Она основана на статистических материалах и полевых наблюдениях 1995, 2000–2001 гг. Книга иллюстрирована картами, рисунками и photographиями. Авторство фотографий принадлежит мне там, где нет специальной отсылки на иного автора.

Эту книгу я рассматриваю как знак признательности и уважения моим информантам, — В.П.Каплину, М.П.Егорченко, Н.В.Каплину, Е.В.Поповой, Т.В.Митиной, П.К.Каплину, А.Я.Веретнову, Г.Г.Фаркову, Н.П.Егорченко, А.И.Юрьеву, Е.П.Сычегир, И.В.Монго, Н.П.Щербинину, Б.М.Сычегир, В.Сычегир, В.П.Бояршину, Н.В.Бояршиной, М.Н.Сычегир, Л.П.Сычегир, А.П.Сычегир, В.Д.Каплину, Г.Г.Апкину, Болдакову, семье Гордеевых из Токмы, З.В.Монаховой, А.В.Кривошапкину, Н.П.Коненкину и еще многим жителям Катанги, помогавшим провести это исследование.

ГЛАВА I.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

1. ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ И ИСТОРИЯ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ ДО ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

С XVII до первой четверти и даже до половины XX вв. население Катангского района было представлено тремя основными этническими группами, относительно стабильными по численности: тунгусы (эвенки), русские старожилы, со второй половины XIX в. — якуты. Эти этнические группы не были обособленными, в их среде происходили интенсивные процессы аккультурации и ассимиляции.

Рассматриваемая эвенкийская группа уже с XVII в. имела этнические контакты с русским старожильским, а с XIX в. — с якутским населением. В результате процессов аккультурации эвенки юга района получили ориентацию на оседлый образ жизни с занятиями скотоводством и земледелием при сохранении большой роли охоты. Русские старожилы также много позаимствовали у эвенков в области организации промысла и адаптации к среде. «Внедрение в тайгу русских земледельцев и ежегодный заход русских охотников в зверопромысловые дачи тунгусов не могли не сказаться и не повести к ряду как положительных, так и отрицательных последствий. Среди отрицательных — все, что связано с промыслом — травля оленей собаками, разорение лабазов, заход в зверопромысловые угодья тунгусов... Положительное влияние: на общее развитие, выработку качеств, позволяющих приспособиться к существующей экономической обстановке» (528/1/183:66).

Потомки смешанных русско-эвенкийских браков в третьем-четвертом поколениях оказались настолько интегрированы в рус-

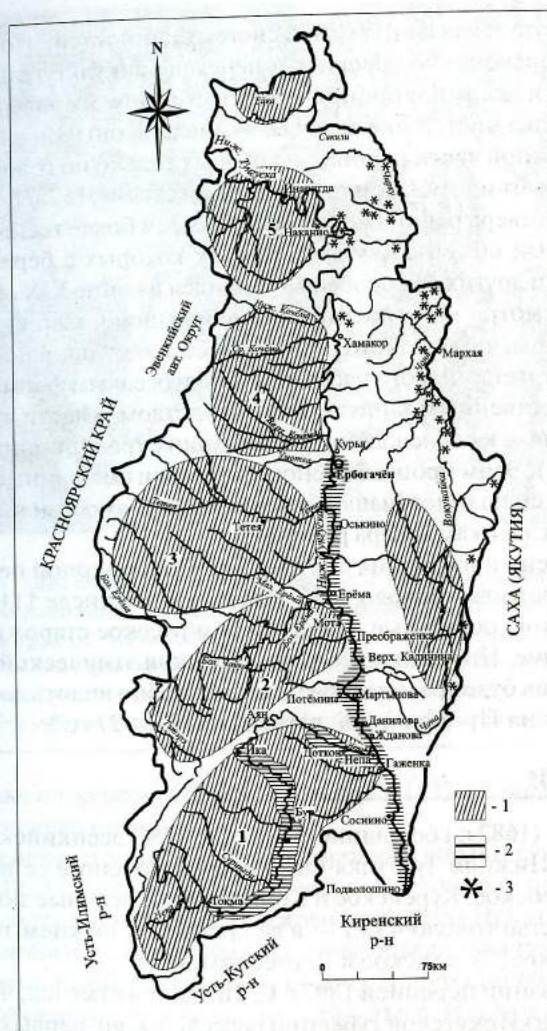

Рис. 8. Приблизительные ареалы расселения населения Катангского района. Конец 1920-х годов.

I — эвенки (1 — токминские; 2 — преображенские; 3 — еромо-тетейские; 4 — ербогаженские; 5 — наканновские), II — русские; III — якуты.

Fig. 8. The map scheme of the Katanga district of the Irkutsk province. The areas of the settling of the inhabitants.

скую культуру и связанную с ней систему ценностей, что в их отношении правомерно говорить о переходе аккультурационных процессов в ассимиляционные и о частичном их завершении. «Есть изредка чистейшие метисы, — писал Копылов в 1927 г. о тунгусах южной части района, — которых только по говору можно отличить от илимских или ленских крестьян». (528/1/183:59).

Эвенки севера района исторически имели более тесные связи и культурный обмен с якутами, приток которых с берегов Вилюя, Чоны и других рек особенно усилился в конце XIX — начале XX вв. Несмотря на относительно небольшое число якутов на севере района, там происходили процессы аккультурации и переход части эвенкийского населения к полуоседлым формам быта с преимущественным занятием скотоводством, а части якутского населения — к оленеводству (в сочетании с традиционным скотоводством). Этим процессам способствовали смешанные браки. Двухязычие, смешанное (чаще — эвенкийское) самосознание были характерны эвенкам севера района.

Ко времени проведения в 1926–27 гг. Приполярной переписи в районе проживало около 4425 человек, в том числе 1115 эвенков, 80 якутов, остальные — в основном русское старожильческое население. Ниже процесс формирования этнической картины населения будет рассмотрен более подробно вплоть до времени проведения Приполярной переписи (1926–27 гг.).

ЭВЕНКИ

В XVII в. (1682 г.) большинство (около 55%) эвенкийского населения р. Нижняя Тунгуска было сосредоточено в ее верхнем течении (Непское, Курейское и Кондогирское ясачные зимовья), а меньшинство (около 45%) — в ее среднем и нижнем течении (Илимпейское, Турыжское и Летнее зимовья).

На основании переписи 1897 г. С. Патканов отмечал, что тунгусы (эвенки) Иркутской губернии расселены, во-первых, в восточной части Верхоленского округа и, во-вторых, в «лесисто-гористых местностях огромного Киренского округа». В последнем имелось три самостоятельных тунгусских ведомств: Киренско-Хандинское, Курейское и Кондогирское. Подавляющее большинство тунгусов — из 1399 человек обоего пола по всему Киренскому округу 1283 человека — были кочевниками (Патканов, 1896. С. 108). Вне пределов Киренского округа имелась еще Нижне-

Рис. 9. «Две семьи тунгусов-кочевников. У них есть рубленая изба-гуле, где живут в ней часть зимы, остальное время кочуют. Налево две девушки с маутами в руках». КРКМ. №11. Фото и текст В. Я. Шишкова, 1911.

Fig. 9. «There are two families of the nomadic Tungus. They have a log cabin gule, where they live in winter, the rest of the time they nomadize. On the left there are two girls with the maut (lasso) in their hands». The Katanga regional Museum.

илимская инородная управа, в которой в 1837 г. платили ясак 167 душ мужского пола.

Курейская и Кондогирская инородные управы существовали здесь с 1822 г. В административном отношении они принадлежали Преображенской волости Киренского уезда Иркутской губернии. Кондогирская инородная управа объединяла тунгусов севера современного Катангского района Иркутской области (от с. Преображенское на юго-востоке до устья р. Илимпея на северо-западе). В 1837 году старостой Кондогирской инородной управы был Иван Фарков. Собранные им в том же году денежные сборы (в счет ясака в кабинет Его Императорского Величества и на внутриволостные повинности) с 47 душ мужского пола (729/1/4:30б.) составили 705 руб. (729/1/1). К 1880 г. в Кондогирской инородной управе состояло 279 человек с 668 оленями, 8 лошадьми, 11 головами крупного рогатого скота (729/1/5:12).

Курейская инородная управа объединяла тунгусов южной части района (в пределах Преображенской волости примерно на расстоянии до 500 км от с. Подволошино). Часть «инородцев» Курейской инородной управы Киренского округа проживали по реке Витим. В 1837 г. по Курейской управе ясак был собран с 141 человека мужского пола. В 1879 г. общая сумма податей по управе составила 626 руб. 88 коп. (729/1/4:3об.). В 1880 г. в Курейской инородной управе насчитывалось 506 душ, «большая часть инородцев ведут жизнь бродячую, хлебопашеством же занимаются только три человека» (729/1/5:1). Управление этими тунгусами велось из одного административного центра, расположенного в русской деревне Юрьевой на реке Нижняя Тунгуска (Патканов, 1906. С. 107–108). По-видимому, кондогирская и курейская инородные управы были искусственно созданными, «административными» родами. Тем не менее разделение катангских эвенков на кондогирских и курейских закрепилось в научной литературе.

Кондогирские тунгусы на юге и юго-востоке граничили с курейскими тунгусами, на востоке — с вилюйскими тунгусами и якутами, на западе — с кежемскими тунгусами Енисейского округа. Численность кондогирских тунгусов составила в 1897 г. 293 человека.

Численность курейских тунгусов составила 303 человека обо-его пола. Они обитали в верхнем течении р. Нижняя Тунгуска, до границы с Макаровской волостью на р. Лена. На юге и юго-западе их соседями были русское старожильческое население и киренско-хандинские тунгусы, на севере — кондогирские тунгусы, на востоке и юго-востоке — якуты и бодайбинские тунгусы. Киренские тунгусы жили чересполосно с русскими, оседло по рекам Аикта и Тира. Они были обрусевшими, занимались хлебопашеством, утратили свою культуру. «...часть их поженилась на русских женщинах, другая даже забыла родной язык и только считается людьми «тунгусьей породы» (528/1/183). В 1897 г. С. Патканов зафиксировал факт сокращения численности курейских тунгусов.

Приполярная перепись зафиксировала здесь пять территориальных группировок эвенков: наканновскую, ербогаченскую (по местоположению они относились к бывшим кондогирским тунгусам), еромом-тетейскую, преображенскую и токминскую (по

местоположению — бывшие курейские тунгусы). Воспроизводимая ниже таблица 2 показывает численность и места тяготения каждой из этих групп (Туголуков, 1985. С. 103–104).

Ареал наканновской территориальной группы, по Б.О. Долгих, охватывал бассейн р. Нижняя Тунгуска, от ее излучины ниже устья р. Нижняя Кочема до порога выше устья р. Кудеранки, верховья р. Ейко и верхнее и среднее течение р. Мункаты (приток р. Ейко). На севере и востоке граничит с Якутской АССР, на западе — с Красноярским краем.

На р. Нижняя Тунгуска в пределах ареала расположены поселки: Анкачо, Апка, Тынлякит, Канка (Наканна), Аякан, Сименга, Дявлявдяк, Инаригла.

Ареал ербогаченской территориальной группы охватывал территорию бассейна р. Нижняя Тунгуска от выселка Анкула (ниже устья р. Тетей) до излучины Нижней Тунгуски ниже устья р. Нижняя Кочема. Полностью в пределы ареала входят бассейны притоков р. Нижняя Тунгуска рек Ингаули, Средней и Верхней Кочемы. Почти целиком в пределы ареала входит р. Нижняя Кочема, часть бассейна р. Чона, низовья притоков р. Чона и Вакунайка.

Таблица 2

Факторий	Число семей	Численность человек	Количество оленей	Центры тяготения
Усть-Илимпейская	21	94	271	п. Илипея
Верхне-Илимпейская	19	117	425	п. Туно́р на р. Илипея
Наканновская	23	114	138	п. Наканно
Ербогаченская	38	199	202	с. Ербогачен
Еромом-Тетейская	36	168	519	п. Тетей на р. Тетей
Преображенская	59	237	136	с. Преображенское
Токминская	86	397	1636	п. Токма
Итого	282	1336	3327	

В пределах ареала расположены с. Ербогачен, выселки Анкула, Шивера, Сильгиса, Потакуй, Кулинда, Подкаменный, Бугоркан, Санара (живут главным образом русские). Оселые эвенки и якуты живут главным образом в Ербогачене и близ него (выселки Чупа, Ярманга).

Ареал еромом-тетейской территориальной группы охватывает бассейн р. Еромо и Тетей (левый приток р. Нижняя Тунгуска), за исключением части их истоков в Красноярском крае, верховьев притоков р. Тетеи.

Ареал преображенской территориальной группировки охватывает юго-восточную часть Катангского района (южная и восточная граница ареала совпадают с границами района и включают в свои пределы р. Нижняя Тунгуска от рек Антоновки и Кудуйн вниз до выселка Нивнюк включительно, низовья р. Непа, устья р. Тетей и Ерома, бассейн р. Чоны от истока до устья р. Буады и верховья р. Вакунайка.

В пределы ареала на Нижней Тунгуске целиком входят сельсоветы Соснинский (д. Соснина, Логашина и ряд выселков: Лиственничный, Антоновский, Байкал и др.), Непский (д. Непа и Гаженка), Мартыновский (д. Мартынова, Мельничная, Потемкина, Данилова), Верхнекалининский (д. Верхняя Калинина, Нижняя Калинина, Боковикова, Федорова), Преображенский (с. Преображенское, д. Юрьева), Могинский (д. Мога, Жданова), Ереминский (д. Ерема, Лужки), Оськинский (д. Оськино, Курья, выселки Камешок, Кривой, Нивнюк), на р. Непа — Аянский сельсовет (д. Аян, Базурина, выселки Березин, Виска, Курья, д. Доткон), а также верхняя часть бассейна р. Ичера (приток р. Лена), где находятся выселки Ключи и Бор.

Ареал токминской территориальной группировки охватывал верховья Подкаменной и Нижней Тунгусок (бассейн р. Непа), верхнюю и среднюю часть притоков р. Лена — рек Куты и Тиры, где в 1928 г. образовали Токминский тузсовет.

В ареал входит бассейн р. Непы от п. Ика включительно, бассейн р. Нижняя Тунгуска от впадения в нее р. Нижний Гульмок, бассейн Подкаменной Тунгуски от устья р. Чулы, бассейн р. Куты вверх от д. Максимова, бассейн р. Тиры от устья р. Малой Тиры, истоки р. Тэтэрэ (приток Подкаменной Тунгуски) до устья р. Неймукон.

Русские образовали в среднем течении р. Непы Бурский сельсовет Киренского района (с. Бур, п. Ика, Усть-Шуринда), а в ее

верховьях — п. Токма, Бульдзак и Юктукон, входившие в Макаровский сельсовет Усть-Кутского района (Долгих, 1946).

Г. М. Василевич придерживалась деления катангских эвенков на четыре группы: две северные — наканновская и ербогаченская и две южные — непская и токминская. В основе выделения указанных ею групп лежали такие признаки, как межродовые брачные связи и расселение родов, этнографические и языковые особенности (Василевич, 1962. С. 99).

Что касается родового состава указанных групп, то, судя по имеющимся материалам, он выглядел следующим образом.

В число кондогирских эвенков Б. О. Долгих включал семь родов: Путугир (Пангаракай) (Увачан, Каплин, Монахов, Дондин, Казанский), Монголь, Галель, Сичогир, Хачакагир (Попов), Ошикагир, Окаригир — всего 629 человек. Причем более половины этих эвенков носили фамилию Каплин (Долгих 1946. С. 598–601; Туголуков, 1985. С. 137). К 1962 г., по данным

Рис. 10. Игра в оленей на летнем стойбище. 1935. Фото П. Г. Полтараднева (?). Фонды ИОКМ. № 469-278.

Fig. 10. The children play the reindeer game. 1935. Photo was taken by P. G. Poltaradnev (?). The Funds of the Irkutsk museum regional studies.

Г. М. Василевич, в родовом составе эвенков произошли некоторые изменения: так, к уже упоминавшимся родам присоединились роды Удыгир, Комбагир (основная масса которых в рассматриваемое время жила в Еконгде Илимбийского района Эвенкийского национального округа), Чапэгир, Кунгнокогир (Монаховы, Каплины), Брангат (наканновская группа эвенков); в ербогаченскую группу эвенков вошли отдельные семьи подкаменно-тунгусских родов Хорбо, Кочони, Нюшкагир, из наканновских — Увочан и Путугир; из непских, живших прежде по р. Еромо, — Маугир, из живших прежде по р. Чона — Силигир, из витимских — Чилчагир (Василевич, 1962).

В число курейских эвенков входило большее число родов (у представителей каждого из них была русская фамилия, даваемая обычно при крещении): Вакувагир, Лонтогир (Салаткины), Воягир/Вояир, Мугдокогир, Тугочаль (Давыдкины), Коршилль (Корчи) (Иргиневы, Болдаковы), Момоль (Коненкины), Мучугир (Сердиткины), Моулиль, Ургатыль (Бояршины), Конгнокогир (Шароглазовы), Путугир, Чимэйр-Чимдягир (Вакорины, Барнауловы, Пантеевы), Тонмогир (Колобовшины), Талиир, Хайкогир (Качины, Слободчиковы, Апкины, Белослюдцевы, Подгорбунские), Хангнадагир (Давыдкины), Чуракаир (Оськины, Баблокины, Карелины), Чемдаль (Горбуновы), Черончины.

Всего курейских эвенков насчитывалось 651 человек. У них было 1626 оленей (Долгих, 1946; Туголуков, 1985). Резкий рост численности курейских эвенков в 1920-х гг. может быть объяснен миграцией на Нижнюю Тунгуску большой группы прибайкальских эвенков, вошедших главным образом в токминскую территориальную группировку. Токминские эвенки брали жен с рек Илама, Ангара, Тетеи, из района Чемдальска Красноярского края, а также из Читинской области. По данным Г. М. Василевич, переселение в верховья р. Нижняя Тунгуска значительной части прибайкальских эвенков, а также ускоренный процесс распада кровнородственных и административных родов, формирование соседско-территориальных объединений, происходившее под влиянием контактов с русским и якутским населением, были причиной характерной для данного района этнонимической пестроты и диалектно-говорных различий. Так, эвенки юга района были носителями токминского и непского говоров эвенкийского языка, а эвенки севера района — наканновского и ербогаченского.

Объединение началось перед войной, примерно в 1936 г. Так, эвенки токминской территориальной группы жили: Апкины, Черончины — на Ходолките; Горбуновы, Оськины — на Урокане, Шароглазовы — на Ичеде, Болдаковы — на Ямном. Население маленьких поселков до укрупнения было в среднем от 40 до 80 человек, на 90% только эвенки. Они жили в избах и чумах, держали оленей. Сначала в п. Ходолкит переселяли эвенков из Ичеды, Урокана. Переселяли эвенков также в Волокон. После этого первого этапа укрупнения эвенков из Ходолкита и Волокона переселили в Токму. Некоторые эвенки не захотели переезжать в Токму и несколько семей Шароглазовых, Силкиных, Черончиных, Оськиных перебрались в д. Максимову Усть-Кутского района, откуда они, по-видимому, и пришли в 1920-е годы в верховья Нижней Тунгуски.

РУССКИЕ СТАРОЖИЛЫ

Русские старожилы Нижней Тунгуски практически не изучены с этнографической точки зрения. Они живут здесь с XVII в., времени освоения Сибири отрядами казаков, «гулящих» и промысловых людей, поднимающихся вверх по р. Нижняя Тунгуска с р. Енисей, а также крестьянами Туруханского монастыря. Заселение шло сначала с реки Нижняя Тунгуска, затем с реки Лена. Удаленность и труднодоступность района обусловили консервацию этнографических особенностей русских, которые в подавляющем большинстве были выходцами из северных губерний России, т. н. «великороссы». Эти этнографические особенности сохранялись здесь вплоть до недавнего прошлого. Проживание среди значительного по численности аборигенного населения обусловило и другие особенности, выразившиеся в процессах аккультурации, прежде всего, культурных заимствований в области охотничьего промысла.

К концу XIX в. здесь жили примерно 1 600 чел. (50/9/76). К 1926–27 гг. численность русских увеличилась (в основном за счет естественного прироста) до 2 500–3 000 чел. (Общественный строй... 1970. С. 442–443). Средний состав семьи в 1880-х гг. был 10,2 человека, к концу 1920-х гг. уменьшился до 6–7 чел. В результате деления больших (неразделенных) семей происходили миграции в основном внутри района. Их родственные связи прослеживаются как внутри района, так и с русскими старо-

жилами верхнего и среднего течения долины реки Лена (в основном в современных границах Киренского района Иркутской области), а также отчасти с курейскими тунгусами и якутами.

Особенности расселения, численности, фамильный состав русского старожильского населения показаны в таблице 3 (исключая русское население долины р. Непа и с. Подволошино (по видимому, не менее 300 чел.), не относившееся к Нижнетунгускому Преображенскому приходу, по исповедным росписям которого составлена таблица 3 (50/9/176).

В одной деревне жили представители одной-двух, редко более, фамилий. Это были по преимуществу Сафьянниковы, Верхотуровы, Пинигины, Инешины, Кузаковы, Ждановы, Юрьевы, Фарковы, Боковиковы. В. Я. Шишков заметил: «В селе Подволочном (Подволошино — А. С.) есть крепко пустивший корни род Пинегиных. Из 32 хозяйств этого села — 18 семей Пинегиных имеющих кровное родство... Есть две деревни В. и Н. Корелины, жители их носят ту же фамилию Корелиных» (Шишков, 1914. С. 57).

Особенности расселения русского населения района, родственные и экономические связи обусловили тесную взаимосвязь и взаимозависимость населения. Подобные примеры известны и в других регионах, где в близком соседстве жили представители этих двух этнических групп, например, в северо-западной Маньчжурии (Lindgren, 1938).

Русские старожилы р. Нижняя Тунгуска называют эвенков «тунгусами», «тангусами» (так, как их называли в старину), а местность, где они живут, «Тунгусией», «Катангой». Информация о своих этнических соседях выстраивалась по схеме: расселение — занятия — образ жизни. Русские люди хорошо подмечали особенности культуры соседей.

Т. В. Пинигина, 1921 г. р., жительница деревни Подволошино, так нарисовала «портрет» тунгусов: «*Приимчаты* (восприимчивы — А. С.), *смирны, не дракучи*» (недрачливы — А. С.). Она помнила, что в конце 1920-х г. две-три семьи тунгусов жили в окрестностях Подволошино, — на Шурынде (Суринде) в 12 км от села — в лесу, в избушке и в чуме. Жили также на левом берегу р. Нижняя Тунгуска напротив деревни. Охотились всей семьей на оленях, с ребятами. Отец Т. В. охотился с тунгусами на оленях в 80 км от деревни. Когда стали появляться колхозы, эвенки уехали, одна семья — в Гаженку, другая — в Туру Красноярского края.

Т. А. Кузакова пожала плечами: «*Люди как люди. Хорошие*».

Таблица 3

Деревня, село	Число дворов	Число жителей		Всего	Фамилии
		Муж.	жен		
С. Преображенское	18	57	53	110	Зыряновы, Юрьевы
Юрьева	13	53	54	107	Юрьевы
Нижнекалинина	22	39	34	73	Верхотуровы
Верхнекалинина	12	62	73	135	Верхотуровы, Пермьяковы
Боковинова	6	36	30	66	Боковиновы
Мартынова	7	24	22	44	Инешины, Дядкины
Данилова	2	22	16	38	Дядкины, Новосельцевы
Потемина	26	7	6	13	Пермьяковы, Боковиновы
Непа	6	88	102	190	Инешины, Верхотуровы
Гаженка	2	16	20	36	Зарукины
Логашино	4	5	4	9	Инешины, Власовы
Соснино	13	16	18	34	Сафьянниковы, Юрьевы
Мога	11	50	53	103	Сафьянниковы
Жданова	10	35	39	74	Ждановы, Юрьевы
Ерема	3	27	34	61	Фарковы, Мунгаловы
Лужки	13	17	17	34	Фарковы
Оськино	4	48	44	92	Фарковы, Юрьевы, Кладовиковы
Анкула	5	7	11	18	Колесниковы
С. Ербогачен	194	18	20	38	Фарковы, Мунгаловы
ИТОГО		607	650	1275	

Восьмидесятилетний В. И. Потапов (1987 г.), житель реки Лена, родился в деревне Федеряшино, которая была расположена близко к верховьям реки Нижняя Тунгуска. У жителей деревни там были покосы. «В тех местах жили тангусы в берестяных чумах, держали оленей, — рассказывал В. И. Потапов. — Возле де-

Рис. 11. Типы русских старожил Катанги. 1993.
Fig. 11. Types of the Russian old-settlers of Katanga. 1993.

реки Федеряшино была речка Моисеевка. На моей памяти, тангусы тогда жили уже по Тунгуске, приходили в деревню по покруту на оленях, с берестяными торсуками: седла седлают и два торсука на оленя вьючат. По 10–12 оленей одна тунгусиха ведет. Жили они тогда по гульмакам (верхние притоки реки — А. С.) Нижней Тунгуски, — 5–6 семей. Километрах в шести от Федеряшино есть Шаманский ручей (ударение на первом слоге — А. С.). Тангусы специально собирались на ручье, на бугорке, когда ездили по покруту (взятие в долг под будущий промысел продуктов и товаров — А. С.) — летом и осенью, когда хлеб поспевает. На ручье шаманили. Мы ребятишками бегали смотреть. Костер тангусы разожгут, вокруг рассядутся, а шаман посередине. Оленя режут. Шаман всяко-разно прыгает. Оболоченный шаман. Одежда на нем хорошая. Все обделана бисером (бисером — А. С.), все из шкуры сделана... Потом все садятся — гулять начинают. Шаман мясо оленя отрезает и каждому по кусочку дает. Перестали тангусы ездить на ручей при советской власти. Их сначала собирали на Токму в колхоз, чтобы жили в избах. Оленей объединили. Помню одного окулаченного тунгуса Федора. Карелинские (жители деревни Карелина — А. С.) ему избу срубили. Он возил из лесу мясо, мы муку давали. Он на гульмаке жил».

М. И. Мунгалова из с. Преображенское рассказывала, как эвенки даже с Подкаменной Тунгуски приезжали в село к Петрову дню (12 июля — А. С.) за продуктами и в церковь. Останавливались возле деревни на высоком берегу («на виске»), где ставили чумы. Однажды две тунгуски шли на коленах около 2 км к Преображенской церкви, а ребятишки, среди которых была и М. И. Мунгалова, любопытствуя, бежали следом и показывали, где короче путь. Потом в церкви они «меха, шали клали на престол. Это они дали овещание (обет — А. С.)».

Головченко Леонид Федорович, 1924 г. р., из с. Преображенское, чьи предки были сосланы на Нижнюю Тунгуску в конце XIX в., в 1990 г. рассказывал: «Тунгусы жили по реке Ерема — много их было, и по притоку Еремы — Чайке. На Усть-Чайке был оленеводческий колхоз. Выше Чайки 90 км был чисто эвенкийский поселок Хомакашево. Сейчас там стоят несколько зимовий. Там была чума и много тунгусов вымерло. Из Хомакашевского сельсовета остатки (тунгусов — А. С.) спустились в Усть-Чайку. Преображенские эвенки проживали на Усть-Чайке. Охотились в родовых местах и при оседлой жизни в деревне. На охоте по примеру эвенков русские жили в чумах. Хоронили отдельно от русских, на борке, километрах в двух».

Верхотурова Валя, 1957 г. р., родилась в д. Калинина, жила в с. Преображенское. Когда она была ребенком, то запомнила две семьи эвенков, одна из которых жила в деревне, другая на окраине в чуме. «Они не хоронили на деревенском кладбище. Хоронили в лесу, отдельно, недалеко от деревни. Хоронили в земле, рядом втыкали шесты с привязанными к ним разноцветными ленточками. У тех, кто жили в срубных домах в деревне, в ограде стояли коринные чумы — там хозяйки дымили и выделывали шкуры».

Русская А. Д. Гордеева из п. Токма рассказывала, что «...раньше эвенки богато жили. Мяса у них всегда было вдоволь. Но и работали здорово, наравне с русскими. Не только охотились, но и сенокосили, и плотничали. Чистые эвенки добрее были, чем сейчас смесь. Последние штаны могли с себя снять, были услужливы, честны».

Характерной чертой русской оседлости в таежных условиях Средней Сибири было наличие «долинной колонизации», когда русские земледельцы расселились по берегам р. Нижняя Тунгуска и ее притока Непа. Подавляющее большинство русских проживало в южной части района, где были наилучшие условия для занятий земледелием. Границей русской оседлости здесь считалось село Ербогачен. Они вели комплексное хозяйство, занима-

ясь северным таежным земледелием, животноводством (коровы, овцы, лошади), рыболовством, овощеводством, собирательством. Несмотря на суровую обстановку (ранние заморозки, низкие температуры, недостаточно плодородные почвы), русское население на Тунгуске, Непе, Куте всюду имело посевы овса, ячменя, ржи и даже пшеницы: «...русские земледельцы упорно продолжают здесь выращивание хлебных злаков и временами снимают хорошие урожаи» (538/1/183:39об.).

Еще один важный фактор, обусловивший оседание здесь русского населения — возможность ведения промысловой деятельности. Деньги в расчетах с купцами практически не фигурировали: происходил прямой товарообмен, и большинство местного населения постоянно находилось в состоянии должников по отношению к купцам (Шишков, 1985. С. 396–403). Многие русские охотились вместе с эвенками, с которыми уже имели экономические или родственные связи. Постепенно происходила взаимная адаптация, заимствование способов, орудий, методов охоты, знакомство с особенностями местности, что сближало население разного этнического происхождения.

На период пушного промысла на территорию района заходили русские охотники-промысловики из соседних районов, особенно из Приленья, для которых доходы от охотничьего промысла составляли до 1/3 денежного дохода хозяйства: «...расположенные вверх от Бура выселки являются своего рода базой для пришедших с Лены охотников», — отмечалось в 1929 г. (528/1/183:123).

Землевладение русских осуществлялось «захватом». Сельскохозяйственное освоение приречных долин и близлежащих пространств под пашни, выгоны и сенокосы вызвало оттеснение эвенков вглубь таежной территории. Закрепление постоянных мест промысла происходило путем строительства сначала охотничьего балагана (зимовья), с «заводом» около него сенокосной расчистки для корма лошадям на промысле. При благоприятном стечении обстоятельств такое временное поселение могло превратиться в заимку, где в зимнее время жила часть семьи промышленника со скотом (538/1/183:102–107). Определенную роль при переселении вглубь тайги имели и мотивы «тунгусничания» — неэквивалентного обмена торговцев с эвенками, обмен пушнины на алкоголь.

Общее число охотников, как эвенков, так и русских в южной части современного Катангского района, по подсчетам И. П. Ко-

пылова, составило 1624 человека, из них эвенков — 126, таежного русского населения — 370, с Лены — 358, с Илима — 770 (538/1/183:180). В 1920-е годы происходило массовое проникновение и заселение отдаленных районов (из-за повысившейся цены на белку, неурожая в сельском хозяйстве). Выселки, заимки организовывались и за 200, и за 300 км от деревень. «В прежние годы, проникая в туземную территорию, русские хотя бы за бесценок, но все-таки откупали у тунгусов, считавшихся хозяевами, уголья, — отмечал Копылов. — С введением же закона об охоте (1923) эти все принципы нарушены и теперь всякий идет на промысел туда, где это его больше устраивает» (528/1/183:162).

Типы поселений были различны: деревни, расположенные по берегам рек; выселки и заимки с сенокосами (для корма лошадям на промысле), где часть семьи промышленника поселялась на зимний период времени и где содержала скот; охотничьи зимовья и балаганы в тайге, служащие кратковременным пристанищем охотников во время промысла пушного зверя, а также во время сенокоса. Заимка из временного могла превратиться в постоянное поселение, если хозяин заводил пашню.

В районах пограничного проживания земледельцев и охотников связи устанавливались на основе личных взаимоотношений между русскими и эвенками, как социального, так и экономического порядка (Lindgren, 1938; Кайгородов, 1968, 1970, 1970а). На Нижней Тунгуске практиковался институт «дружков», по сути равносильный «андакам» (от тунгусского *анда* — друг, товарищ), отмеченный Э. Д. Линдгреном и А. М. Кайгородовым у эвенков и русских в Маньчжурии; было распространено «гощение». «Степень, до которой русские отождествляют себя с их тунгусскими «андаки», показывает реплика сына купца Х., — писала Э. Д. Линдгреном. — На мой вопрос о размере семьи он ответил: «Четырнадцать — не считая наших тунгусов» (Lindgren, 1935).

Особенности землевладения в Сибири состояли в наличии больших массивов свободной земли, а также общинной собственности на выгоны для скота, сенокосные уголья (последние на основе обычного права переходили по наследству по мужской линии). Охотничьи участки русских старожилов, как и у эвенков, переходили по наследству по мужской линии; владение ими прослеживается до настоящего времени.

ЯКУТЫ

Восточными соседями курейских и кондогирских эвенков были вилюйские тунгусы (эвенки) и якуты. Якуты появились на севере Сибири в XVII в. и встретили «энергичное сопротивление» со стороны эвенков. Тем не менее С. Патканов сообщал, что «...якуты постепенно захватывают одно тунгусское угодье за другим, оттесняют их вглубь страны, иногда даже взимая арендную плату за пользование их прежними землями» (Патканов, 1906. С. 91). Численность тунгусов (эвенков) Верхневиллюйского уезда в конце XIX в. насчитывала 1038 человек. Они в основном были расселены в верхнем течении рек Вилюя и Чоны. В гористое междуречье Сунтарского уезда, по свидетельству С. Патканова, в местности к востоку от р. Чона заходили также и курейские тунгусы Иркутской губернии Киренского округа. В результате процессов аккультурации и межэтнического давления на территории среднего течения р. Нижняя Тунгуска появились роды Эмидак и Брангат (Бранат), которые, по воспоминаниям эвенков, «пришли откуда-то от якутов».

Приток якутов на берега Нижней Тунгуски особенно усилился в конце XIX — начале XX вв. с рек Вилюя, Чоны, Оленека. В 1820-х гг. якутское население Киренского округа Иркутской губернии составляло всего 25 человек мужского пола, а ко времени Приполярной переписи 80 человек обоего пола (Патканов, 1906; Долгих, 1946).

Среди фамилий северных якутов встречаются Егоровы (род Нортая), Романовы, Илларионовы, Аргуловы, Петровы, Ивановы, Громы, Игнатьевы, Григорьевы, Максимовы (род Иктоко) и др. В результате смешанных браков дети от таких браков часто записывались эвенками, в основном из-за распространившейся в советское время системы льгот. В конце 1920-х годов наблюдатели отмечали, что «оякучивание сказывается на туземцах Ангачевского тузсовета. Знают якутский язык, женятся на якутках, заимствуют формы хозяйства (скотоводство). ...Спор и вражда с якутами принимает затяжной характер. В осень 1928 г. в угодыя туземного населения вторглось 150 охотников-якутов» (2375/1/38:69). В Наканно якуты пришли из местности Туой-Хайя — Белая Гора в Якутии (до границы с Якутией здесь 30 км) во время второй мировой войны.

В настоящее время эвенкийское население смешанного якутско-эвенкийского происхождения проживает в поселках Хамакар и Наканно, в родословных кочевых эвенков Сычегир, Галиных тоже есть якуты.

Якуты вели в основном полуседлый и оседлый образ жизни. Среди хозяйственных занятий преобладало скотоводство (крупный рогатый скот) и коневодство. Занимались якуты также рыболовством и охотой, а некоторые имели оленей и вели, подобно эвенкам, кочевой образ жизни. Этот реальный факт поставил в затруднительное положение представителя Комитета Севера, в конце 1920-х гг. совершавшего инспекционную поездку по району. С вопросом к нему обратился Д. К. Егоров: «...Вот я якут ...Как в тузсовет будут меня считать?.. Я не имею лошадей и коров, а только оленей и все время кочую» (528/1/9:21). Некоторые якуты юга района в небольших масштабах занимались земледелием. В связи с этим и формы расселения, и типы поселений были самыми разнообразными.

В течение долгого времени население территории, занимаемой современным Катангским районом Иркутской области, было относительно стабильным по численности и этническому составу. Здесь жили эвенки, русские старожилы (преимущественно на юге района) и якуты (преимущественно на севере района). В результате такого этнического соседства, сельскохозяйственного и промыслового освоения территории сложились зоны чересполосного проживания и землепользования. Именно здесь наиболее активно происходили процессы взаимной аккультурации и ассимиляции, вызывавшие постепенные изменения в социальной среде. Они выражались в обоюдном заимствовании некоторых форм культуры и быта, а также в смене этнического самосознания, в основном эвенками юга района. Однако к 1926–27 гг. и даже до середины XX в. эти изменения были незначительны, возможно потому, что происходили медленным естественным путем. Эвенки, проживавшие на юге района, постепенно двигались к полуседлости и оседлости.

Последовавшее со второй половины XX в. резкое увеличение численности населения и изменение его этнического состава было вызвано комплексом социально-политических и социально-экономических причин, и повлекло за собой ускорение ассимиляционных и аккультурационных процессов, которые особен-

но сказались на эвенкийском населении. В следующем параграфе эти причины будут проанализированы, а затем я попытаюсь показать их последствия для этнической ситуации в районе.

2. ОЧЕРК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РАЙОНА

В XVII в. рассматриваемая территория входила в границы огромного Мангазейского (Туруханского) уезда. К середине XVII в. в Мангазейском уезде действовала сеть из шестнадцати постоянных ясачных зимовий, расположенных на реке Нижняя Тунгуска. Они существовали до начала XVIII в. В конце XVIII — начале XIX вв. верховья р. Нижняя Тунгуска выбыли из Туруханского края и вошли сначала в состав Якутского уезда, а затем в состав Киренского уезда Иркутской губернии (Долгих, 1960). Территория современного Катангского района Иркутской области до 1917 г. и даже несколько дольше входила в состав Киренского уезда, который занимал всю северную половину Иркутской губернии.

После 1920 г. на территории Иркутской губернии происходило национально-территориальное районирование. В 1925 г. территория современного Катангского района входила в состав Преображенской и Макаровской волостей (районов) Киренского округа Иркутской губернии.

В августе 1927 г. в бассейне р. Нижняя Тунгуска были образованы туземные (родовые) советы в составе Преображенского района Киренского округа Сибирского края (центром которого был г. Новосибирск) — Кондогирский (с центром в с. Ербогачен) и Верхнекатангский (с центром в с. Непа).

В 1927 г. Верхнекатангский и Кондогирский туземные советы выделились из Преображенского района, образовав Катангский национальный район с подчинением Киренскому округу. В июне 1928 г. из Кондогирского туземного совета выделились Наканновский и Ангачевский туземные советы, последний вскоре вновь слился с Наканновским. В январе 1929 г. был образован Токминский туземный совет (с центром в м. Токма).

КИРЕНСКИЙ КОМИТЕТ СЕВЕРА

Создание туземных советов шло в рамках деятельности Комитета Севера при Киренском окружном исполнительном комитете, созданном 2 марта 1927 г. В связи с тем, что на территории бывшей Иркутской губернии в это время были организованы 3 округа — Иркутский, Тулуновский и Киренский, Иркутский Комитет Севера был упразднен, а вместо него были созданы Киренский Комитет Севера и две должности уполномоченных Комитета Севера при Иркутском и Тулуновском окрисполкомах (538/1/24). Киренский Комитет Севера должен был обслуживать наиболее многочисленную группу катангских эвенков, проживавших по реке Нижняя Тунгуска и ее притокам — Непа, Верхняя, Средняя и Нижняя Кочемы, Чайка, Ерема, Тетя, Апка.

В состав Киренского Комитета Севера входили 3 человека: председатель А. А. Иваненко (заведующий отделом районного исполнительного комитета), члены Я. Н. Шебашев (заведующий окружным земельным управлением) и Ровинский (заведующий окружным отделом народного образования). Позже на этой должности работал А. С. Демченко — заведующий окружным организационным отделом. В качестве временных работников в состав Комитета входили уполномоченные по делам Комитета Севера, которые должны были работать «на местах». Это были: А. П. Кочура (с 15. 06. 27 г. по 2. 11. 28 г.), С. С. Виленчук (с 15. 09. 28 г. по 20. 06. 29 г.), Устьянцев (с 21. 05. 29 г. по 20. 01. 30 г.), С. Д. Пермяков (с 10. 12. 27 г. по 15. 10. 28 г.), А. Аксаментов (с 8. 08. 28 г. по 1. 01. 29 г.). Большинство этих людей не были подготовлены для работы среди народов Севера, а некоторые и прямо не имели «никакого представления» о работе в качестве уполномоченного Комитета Севера (528/1/9:12). Тем не менее им, за отсутствием подготовленных кадров, было поручено проводить «советизацию» туземцев, организовывать сугланы, родовые советы, коммуны, собирать информацию о положении эвенков.

Первый районный туземный съезд прошел 23 июля 1928 г. в с. Ербогачен. Он был организован Киренским Комитетом Севера. На съезде, проводившемся в здании Никольской церкви с. Ербогачен, переделанной под Дом туземца, собрались 22 делегата: 2 человека из района Непы, 2 из Токмы, 8 из Ангачо и 10 из Ербогачена. Нетрудно заметить, что съезд был приурочен к обычному летнему времени выхода тунгусов из тайги за продуктами (12

июля — Петров день). На съезде решался вопрос об организации туземного районного исполнительного Комитета. С докладом выступал А. П. Кочура (Комитет Севера). Вновь организованный РИК назвали Катангским. Его членами стали В. П. Салаткин, В. К. Путугир, Н. И. Каплин, П. П. Черончин, В. И. Каплин, Н. К. Путугир, Н. В. Сычегир. На этом съезде в прениях прозвучало очень много вопросов о том, почему шаманов и кулаков лишают права голоса: «У нас нет кулаков, население все труженники, а почему шаману нет права голоса?» — спрашивал один из депутатов (528/1/9:360б).

Второй районный туземный съезд проводился 25–29 декабря 1928 г. в с. Ербогачен и был приурочен к зимнему выходу тунгусов из тайги для сдачи пушнины и закупки продовольствия и боеприпасов (19 декабря — Никола зимний). На съезде присутствовали 34 человека. Рассматривались вопросы: отчетный доклад Комитета Севера, Катангского РИКа, интегралкооперации; о туземцах; о сроках охоты; о самообложении; о браке и семье и другие.

В 1929 г. председателем окрплана и главой Киренского Комитета Севера стал П. И. Лыткин. В одном из писем он отмечал: «...летние сугланы в Наканне, Токме, Пленум Катангского тузрика в этом году особенно были многочисленны и очень активны. Тунгусы развернули здоровую критику-самокритику практической работы тузсоветов ...тунгусы кое в чем нас начинают опережать, проявляют активность, ставят больше требований в улучшении их руководства» (1468/1/24:163).

За время деятельности Комитета Севера были созданы национальные (туземные) советы (4 по району), организован туземный райисполком (Катангский), проводились съезды туземцев (фактически прежние сугланы), была создана или поддерживалась в действующем виде сеть хлебозапасных магазинов, развивалась кооперация. Велась борьба с неграмотностью, началось обучение детей, проводились мероприятия по организации медицинского обслуживания туземного населения. Велась борьба с «тунгусничанием».

Одним из первых дел Комитета в русле общероссийской программы было проведение землеустроительных работ в районах расселения коренных народов. Цели такого землеустройства состояли в разграничении территорий землепользования по этническому, национальному признаку. При этом приоритеты отда-

вались коренным народам, как отставшим в своем развитии и эксплуатируемым соседними народами.

Для официальной политики тех лет были характерны двойственность и непоследовательность: с одной стороны, кочевников стремятся перевести на оседлость, с другой — сохранить и возродить традиционный образ жизни. Так, например, строились оставшиеся на бумаге проекты переселения сильно ассимилированных групп киренских, верхнеленских эвенков в район рек Тутуры и Нижней Тунгуски (в ее среднем течении), где бы они, живя изолированно и не подвергаясь влиянию соседей, могли возродить традиционные занятия (1468/1/29:133; 528/1/2:119).

В 1930 г., в связи с разукрупнением Сибирского края и выделением Восточно-Сибирского края с центром в г. Иркутске, Катангский район становится самостоятельным. Решение Президиума Восточносибирского краевого исполнительного комитета было принято 3. 03. 1931 г. на основании Постановления Президиума ЦИК от 10. 12. 1930 г. (600/ 1/165:18). По этому решению территорию Катангского национального района составили: полностью территория Катангского района и часть территории Якутской АССР — в бассейне р. Нижняя Тунгуска и Чона. В состав района вошли Верхнекатангский родовой (национальный) совет с центром в с. Непе, Кондогирский родовой (позже — национальный) совет с центром в с. Ербогачен, Ангачевский (позже — Наканновский) родовой (национальный) совет с центром в п. Наканно, Усть-Илимпейский родовой (национальный) совет с центром в п. Илимпея. Последний выделился из Кондогирского национального совета в том же году. В начале 1935 г. к Катангскому району были присоединены Непский, Бурский, Преображенский сельские советы и Токминский родовой (национальный) совет.

Таким образом, к середине 1930-х гг. Катангский район подразделялся на Токминский, Верхнекатангский, Кондогирский, Наканновский, Усть-Илимпейский национальные советы и Бурский, Непский, Преображенский, Оськинский, Ербогаченский сельские советы с 69 населенными пунктами. Бурский сельский совет, объединявший территории деревень Ика и Аян, а также села Бур, одно время (с 1940 по 1965 гг.) назывался Икским, хотя его центр продолжал находиться в с. Бур. В 1972 г. из территории Бурского сельского совета выделился Икский сельсовет. В 1936 г. Верхнекатангский национальный совет был разукрупнен в Хо-

мокашевский и Верхнечонский национальные советы. Так, из 11 сельских советов половина была национальными.

Примерно в тех же границах Катангский район существует по сей день, исключая территорию Усть-Илимпейского национального совета, которая вошла в состав Эвенкийского автономного округа Красноярского края.

В 1938 г. сельские и национальные советы состояли из следующих сел, деревень, поселков и выселков:

- Усть-Илимпейский: п. Усть-Илимпся, в. Тунор.
- Наканновский: п. Инаригда, в. Ангачо, п. Наканно, в. Тукала, п. Аякан, в. Девдвядк.
- Кондогирский: п. Бугоркан, п. Тетя, п. Мархая, д. Токма.
- Ербогаченский: в. Кулинда, в. Потакуй, в. Сильгиса, с. Ербогачен, в. Шивера, в. Анкула.
- Оськинский: в. Невнюк, в. Курья, в. Камешок, д. Оськино, д. Кривой, д. Лужки, в. Борок, д. Ерема.
- Преображенский: д. Жданова, д. Красноярова, д. Мога, с. Преображенка, д. Нижне-Калинино, д. Верхне-Калинино, д. Боковинова, в. Кокорино, д. Юрьева.
- Непский: д. Потемина, д. Данилова, д. Непа, д. Гаженка, в. Доткан, в. Ужмун, д. Логашино, в. Федоровский, д. Соснино, в. Байкал, в. Листвичное.
- Икский: в. Зубово, д. Аян, в. Верхний Луг, в. Илькон, д. Курья, д. Ика, в. Чинягда, в. Листвинки, с. Бур.
- Токминский: в. Коротково, в. Волокон, в. Иришки, в. Нематчак, в. Юткуон, в. Ямное, д. Токма, в. Ходолжит, в. Урокан, в. Чула, в. Ичеда, в. Талая.
- Хомакашевский: п. Хомакашево, в. Тетера, в. Ика.
- Чонский: п. Чона, д. Непа. (12/1/6:71–72).

В центрах национальных советов имелись отделения Интеграл кооперации, Госторга, Красный чум, медпункт или больница, начальная школа или школа-интернат, что обусловило экономическое и культурное тяготение эвенков к этим административным и торговым центрам, подобно тому, как раньше это были центры инородных управ и русские деревни на реке Нижняя Тунгуска.

С 1926–28 гг. в Катангском районе, как и повсюду на Севере, началось кооперирование населения. По замыслу сотрудников Комитета Севера, оно должно было проходить на основе научно выверенных проектов, исследований. Процесс организации кол-

хозов на Севере прошел два этапа: вначале (1932–38 гг.) функционировали преимущественно простейшие производственные объединения (ППО), где средства производства не обобществлялись, а происходило в основном кооперирование населения; позже ППО были переведены на устав сельскохозяйственной или рыболовецкой артели с обобществлением средств производства (Туголуков, 1969). Как считают современные исследователи, объединения типа сельскохозяйственной артели были «идеальной формой организации хозяйственной жизни», поскольку соответствовали местным традициям коллективизма в производстве, распределении, общественной жизни, что позволило говорить о 1940–50-х гг. как о «золотом веке» традиционных отраслей хозяйства. На практике зачастую происходило форсирование процесса объединения и сам он подгонялся под некоторые общие шаблоны (Карлов, 1991).

В Катангском районе на территории национальных и сельских советов возникли простейшие производственные объединения (ППО) местного эвенкийского и русского населения. Сохранившиеся в архивах документы, протоколы общих собраний населения различных национальных советов показывают неодинаковое отношение местных жителей к этой акции. Большинство Иртутуро-очеульских тунгусов (современный Качугский район Иркутской области), основными занятиями которых были охота и рыболовство, высказались против всякой коллективизации» (1468/1/29:18).

Эвенки юга района хотели вступать в русские коммуны: в резолюции протокола собрания Верхнекатангского туземного совета от 30 декабря 1929 г. было записано: «по Верхнекатангскому туземному совету организовать самостоятельные тузкоммуны нет никакой целесообразности, лучше всего и легче всего переходить в организованные русские коммуны» (528/1/49:10). Эвенки севера района предпочитали создание собственных отдельных коммун.

Новое начинание не было понятным большинству эвенков. На проходящем в 1929 г. в п. Наканно общем собрании эвенков Наканновского национального совета стоял вопрос о создании коммуны. При обсуждении доклада уполномоченного Комитета Севера эвенки задавали много вопросов. Г. Ф. Удыгир спрашивал: «А худо от коммуны не будет?» «Если у меня 60 штук оленей и я вступлю в коммуну, чьими они будут — моими или коммунарскими?» «Вот допустим я добыл пушнины много, как она де-

Рис. 12. Эвенк Болдаков на месте старого стойбища. Токминские эвенки. 1989.

Fig. 12. Boldakov, the Evenk, in the place of the old nomadic camp. The group of the Tokma Evenks. 1989.

лится в коммуне, или просто мне записывается на приход?» (528/1/11:70). Вопросы были не только о правах собственности в будущих коммунах, но и о том, как поступать, если внутри одной семьи по вопросу о вступлении в коммуну были разногласия. Так, В. Н. Каплин спрашивал: «Если у меня отец и мать старики и не желают идти в коммуну, а я желаю, можно ли их оставить одних?» А. Увачан спрашивала: «Если мой муж не хочет идти в коммуну, а я желаю, могу ли я взять всех детей и идти в коммуну, а он пусть как хочет?» (528/1/11:70). После того как «на все вопросы были даны исчерпывающие ответы» (там же — А. С.), присутствовавшие на собрании эвенки большинством голосов высказались за создание коммуны.

Одновременно с созданием коммун на территории района продолжали существовать единоличные хозяйства охотников-оленьеводов.

Основными занятиями эвенков — членов ППО оставались охота, оленеводство, рыболовство. Население группировалось в ППО по родственному и территориально-соседскому признакам, в гра-

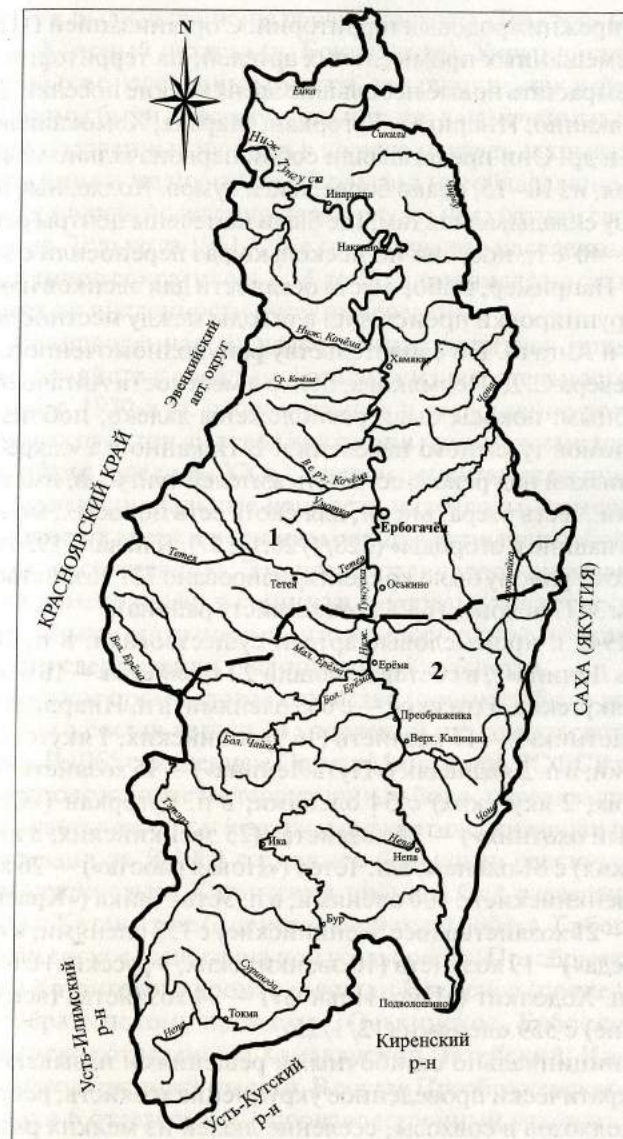

Рис. 13. Граница между Катангским и Преображенским кооперативно-промысловыми хозяйствами.

Fig. 13. The border between the Katanga and the Preobrazhenka hunting farms.

ницах прежних родовых территорий. С организацией ППО, позже — смешанных промысловых артелей, на территории района стали вырастать новые небольшие эвенкийские поселки: Дядьдьяк, Наканно, Инаригда, Бугоркан, Мархая, Хомакашево, Усть-Чайка и др. Они представляли собой первоначально мелкие поселения, из 10–15, редко более, изб и чумов. Колхозные поселки не сразу складывались там, где были намечены центры оседания. В 1930–40-е гг. поселки по несколько раз переносили с места на место. Например, выбор места оседлости для эвенков наканновской группировки происходил в те годы между местностями Наканно и Ангачо. По свидетельству райуполномоченного Комитета Севера С. Д. Пермякова, центр в местности Ангачо оказался неудобным: покосы были расположены далеко, поблизости не было домов туземного населения. В Наканно же «...хребет ровный, низкий над рекой, есть пять жителей тунгусов, имеются постройки... есть озера, виски, для скота есть покосы... можно распахать пашню и огороды» (528/1/20:12, 57). К началу 1936 г. по Катангскому району было коллективизировано 721 хозяйство с населением 3477 человек (63% всех хозяйств района).

К 1942 г. промысловые артели существовали: в п. Наканно («Путь Ленина»), в состав ее вошли 22 хозяйства — 16 эвенкийских, 5 якутских, 1 русское — с 668 оленями; в п. Инаригда («Красный охотник») — 17 хозяйств (16 эвенкийских, 1 якутское) с 296 оленями; в п. Дядьдьяк («Путь Ленина») — 15 хозяйств (13 эвенкийских, 2 якутских) с 54 оленями; в п. Бугоркан («Северный красный охотник») — 34 хозяйства (23 эвенкийских, 8 якутских, 3 русских) с 81 оленем; в п. Тетя («Новая работа») — 26 хозяйств (все эвенкийские) с 400 оленями; в п. Усть-Чайка («Красный Север») — 21 хозяйство (все эвенкийские) с 158 оленями; в п. Токма («Победа») — 19 хозяйств (10 эвенкийских, 9 русских) с 69 оленями; в п. Ходолкит («Путь Ильича») — 34 хозяйства (все — эвенкийские) с 559 оленями (12/1/25).

Принципиально ошибочными решениями называют сейчас бюрократически проведенное укрупнение хозяйств, реорганизацию колхозов в совхозы, сселение людей из мелких разрозненных ареалов их обитания в крупные поселки с целью осуществления концепции перевода кочевников на оседлость (Соколова, 1990; Карлов, 1991). В целом массовый переход эвенков на оседлость в течение короткого исторического отрезка времени был связан с коллективизацией и проходил в ее рамках.

В 1953 г. были укрупнены первые колхозы «Трактор» (д. Федорова) и «Красный пахарь» (д. Боковикова). Укрупнению подлежали и мелкие населенные пункты, как русские, так и эвенкийские. Приемы были повсюду одни и те же: в намеченных для ликвидации населенных пунктах в первую очередь закрывали школы, магазины и медпункты. Абсолютно преобладавшие по численности мелкие поселения практически прекратили свое существование. Только за 1961–70-е гг. количество населенных пунктов всех типов сократилось с 34 до 18; в том числе не стало более 8 средних по численности русских деревень.

Целенаправленная государственная политика приведения кочевых хозяйств к оседлым формам жизнедеятельности, практикуемые с 1930-х гг. реорганизация и укрупнение хозяйств и населенных пунктов, перевод колхозов в промысловые хозяйства, начавшийся с середины XX в.; в целом ориентация на иные, фактически вненациональные ценности и символы, смысла и значения которых эвенки не понимали, представляли собой искусственную ассимиляцию. Это время отличалось прерывностью, резкими изменениями в организации среды, типах расселения, вынужденными миграциями, что явилось одной из причин ускоренного свертывания традиционного хозяйства.

Катангское промысловое хозяйство (промхоз) было создано в 1958 г. В его состав вошли 14 отделений и 5 производственных участков. В 1965 г. решением Совета Министров РСФСР все колхозы, расположенные на территории района, передавались в ведение Катангского промхоза, куда автоматически вошли все бывшие колхозники. В 1969 г. в связи с большими расстояниями и «неуправляемостью» Катангский промхоз был разделен на два хозяйства: Катангское (с центральной усадьбой в с. Ербогачен) и Преображенское (с центральной усадьбой в с. Преображенское). В состав Катангского промхоза вошли Еремское (позже передано Преображенскому промхозу), Оськинское, Ербогаченское, Наканновское отделения и Хамакарский, Тетейский, Инаригдский производственные участки. В состав Преображенского промхоза вошли 6 отделений и 1 производственный участок: Преображенское, Непское, Подволошинское, Токминское, Бурское, Икское. Такая структура сохранялась до 1978 г., когда сельское хозяйство Подволошинского отделения было передано в подсобное хозяйство Марковского ОРСа и Подволошинское отделение было реорганизовано в Подволошинский производственный участ-

Рис. 14. Вид на контору Катангского промыслового хозяйства. Охотник перед выездом на участок. Октябрь, 1995.

Fig. 14. The office building of the Katanga hunting farm.

сток, задачами которого являются заготовка продукции промысла и собирательство.

Общая численность работников коопзверопромхозов составляла в разные годы от 440 до 625 чел., среди них штатных — от 72 до 189 чел. (Туров, Литвина... 1995. С. 143). Кооперативно-промысловые хозяйства занимались в основном заготовкой биологического сырья и в небольших масштабах сохраняли сельскохозяйственное производство. В 1980-х годах по Катангскому району ежегодно всеми охотпользователями добывалось около 40 тыс. белок, 11 тыс. соболей, 50 тыс. ондатр (Башмаков, 1990. С. 10). Основные доходы КЗПХ имели от производства продукции пушной охоты: в 1980-е годы по Катангскому КЗПХ до 96%, по Преображенскому — до 94%. Удельный вес мяса копытных (в основном лося) не превышал 10%, лекарственно-технического сырья — от 0,5 до 27% (Рагулина, 2000. С. 132). Занимались коопзверопромхозы и заготовкой и переработкой древесины, ежегодно вырубки леса происходили на площади 22–25 тыс. га. В таком виде они существовали до 1992 г., когда промысловые хозяйства реор-

ганизовались и центральная усадьба бывшего Катангского КЗПХ стала акционерным предприятием. Район практически полностью ориентирован на промысловое хозяйство.

ГЕОЛОГИЯ

До недавнего прошлого среди новых факторов, которые оказывали большое влияние на этнические и демографические процессы в регионе, на хозяйственную ориентацию и весь образ жизни населения, было индустриальное освоение территории. Первая его волна пришлась на конец 1940-х—1950-е годы, когда здесь вели поиск алмазоносных месторождений. В январе 1947 г. по инициативе М. М. Одинцова была организована Тунгусская геолого-поисковая экспедиция, переименованная осенью 1948 г. в Амакинскую (от тунгусского *амака* — медведь). Поиски начались в долинах притоков рек Нижней и Подкаменной Тунгусок — Тэ-тэрэ и Чуни, и на вершине Лено-Енисейского водораздела. В экспедиции были три партии. Стрелкинская ограничивала поисковый район долинами речек Умотки, Тетеи, Южной и Северной Чуни и водоразделом, отделяющим водосборные области речных систем Нижней и Подкаменной Тунгусок. Южнее проводила исследования Ванаварская партия, севернее — Илимпейская. Базой экспедиции была выбрана старинная русская деревня Ерема, расположенная на правом берегу Нижней Тунгуски, в нескольких десятках километров выше села Ербогачен. Амакинская экспедиция базировалась в Ереме с 1946 по 1953 годы. Первый алмаз на Сибирской платформе был найден в полевой сезон 1947 г. среди пробы галечников из террасы речки Малая Ерема. Экспедиция арендовала оленей, наняла каюров и проводников из числа эвенков. Отряды экспедиции стояли на реках Малая Ерема, Большая Ерема, Чайка, на Синеньком Хребтике. В 1955–59 гг. в Ереме базировалась сейсмопартия, занятая поисками нефти.

В Наканно также базировался один из отрядов экспедиции. Колхозные олени использовались для доставки экспедиционных грузов и перевозки людей. За это начислялись трудодни, а колхоз получал от экспедиции деньги. Вот как вспоминал об этом геолог Г. Файнштейн: «...Особенно доставалось оленям. Жалко было смотреть на них, когда, тяжело навьюченные, они мотали головой, взбрыкивали, а на ночлег убегали в поисках спасения в озерах и речках. После такой ночи выход отрядов на многие часы

задерживался, так как каюры долго не могли найти оленей» (Файнштейн, 1988. С. 20).

Второй, более длительный пик освоения пришелся на 1970–80-е гг. Отличие от первого состояло в том, что в этот период широко использовались самолеты, вертолеты, необходимость в оленном транспорте и местных проводниках отпала. Сейчас эта волна освоения сошла на нет, поскольку государство с 1990-х годов резко сократило объем капиталовложений в геологоразведочные работы. В районе базировались и активно работали, а сейчас едва поддерживают жизнеспособное состояние Надеждинская нефтегазоразведочная (ННГРЭ) и Непская геофизическая экспедиции (НГЭ)*.

ННГРЭ была создана в 1973 г. как партия на базе Ленской экспедиции и находилась в с. Преображенском Катангского района. С 1975 г. партия становится самостоятельной экспедицией, район дислокации которой перенесли южнее. На месте тайги, вблизи дороги Подволошино-Чечуйск (в 4 км от с. Подволошино) появился капитальный геологический поселок с гаражом и ремонтными мастерскими, стройучастком, вертолетной площадкой, тремя детскими садами, школой-десятилеткой, здравпунктом, столовой, двумя общежитиями и двумя гостиницами, со своим подсобным хозяйством в с. Подволошино и в д. Миронова Киренского района. Целью работ ННГРЭ являлся поиск нефти и газа. С 1973 г. на территории района найдено два крупных месторождения: Верхнечонское и Даниловское нефтегазоконденсатные месторождения. Основной объем работ ННГРЭ выполнялся в Катангском районе от с. Подволошино на юге до с. Ербогачен на севере. Попутно с углеводородными полезными ископаемыми геологи открыли в южной части района крупнейшее в мире месторождение калийных солей — Непское.

Непская геофизическая экспедиция (НГЭ) базировалась на территории района в 1, 5–2 км от с. Ербогачен. В задачу работ экспедиции входили подготовка поля деятельности для глубокого бурения. Экспедиция существует с 1980 г. и возникла на базе Анггаро-Ленской экспедиции как партия. Она охватывает работами весь север Катангского района.

Кроме того, в летние месяцы на территории района работали еще около шести экспедиций. Они были заняты поисками нефти, газа, алмазов. В связи с тем, что некоторые экспедиции

* Смотри новую информацию в V главе.

выполняли одинаковые виды работ, росла задолженность по не-рекультивируемым землям (т. е. ухудшалась экологическая ситуация), а также в связи с тем, что эти экспедиции не участвовали в формировании бюджета района (за право работать на земле геологи должны платить до 50% отчислений в местный бюджет) сессия народных депутатов Катангского района 15 августа 1990 г. приняла решение «Об ограничении производства геологоразведочных работ на территории Катангского района». В последние несколько лет в связи с общим ухудшением экономической ситуации в стране, свертывания геологических работ из-за недостатка финансирования и поиском новых источников капиталовложений, объем геологических работ в районе значительно сократился.

В 1989 г. в районе проживало 9, 5 тысяч человек населения, сосредоточенных в мелких и средних населенных пунктах, сгруппированных в 11 сельских советов. Все населенные пункты расположены в долине р. Нижняя Тунгуска и ее притоков (р. Неп, р. Тетя), являются старинными сибирскими деревнями (в основном на юге района) и возникшими в 1930–40-х гг. поселками. Районный центр — село Ербогачен, расположенное в средней части района, на правом берегу р. Нижняя Тунгуска. В Катангском районе в 1989 г. имелось 12 школ всех типов, 13 библиотек, 6 больниц, 10 акушерских пунктов.

3. РАССЕЛЕНИЕ ЭВЕНКОВ И ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

В связи с идеологической и экономической политикой государства в советское время произошло значительное изменение численности и этнического состава населения района. В целом эти процессы сходны у всех народов Севера. В результате развернувшихся миграционных и ассимиляционных процессов изменился и характер расселения, что коснулось всех без исключения этнических групп.

В качестве первой тенденции развития, которая имеет аналоги и у других народов Севера, можно назвать уменьшение процентного соотношения численности всего населения и эвенков в районе, несмотря на то, что за последние 10 лет численность эвенков даже возросла (Материалы Всесоюзной...1990). Так, за период с 1979 по 1989 гг. численность эвенков Катангского райо-

на Иркутской области выросла примерно на 1,9%, но их доля в общей численности населения сократилась с 8,3% до 5,8%. Та же тенденция, например, прослеживается в соседней Эвенкии: за тот же период численность эвенков возросла на 8,5%, их доля в общей численности населения сократилась с 25,3% до 14% (Эвенки бассейна..., 1992).

Приводимая ниже таблица 4 содержит данные о динамике численности трех этнических групп в районе.

Таблица 4

Год	Общая численность населения	Русские	В % к общей численности	Эвенки	В % к общей численности	Якуты	В % к общей численности
1959	6.636	5.555	83.7	761	11.5	119	1.8
1970	4.844	4.034	83.3	613	12.7	91	1.9
1979	6.076	5.201	85.6	498	8.3	72	1.2
1989	9.482	8.003	84.4	546	5.8	76	0.8

Последствия непродуманной политики укрупнения деревень и мелких населенных пунктов привели к общему сокращению численности населения района, особенно в период 1960–70-х гг. Это происходило как за счет миграционных процессов, так и за счет процессов ассимиляции, а также в результате многочисленных несчастных случаев, связанных с последствиями пьянства и алкоголизма среди эвенков. Общее уменьшение численности населения в районе в эти годы связано и с «замораживанием» работ по поиску алмазов, перенесением их центра в соседнюю Якутию.

Рассмотрю направления миграций различных групп населения. Миграции русского населения происходили в города и районные центры Иркутской области (южное направление) и в Эвенкию (северное направление). Одновременно с этими процессами происходили миграции внутри района, в которых большую роль играли родственные связи. Статистического учета этих процессов не велось; в данном случае я основываюсь на многочисленных устных сообщениях информантов. Особенно сильный отток населения происходил в период ликвидации колхозов и реорганизации их в промысловые хозяйства: «тогда уж вовсе ни скота, ни народу — разбегаться стали», — свидетельствуют оставшиеся старожилы.

Направления миграций эвенков были следующие. Часть эвенков, имевших уже давно тенденцию к оседанию и либо безоленьных, либо малооленьных (5–15 оленей в личном владении), оседала на жительство в деревнях в долине р. Нижняя Тунгуска и ее притоков Непа, Тетей, продолжая заниматься охотой, оленеводством, рыболовством, иногда в небольших масштабах скотоводством и овощеводством. На юге этот процесс происходил менее болезненно, чем на севере района, поскольку в результате длительного исторического соседства с русским старожильческим населением и внутренних тенденций развития самого эвенкийского хозяйства уже к концу XIX — началу XX вв. эвенки рассматриваемого района начали переходить к полuosедлому и оседлому образу жизни. Это был естественный процесс оседания, облегчавшийся смешанными браками.

Так, в конце 1920-х гг. отмечалось «движение местного туземного хозяйства в сторону оседлости», что выражалось в наличии у половины населения (на юге района) постоянных деревянных построек (изб в поселке и на зимовьях), в которых эвенки оседали на несколько месяцев в течение года, а также в фактах содержания лошадей более чем третью хозяйств (538/1/183:67). Среди эвенкийских хозяйств уже в то время можно было выделить две группы: кочующие круглый год в чуме (т. е. кочевые эвенки) и оседающие на определенный срок в избах (т. е. полукочевые и полuosедлые эвенки). «Конечно, такое подразделение будет лишь грубо условным, т. к. в первой категории есть хозяйства, которые также думают в недалеком будущем построить такие избы и завести лошадей, даже заготовить лес для постройки. Точно так же и среди хозяйств второй категории стремление к полuosедлости выражено не в одинаковой, — у одних в большей, у других в меньшей степени. Есть даже среди них хозяйство, перешедшее к полной оседлости (береговое), но проживающее в чужом (русском) зимовье. В отдельных семьях можно наблюдать и такие случаи, когда часть семьи кочует с оленьим стадом и оседает в избе лишь на два-три месяца, в то время как отдельные члены ее проживают в избе круглый год «...При постройке своих изб и зимовий тунгусы пользуются указаниями и советами русских крестьян, возводя свои строения по принятым последними типу», — отмечал И.П. Копылов в 1927 г. (538/1/183:66об. — 68).

Естественный процесс оседания был ускорен в последующие годы. Это привело к быстрому свертыванию традиционного хозяйства. Значительное число эвенков перешли к оседлому образу жизни в поселках и деревнях в непосредственном соседстве с русскими; увеличилась их концентрация. Часть эвенкийского населения сохранила промысловую сезонную миграцию. Реально осваиваемая территория сократилась, изменилась и форма жилища. В это время появляются жилища, характерные для периода перехода от кочевого к оседлому образу жизни, в которых элементы кочевого жилища конструктивно сосуществуют с бревенчатым срубом. В некоторых случаях подобные жилища не имели аналогов.

В 1929–30 гг. разрабатывались проекты типовых жилищ для народов Севера, переходящих на оседлость. Проект инструктора по делам национальных меньшинств Сибирского краевого исполнительного комитета З. Гайсина, разосланный в местные отделения Комитета Севера для обсуждения, предусматривал строительство деревянного сорокаметрового здания общежитского типа (по-видимому, за основу автором был взят «длинный дом» ирокезов, известных по исследованиям Л. Г. Моргана), рассчитанного на 36 человек, с одной кухней. В рецензии на проект, выполненной сотрудником Иркутского Комитета Севера Б. Э. Петри, говорилось: «...учитывая бытовые особенности туземцев, привыкших к уединенной жизни в тайге и к отдельному чуму, жизнь под одной крышей 36 человек, сгруппированных в отдельные хозяйства от 1 до 6 человека в каждом, будет для туземцев неприемлема...» (1468/1/18:172).

Другая (меньшая) часть эвенков, не пожелавших переходить к оседлости в намеченных местах, зачастую под руководством оставшихся шаманов откочевывала на север, северо-запад, юго-запад, выбирая направления передвижений не произвольно, а сообразуясь с родственными связями. Так, эвенки южной части района имели взаимобрачные отношения и связи с эвенками Усть-Кутского района, эвенками верховьев р. Подкаменная Тунгуска (пп. Стрелка-Чуня, Чемдальск, Ванавара), куда и происходили в основном их миграции. Например, эвенки ичедской группы, жившие в истоках реки Непа в 90 км к юго-западу от Токмы, в конце 1930-х — начале 1940-х годов, когда происходило укрупнение, не захотели переезжать в Токму и откочевали на территорию Усть-Кутского района, в д. Максимова на реке Куте, откуда,

вероятно, они и пришли в начале 1920-х годов. Это были Шароглазовы, Силкины, Черончины, Оськины (Стракач, 1962. С. 123; ПМА, 1990. Л. 21, 23). Исходя из тех же причин, эвенки севера района мигрировали в направлениях Кислокана, Туры, Илимпеи. Неслучаен тот факт, что Катангский район Иркутской области занимает первое место среди регионов, из которых эвенки прибывают в Эвенкию (63,8% всех мигрантов). Они расселяются в Илимпейском, Байkitском районах (Эвенки бассейна..., 1992).

Кроме того, происходили миграции за пределы района в города и районные центры Иркутской области. Так, удельный вес городского населения среди эвенков по всей Иркутской области увеличился с 20% в 1970 г. до 27% в 1979 г. За 1970–79 гг. численность эвенков в крупных растущих городах увеличилась на 43%. В то же время в сельской местности их численность неуклонно снижалась. В Катангском районе численность эвенков за этот же период времени сократилась с 613 до 498 человек (Материалы Всесоюзной..., 1990). Тенденция увеличения численности народов Севера среди городского населения, а также выезд за пределы своих национально-территориальных образований свойственны всем народам Севера (Народы Советского..., 1991. С. 9).

Происходили миграции эвенков и внутри района. Ниже я подробно прослежу их направления и отмечу некоторые факторы, повлиявшие на изменение численности, родового состава и расселение. При этом я основываюсь на данных Всесоюзной переписи населения 1989 г. Необходимо отметить, что данные переписи по Катангскому району неполны, т. е. в них отражены лишь те населенные пункты, где эвенки живут наиболее компактными группами, так что в основном в этих данных оказались представлены т. н. кондогирские эвенки (севера района). Я располагаю также материалами Ассоциации народов Севера Катангского района, которая провела идентичное переписи исследование в отношении эвенкийского и якутского населения в границах района. Основываясь на этих данных, а также привлекая собственные полевые материалы, я попытаюсь проследить некоторые тенденции в изменении расселения и численности эвенкийского населения.

Уменьшение доли эвенкийского населения при наличии естественного прироста во всех регионах их расселения объясняется значительным ростом пришлого населения. Обычно это связано с промышленными разработками. Так, в районах про-

живания эвенков Бурятии (Северо-Байкальский, Баунтовский и др. районы) численность населения увеличилась в 2–13 раз в связи со строительством БАМ'а. В Эвенкийском а. о. численность населения с 1970 по 1989 гг. увеличилась в 2 раза в связи с геологическими работами (Хозяйство, культура..., 1988; Эвенки бассейна..., 1992).

Значительный для данного района рост численности пришлого населения в 1970–80-е годы, безусловно, повлиял на развитие этнокультурных процессов. Начиная с 1959 г. в Катангский район Иркутской области в связи с началом разведки алмазов, а с 1975 г. — нефтегазопроисловыми работами прибывало т. н. пришлое население, разнообразное по своему этническому составу. Распределение населения района по наиболее многочисленным национальностям представляет собой в динамике следующую картину (таб. 5):

Таблица 5

Национальность	Численность населения по годам			
	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Русские	5.555	4.034	5.201	8.003
Эвенки	761	613	498	546
Украинцы	68	26	113	387
Якуты	119	91	72	76
Татары	63	24	55	109
Белорусы	12	14	30	62
Буряты	10	22	26	53
Чуваши	-	1	13	36
Немцы	-	1	13	48
Мордва	-	-	7	10
Поляки	3	-	5	6
Литовцы	-	2	2	2
Евреи	9	-	-	6
Прочие	36	16	36	138

Приезжее население расселялось в основном в геологических поселках и районных центрах. Например, в п. Надеждинск в 1990 г. проживали представители 27 национальностей, в том числе русские, украинцы, татары, немцы, белорусы, буряты, чувашы, поляки, лезгины, армяне, калмыки, грузины, удмурты и др. В геологических поселках мужская часть населения заметно преобладала над женской. Средний возраст работающих (по данным поселка Надеждинск) — 37 лет. В таких поселках наблюдалась большая текучесть кадров, т. е. движение населения: только за

1989 г. выбыло 677 человек, прибыло (принято на работу) 328 человек. Особенно заметное увеличение численности населения Катангского района произошло за период с 1985 г.:

1985 г. — 8 326 чел.

1986 г. — 8 821 чел.

1987 г. — 8 854 чел.

1988 г. — 9 357 чел.

1989 г. — 9 482 чел.

Большинство приезжих людей рассматривало свое пребывание на Севере как временное. У многих специалистов в городах остались ведомственные, государственные или частные квартиры; некоторые планировали через определенное время переселиться в Европейскую часть России или в города и районные центры Иркутской области, что они и сделали, как только финансирование геологической отрасли стало давать сбои.

Таким образом, еще недавно была заметна тенденция быстрого увеличения численности разного по своей этнической принадлежности населения, которое концентрировалось в наиболее крупных населенных пунктах района. Такие поселки естественно притягивали людей из мелких населенных пунктов, в том числе и эвенков. Их привлекала возможность устроиться на работу, высокая, по сравнению с местной, заработная плата и некоторые другие преимущества. Это явление оказывало большое влияние на протекание этнодемографических процессов. Фактор промышленного освоения неизбежно воздействовал и на тех эвенков, которые ведут неоседлый образ жизни.

С 1990–91 гг. люди, связанные с геологией, составлявшие более половины всего населения в районе, стали выезжать за пределы района из-за прекращения государственного финансирования геологоразведочных работ. Внешний миграционный отток происходил в основном из с. Ербогачен и из с. Надеждинск, где проживало большинство приезжего геологического населения. Те же процессы оттока пришлого населения для начала 1990-х годов были характерны для всего Севера России, и в частности, для соседней с Катангским районом Эвенкии. Хотя это явление временное, отток населения значителен.

По последним данным, расселение эвенков на территории района неоднородное и заметно отличается от ситуации 1926–27 гг.

Во-первых, сократилось эвенкийское население юга района. По данным 1989 и 2000 гг., здесь нет ни одного оленеводческого

хозяйства (олени содержались до конца 1960-х гг.), а соотношение численности населения выглядит следующим образом (таб. 6):

Таблица 6

Населенные пункты	Общая численность населения	Коренное население
	1989 год	1989 год
Д. Непа	496	4
Д. Ерема	138	21 (10)
Преображенская сельская администрация с. Преображенка с. Верхнекалинина д. Мога	1.038	12
Подволошинская сельская администрация (с. Подволошино, п. Надежинск)	3.376	8
Д. Бур	468	28
Д. Ика	153	23
Д. Токма	198	61 (55)
ИТОГО	5.862	130 (147)

* () в скобках приводятся данные, расходящиеся с материалами переписи 1989 г. (данные Ассоциации народов Севера Катангского района).

В целом численность бывших курейских эвенков составила 130 (147) человек, т. е. налицо сокращение ее по сравнению с 1926—27 гг. на 499 (482) человека, а по сравнению с данными 1897 г. (которые по-видимому более достоверны) на 173 (176) человек. Эти факты свидетельствуют о фактическом завершении ассимиляционных процессов на юге района, идущих здесь уже не менее трех столетий. Факт сокращения эвенкийского населения на юге района и частичное появление этих эвенков севернее свидетельствует о продолжении миграционных процессов, оттоке эвенкийского населения, происходящего с юга на север района, а также за его пределы. Кроме того, сокращение численности эвенкийского населения может быть частично объяснено и повышенной смертностью эвенков на почве пьянства и алкоголизма.

К 1990 г. на юге района мной были зафиксированы следующие эвенкийские фамилии (большинство курейских эвенков не помнит своего родового имени): Апкины, Бояршины, Болдаковы, Коненкины, Каплины, Монго, Немтушкины, Пикунеры, Сердиткины, Уткины, Черончины. Сравнивая современный родовой состав эвенков с данными Б. О. Долгих, отметим, что большинство представителей прежних родов оставались в границах своих территориальных группировок. В то же время эвенки с фамилиями Бояршины, Коненкины, Колобовшины, Салаткины (Лонтогир), Путугир отмечены в северной (кондогирской) группе эвенков.

К концу 1990-х годов большинство катангских эвенков (всего около 422 человек) проживало на севере района. Они распределены по населенным пунктам следующим образом (таб. 7):

Таблица 7

Населенный пункт	Общая численность	Коренное население
	1989 год	1989 год
Ербогаченская сельская администрация: с. Ербогачен д. Тетя	—	212
Наканновская сельская администрация: п. Инаригда п. Наканно	—	—
Кондогирская сельская администрация: п. Хамакар	—	73
Оськинская сельская администрация: д. Оськино	—	4
ИТОГО	—	416

Среди групп современных эвенков, по местоположению относящихся к кондогирским, также произошло сокращение численности на 213 человек (к 1989 г.), в основном за счет тех же са-

хозяйства (олени содержались до конца 1960-х гг.), а соотношение численности населения выглядит следующим образом (таб. 6):

Таблица 6

Населенные пункты	Общая численность населения	Коренное население
	1989 год	1989 год
Д. Непа	496	4
Д. Ерема	138	21 (10)
Преображенская сельская администрация с. Преображенка с. Верхнекалинина д. Мога	1.038	12
Подволошинская сельская администрация (с. Подволошино, п. Надежинск)	3.376	8
Д. Бур	468	28
Д. Ика	153	23
Д. Токма	198	61 (55)
ИТОГО	5.862	130(147)

* () в скобках приводятся данные, расходящиеся с материалами переписи 1989 г. (данные Ассоциации народов Севера Катангского района).

В целом численность бывших курейских эвенков составила 130 (147) человек, т. е. налицо сокращение ее по сравнению с 1926—27 гг. на 499 (482) человека, а по сравнению с данными 1897 г. (которые по-видимому более достоверны) на 173 (176) человек. Эти факты свидетельствуют о фактическом завершении ассимиляционных процессов на юге района, идущих здесь уже не менее трех столетий. Факт сокращения эвенкийского населения на юге района и частичное появление этих эвенков севернее свидетельствует о продолжении миграционных процессов, оттоке эвенкийского населения, происходящего с юга на север района, а также за его пределы. Кроме того, сокращение численности эвенкийского населения может быть частично объяснено и повышенной смертностью эвенков на почве пьянства и алкоголизма.

К 1990 г. на юге района мной были зафиксированы следующие эвенкийские фамилии (большинство курейских эвенков не помнит своего родового имени): Апкины, Бояршины, Болдаковы, Коненкины, Каплины, Монго, Немтушкины, Пикуноты, Сердиткины, Уткины, Черончины. Сравнивая современный родовой состав эвенков с данными Б. О. Долгих, отметим, что большинство представителей прежних родов оставались в границах своих территориальных группировок. В то же время эвенки с фамилиями Бояршины, Коненкины, Колобовшины, Салаткины (Лонтогир), Путугир отмечены в северной (кондогирской) группе эвенков.

К концу 1990-х годов большинство катангских эвенков (все-го около 422 человек) проживало на севере района. Они распределены по населенным пунктам следующим образом (таб. 7):

Таблица 7

Населенный пункт	Общая численность	Коренное население
	1989 год	1989 год
Ербогаченская сельская администрация: с. Ербогачен д. Тетя	—	212
Наканновская сельская администрация: п. Инаригда п. Наканно	—	—
Кондогирская сельская администрация: п. Хамакар	—	73
Оськинская сельская администрация: д. Оськино	—	4
ИТОГО	—	416

Среди групп современных эвенков, по местоположению относящихся к кондогирским, также произошло сокращение численности на 213 человек (к 1989г.), в основном за счет тех же са-

мых факторов, которые были рассмотрены для курейских эвенков, и небольшое увеличение численности к 2000 г. Однако здесь имелась своя специфика.

Смешанное эвенкийско-якутское, а также большинство якутского населения проживает на территориях Наканновского и Кондогирского сельских советов, чьи территории близко граничат с Якутией. Г. М. Василевич отмечала, что эвенк, женившись на якутке, чаще давал начало новому роду с названием эвенкийского происхождения (Василевич, 1969). Например, семья эвенков Сычегиров из ербогаченской группировки ведет свое происхождение от эвенка П. В. Сычегира и якутки М. М. Сычегир (девичья фамилия Бранат, родилась в Туой-Хайе, Якутия, в бедной многодетной семье, с младенческого возраста ее воспитывала будущая свекровь, мать мужа). По-видимому, именно этим обстоятельством объясняется факт сокращения численности якутского населения п. Наканно и п. Хамакар. Так, согласно данным Переписи 1989 г., на территории района проживают 76 якутов, причем большинство их сосредоточено в северной части района. В то же время при опросах, проводимых внутри района, эта цифра постоянно меняется в сторону уменьшения: в п. Наканно при опросе, проводимом местной Ассоциацией народов Севера, указывалось минимальное число якутов; в п. Хамакар вообще практически никто не назвал себя якутом, хотя, судя по моим полевым материалам, здесь проживает не менее 1/3 представителей смешанных семей. Родители записывают детей от смешанных браков эвенками, что в немалой степени связано с теми льготами, которые распространяются на эвенков, но не относятся к якутам. Объективно это способствует сохранению эвенкийского самосознания, а также влияет на показатели численности.

В результате нарушения традиционного микроареального расселения и межродовых брачных связей сложилась неблагоприятная брачная ситуация, осложнившаяся уменьшением численности мужского эвенкийского населения (последствия военных лет, частых смертельных случаев на почве пьянства) и одновременно ростом численности пришлого иноэтничного населения, прежде всего мужского. В такой ситуации для эвенкийских женщин, причем смешанные браки считаются среди эвенков престижными, что следует подчеркнуть особо. Неблагоприятное соотношение численности мужчин и женщин в группе катангских эвенков (из 546 человек 260 мужчин и 286 женщин) объективно

способствует заключению смешанных браков. В моих полевых материалах отмечено много таких фактов. Причем, если прежде, в начале XX в., курейские эвенки заключали преимущественно смешанные браки с русскими, а кондогирские — с якутами, то теперь выбор брачных партнеров расширился: среди представителей смешанных семей — белорусы, украинцы, русские, латыши и др., с одной стороны, и эвенки — с другой. По переписи 1989 г., 47,4% родившихся эвенков имели отца другой национальности (Рагулина, с. 130). Самосознание и выбор национальной принадлежности у детей от смешанных браков разные. Известны случаи, когда дети из одной и той же смешанной семьи (братья и сестры) выбирали себе разные национальности (по отцу или по матери), или на протяжении жизни несколько раз меняли национальность.

В. П. Кривонов на основании социологического исследования, проведенного среди эвенков Эвенкийского а. о. в 1989–97 гг., пришел к выводу, что «эвенки превращаются в группу русскоязычных метисов с сохранением прежнего этнического самосознания и некоторых элементов в материальной и духовной культуре» (Кривонов, 2001. С. 103). Действительно, эвенки легко ассимилируются, это отмечали многие исследователи их быта и культуры. Контакты с разными народами в результате кочевого образа жизни и широты расселения привели к восприятию не только русского языка и культуры, как в Эвенкийском а. о., но и языка и черт культуры якутов в Якутии, бурят в Бурятии и т. д. Важно подчеркнуть, что самосознание эвенков при этом сохраняется.

В 1989 г. из 546 эвенков работали 247 человек. Они были заняты в основном на неквалифицированных, а потому и низкооплачиваемых работах (это в основном работа сторожа, технички, санитарки, кочегара и т. п.). Около 50 человек заняты на работах в экспедициях, около 27 — в народном образовании, другие в сфере культуры и здравоохранения. Эвенки — выходцы из Катангского района, получившие высшее образование, часто уезжают в соседний Эвенкийский автономный округ, где занимают места служащих, чиновников. Чаще всего они проживают в окрестном центре п. Тура: почти половина эвенков здесь происходит из Катангского района Иркутской области (Кривонов, 2001. С. 59). Многие трудоспособные эвенки не работают. Проблема трудоустройства для них серьезная, особенно для женщин, жи-

вущих в небольших населенных пунктах. Это обстоятельство является сегодня одной из причин внутренних миграций. Они направлены в наиболее крупные населенные пункты района, где к тому же можно скорее устроить свою личную жизнь. Подобные тенденции характерны и для эвенков других регионов — Бурятии, Эвенкии.

В 1989 г. большинство мужчин-эвенков — 112 — были штатными охотниками местных промысловых хозяйств, что свидетельствует о тяге к традиционным, привычным занятиям. Часть штатных охотников имеет в личном владении оленей и ведет вместе со своими семьями приближенный к традиционному полукочевой образ жизни. Эта группа насчитывает около 30–35 человек, включая женщин и детей. В их личном владении — около 350 оленей (ПМА. 1988–91). При соотношении численности коренного населения района (эвенков) и всего населения около 5%, доля этой группы эвенков по отношению к численности всего населения района составляет 0,4%, а по отношению к численности всего эвенкийского населения — около 6%.

Эти семьи неоседлых эвенков в основном расселены по левобережью реки Нижняя Тунгуска — рекам Дагалдын, Верхняя, Средняя, Нижняя Кочемы в центральной и северной частях района.

Но и эта группа не является стабильной. Здесь происходит непрерывный процесс оседания. За 10 лет с 1981 по 1991 гг. численность неоседлых эвенков сократилась на три семьи, а это около 8 человек. Причины оседания самые разные. Так, семья В. Д. Каплина, состоящая из двух человек — хозяина и его жены, людей пенсионного возраста, осела в с. Ербогачен в 1988 г. из-за необходимости воспитывать маленькую внучку после смерти своей дочери, мамы девочки. Другая семья Я. П. Веретнова, состоявшая из трех человек — хозяина, его жены и взрослого сына, распалась из-за смерти хозяина и хозяйки. Сын стал вести самостоятельное хозяйство. Третья семья В. П. Каплина тоже частично вынуждена была осесть из-за смерти старшего сына, на котором держалось все оленеводческое и охотничье хозяйство этой семьи. Эти примеры можно было бы продолжить. Возможно прогнозировать и дальнейшее сокращение численности неоседлого эвенкийского населения в районе.

Как в капле воды, на примере немногочисленной группы оленных эвенков видны проблемы эвенкийской семьи вообще. Среди оленных эвенков они еще более обострены. Так,

Рис. 15. Эвенки Тая Митина с детьми и двоюродным братом Петей. Ербогачен, 1988.

Fig. 15. Tanya Mitina, the Evenk, with her children and cousin.

среди них преобладают неполные семьи; трехпоколенных семей практически нет. Численный состав семьи имеет ярко выраженную тенденцию к сокращению. Число эвенков пожилого возраста преобладает над числом молодежи. На стойбищах численность мужчин брачного возраста превышает численность женщин, в связи с чем большинство мужчин не женаты. В такой ситуации даже возможность выбора брачного партнера (т. к. эвенкийские женщины брачного возраста в основном живут в поселках) отсутствует.

Важно подчеркнуть, что национальность возможного брачного партнера не имеет значения. Гораздо большее значение имеет желание партнера разделить со своим избранником его образ жизни. Среди оленных эвенков есть семьи смешанного состава, причем партнер не эвенкийской национальности (русский, украинец, якут) в таком случае принимает эвенкийский (неоседлый) образ жизни.

Реальным землепользователем выступает сегодня или отдельная семья (чаще всего объединение близких родственников, пред-

ставляющих тем не менее самостоятельные, хотя и неполные, семьи) оленных эвенков (со средним количеством оленей от 30 до 80), или территориально-соседское и родственное объединение малооленных эвенков (5–10 оленей на одного хозяина).

Состав кочевого коллектива определяет многие особенности в организации среды: влияет на размеры (реальную площадь) осваиваемой территории; на протяженность, направление и темпы передвижений (перекочевков) во все периоды года; на организацию среды в весенне-осенний периоды времени (строительство оленьих изгородей); на саму структуру разных типов поселений (стойбищ) — размеры поселения, набор и расположение жилых и хозяйственных сооружений и т. д.

Среди семей полукочевых эвенков можно выделить семьи малооленных эвенков (5–15 оленей) и семьи средних эвенков-оленьеводов (30–70 оленей). Количество оленей влияет на организацию социальных коллективов. Так, малооленные эвенки в летний и весенне-осенний периоды времени объединяются в территориально-соседские группы и совместно осуществляют выпас оленей, причем необязательно все члены таких групп участвуют в выпасе. Часть из них живет оседло в поселке или в лесу, на берегу реки, занимаясь, например, рыболовством. В группе тетейских эвенков в 1988 году насчитывалось 3 кочевых объединения родственников и свойственников. В каждом из них имелось от 2 до 15 оленей.

Количество оленей влияет на соотношение всех других отраслей хозяйства, а также на интенсивность передвижения и опромысливания территории. Малооленные эвенки ведут более приближенный к оседлому образ жизни, сильнее привязаны к поселку. Эвенки, имеющие достаточное количество оленей, могут опромысливать практически всю территорию обитания, более устойчивы в выборе путей передвижений.

Среди семей «крупных» оленеводов в 1980-е годы были семьи Л. П. Сычегир, В. П. Каплина, Е. П. Сычегир. Например, в хозяйстве Лазаря Петровича Сычегир в 1991 г. было 80 оленей, в хозяйстве Василия Павловича Каплина — 50 оленей, столько же в хозяйстве Екатерины Петровны Сычегир. Отмечу, что все цифры, касающиеся количества оленей, только приблизительные. Среди «средних» оленеводов — родственники Егор и Александр Веретновы, семьи братьев Галиных, которые иногда объединяют свои стада на летний период времени.

ПОСЕЛКИ

Из 14 населенных пунктов района эвенкийскими поселками считаются Наканно, Хамакар, Инаригда, Тетя, Токма. Все они, за исключением Токмы, расположены в северной части района. В этих поселках проживает сильно метисированное эвенкийское население (в Инаригде, Наканно, Хамакаре — с якутами, в Тетее, Токме — с русскими). В остальных деревнях и поселках района эвенкийское население численно представляет меньшинство и живет смешанно с представителями других народов.

Большинство оседлых эвенков имеют государственный (ведомственный), меньшинство — личный дом. Жилищная проблема среди оседлых эвенков стоит достаточно остро, о чем свидетельствуют материалы, собранные Ассоциацией народов Севера Катангского района. Дома, построенные в 1930–40-х гг. в период перевода кочевников на оседлость, обветшали и не отвечают элементарным санитарным нормам. Так, например, в д. Токма эвенки проживают в 23 домах, из которых 6 находятся в аварийном состоянии. 12 эвенков не имеют собственного дома, живя у родственников. В п. Наканно из 31 эвенкийской семьи 9 живут в домах, находящихся в аварийном состоянии, 6 — в домах, которые нуждаются в ремонте. В п. Хамакар 10 семей эвенков живут в домах, находящихся в аварийном состоянии. Средняя жилая площадь на человека по п. Хамакар — 6,2 кв. м.

В 1989 г. дирекция промыслового хозяйства начала строительство новых жилых домов для эвенков п. Тетя. К настоящему времени построено примерно 6–7 домов типовой планировки, в которые вселились эвенки — рабочие промыслового хозяйства. Наиболее интенсивное строительство ведется в селе Ербогачен, что связано с его статусом районного центра и большей доступностью строительных материалов. Среди новых домов, построенных для эвенков, преобладают типовые дома из бруса, выстроенные бригадами заезжих строителей, либо типовые одноквартирные дома.

Переход к жизни в постоянных домах не был легким для эвенков, как и для других народов Севера, которые вели кочевой образ жизни (Сергеев, 1955). Трудно было привыкнуть к четырехугольной избе, к русской печке, к необходимости заготавливать дрова, соблюдению правильного температурного режима и т. п. «Дисконфорт» пожилых в поселках сравним с ощущением городского чело-

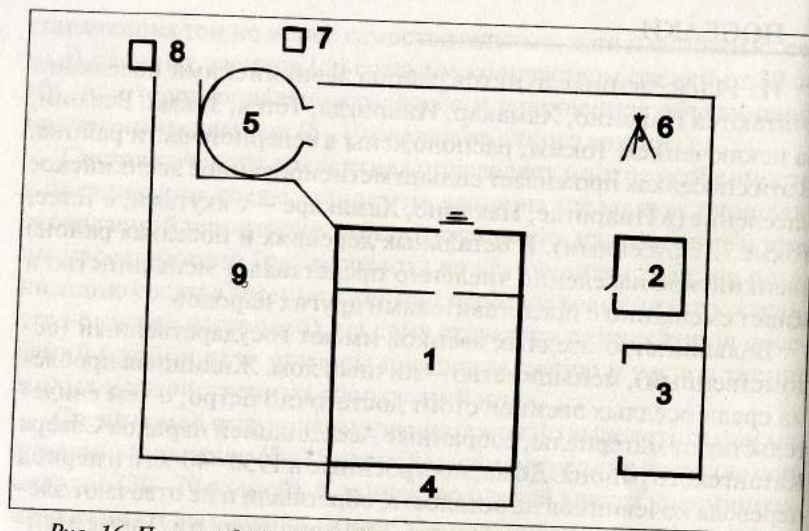

Рис. 16. План усадьбы эвенки Натальи Васильевны Бояршиной. Деревня Ерема. 1987.

1. Дом с верандой; 2. Баня; 3. Навес для хранения дров; 4. Палисадник; 5. Голомо — традиционное коническое корьевое жилище, покрытое корой лиственницы или ели; 6. Гулувун — костер для приготовления пищи; 7. Печь для выпечки хлеба; 8. Туалет; 9. Огород.

Fig. 16. The plan of the farmstead of the Evenk woman Natalia Vasiljevna Boyarshina. The village of Erema. 1987.

века в тайге», — отмечала Максимова на примере сымско-кетских эвенков (Максимова, 1994).

При переходе к оседлым формам жизни и быта у эвенков в течение некоторого времени бытовали (и до сих пор сохраняются) этнические особенности в организации новой для них среды. Среди таких особенностей отмечу поселение на пограничных, «ничьих» территориях, на окраинах или вблизи от русских и якутских населенных пунктов в начальный период перехода к оседлости; строительство рядом с постоянно обитаемым срубным домом (или на некотором расстоянии от него) жилища национального типа (чума дю или голомо), которое используется в качестве подсобного или иного рода помещения. Часто рядом с домом устраивается эвенкийский костер гулувун, на котором в летнее время готовят пищу (рис. 16). В качестве строительного материала эвенки широко используют кору лиственничных деревьев.

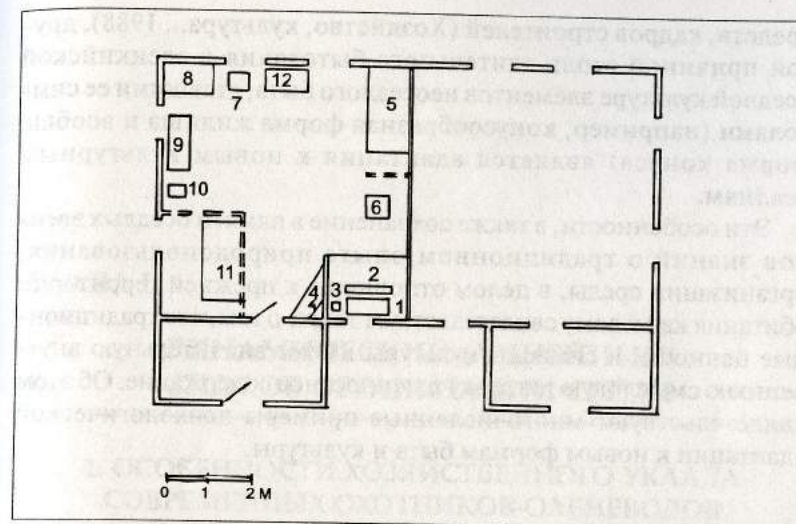

Рис. 17. План внутреннего устройства дома эвенка Митрофана Николаевича Сычегир. Деревня Тетейя. 1988.

1. Кухонный стол; 2. Скамья; 3. Стулья; 4. Умывальник; 5, 7, 9, 11 — кровати и диваны; 6. Железная печь; 6-а. Стол; 8. Стол для хранения рации; 10. Стиральная машина.

Fig. 17. The interior of the house of the Evenk — Mitrofan Nikolaevich Sychegir. The village of Teteia. 1988.

Сохраняются некоторые традиционные черты во внутренней планировке жилища, а также терминология названия его отдельных частей. Кухня устраивается обычно ближе ко входу в дом, слева или справа от входа; она называется *чонгал*. Напротив входа в жилище находится обычно место *малу*, наиболее почетное, которое стараются обставить получше. Боковые спальные места обычно отделены перегородками (иногда это комнаты), называются *бе*. Во внутреннем интерьере жилища частично сохраняются некоторые элементы традиционной утвари (рис. 17).

Подобные же особенности в организации среды прослеживаются при переходе к оседлости и некоторое время спустя и в других эвенкийских группах, а также у других народов, ведших в прошлом неоседлый образ жизни.

Так, например, у северобайкальских и забайкальских эвенков чумы сооружались обычно вокруг поселка или же рядом с ним на небольшом отдалении. Кроме недостатка стройматериалов,

средств, кадров строителей (Хозяйство, культура..., 1988), другой причиной столь длительного бытования в эвенкийской оседлой культуре элементов неоседлого быта, ставшими ее символами (например, конусообразная форма жилища и вообще форма конуса) является адаптация к новым культурным реалиям.

Эти особенности, а также сохранение в памяти оседлых эвенков знаний о традиционном опыте природопользования, организации среды, в целом отношение к прежней территории обитания как к дому свидетельствует также о том, что традиционные ценности и символы культуры имеют значительную внутреннюю смысловую нагрузку и ценностное содержание. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры психологической адаптации к новым формам быта и культуры.

ГЛАВА II

ДИНАМИЧЕСКИЙ (ЛИНЕЙНЫЙ) СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ СРЕДЫ

1. ОСОБЕННОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО УКЛАДА СОВРЕМЕННЫХ ОХОТНИКОВ-ОЛЕНЕВОДОВ

Катангские эвенки были представителями самого распространенного в прошлом среди эвенкийского населения Сибири хозяйственно-культурного типа охотников-оленьеводов тайги и лесотундры. «Большая часть инородцев ведет жизнь бродячую — ...единственно занимаются звериными и рыбными промыслами, этими источниками уплачивается их казенная повинность, и их нужды» (729/1/5:1).

Их традиционный хозяйственный комплекс основывался на сочетании трех основных видов хозяйственной деятельности (т. н. «северная триада»): охоты (пушной и мясной), рыболовства, оленьеводства. Соотношение между ними в разное время у локальных эвенкийских групп не было постоянным, в чем проявлялись гибкость и приспособленность к конкретной экологической ситуации, когда на первое по значению место выходила то одна, то другая его отрасль. Происшедшая с приходом русских переориентация тунгусского хозяйства на пушную охоту, потребности рынка не затронула сути, глубинных основ кочевой культуры, хотя и оказала большое влияние на все стороны их жизни. В результате длительного исторического соседства с русским и якутским населением и внутренних тенденций развития самого эвенкийского хозяйства к концу XIX — началу XX веков малооленьные и безоленьные эвенки верховьев Нижней Тунгуски начали переходить к полуоседлому и оседлому образу жизни. Более 1/3 эвенкийских хозяйств к 1920-м гг. уже имели лошадей, более по-

Рис. 18. Шкура лося на пнях для просушки и растяжки. 1981.
Fig. 18. The drying and stretching of the elk skin. 1981.

ловины — постоянные деревянные постройки (избы, зимовья), в которых жили оседло несколько месяцев в году. Кроме традиционных занятий, небольшая часть эвенков занималась также извозом, нанималась на сенокос и лесоразработки, имелась тенденция к занятиям скотоводством (538/1/183:67; Патканов, 1906). Это были естественные процессы, облегчавшиеся смешанными браками. Ниже по Тунгуске, в местах контактов с якутами эвенки тоже воспринимали новые хозяйственные занятия, например, скотоводство, а также в определенной степени сами воздействовали на образ жизни якутов.

Доминирующее место в хозяйстве эвенков занимала охота. Потребительская (мясная) охота на лося (сохатого) и северного оленя (на последнего — в меньшей степени) являлась основным источником мясной пищи. В других местах Иркутской области (в Прибайкалье) эвенки охотились на косулю, кабаргу, изюбря. Охота на медведя происходила редко, «попутно» и сопровождалась особыми обрядами.

Мясная охота достигала наибольшей интенсивности в весенний и осенний периоды времени, когда делались долговремен-

Рис. 19. «На рыбалку с острогой».
Рисунок и надпись выполнены эвенком А.Я. Веретновым.
Fig. 19. «Is going to fish with the harpoon».
The drawing and notes by the Evenk A. Ya. Veretnov.

ные запасы свежемороженого или сушено-вяленого мяса. Летом и ранней осенью лося добывали скрадом, поздней осенью и ранней весной — гоном на лыжах. Это — наиболее распространенные способы охоты в прошлом и теперь. По материалам Г. М. Василевич, эвенки Нижней Тунгуски и верховьев Лены иногда совместно с русскими рубили изгородь, в промежутках которой выкапывали ямы, прикрывая сверху настилом, хвоей и ветками (Василевич, 1969. С. 55).

Пушная охота выдвинулась на первое место в комплексном хозяйстве эвенков в конце XVIII — начале XX вв., в связи с чем особое значение стал приобретать олений транспорт. Промысловая охота на соболя уже к XVIII—XIX вв. прекратилась в связи с перепромыслом и исчезновением соболя, и объектом пушного промысла стала белка. Особенности биологии этого пушного зверя таковы, что в ее численности наблюдаются значительные колебания, связанные с урожайностью ее основного корма — шишек кедров и ели. В связи с этим обстоятельством находились и передвижения эвенков-охотников, в поисках белки в неурожай-

ные годы осваивавшие угодья, достаточно удаленные от мест их постоянного обитания. Такие интенсивные передвижения, приходившиеся на осенне-зимнее время, происходили с определенной периодичностью — примерно через два — три года (Туров, 1990). Традиционно на соболя и белку охотились с собакой по мелкому снегу пешком, на лыжах или верхом на оленях.

К концу 1920-х гг. белка обеспечивала 84% дохода охотника от сдачи промысловых животных. В среднем по Катангскому району добывалось до 130 000 штук белки (538/1/183:133). Доходы от пушной охоты обеспечивали снабжение эвенкийских семей недостающими продуктами, главным образом мукой, а также орудиями промысла — ружьями, боеприпасами, предметами обихода. Советские артели и колхозы тоже имели доходы в основном от пушного промысла. Например, в промартели «Инаригда» в 1942 г. было добыто 5559 штук белки, 32 горностая, 794 ондатры и некоторых других пушных зверьков всего на сумму 28, 5 тыс. руб., полученную после реализации (АКРА).

Еще одной традиционной отраслью эвенкийского хозяйства в конце XIX — начале XX вв. было **рыболовство**.

У эвенков Средней Сибири выделены три основных вида промысла рыбы: ходовой нерестовой рыбы, промысла рыбы во время ее жировки на «ямах» и во время осеннего хода рыбы в крупные реки и глубокие озера (538/1/183:67—79). Мнения исследователей о значении этой отрасли в системе эвенкийского хозяйства были разноречивы. По-видимому, в разное время, в многообразной экологической обстановке, у локальных эвенкийских групп значение рыболовства было различным. При отсутствии других источников питания продукты рыболовства временно приобретали основное значение. Летние передвижения эвенков во многом были обусловлены необходимостью ведения рыболовства. Однако они определялись не только и не столько рыболовством.

Оленеводство более, чем рыболовство, влияло на направления и темпы передвижения эвенков: «...олень ...определяет весь жизненный режим туземца и самую систему организации охотничьего промысла» (538/1/183:80).

Оленеводство эвенков таежной зоны Средней Сибири было отнесено Г. М. Василевич к т. н. эвенкийскому типу, который характеризовали небольшие размеры стада; использование оленя под вьюк с транспортными целями; кочевание, определяющееся

Рис. 20. Навьюченные олени. 1981. Август.
Fig. 20. The loaded reindeer. 1981 August.

потребностями охоты и т. д. (Василевич, 1969. С. 75). Другой выделенный ею тип оленеводства — ороченский — отличали такие признаки, как более многочисленное стадо; кочевки, определяющиеся потребностью оленей в корме, и т. д. (Василевич, 1969. С. 76). Различия между эвенкийским и ороченским типами оленеводства определялись, возможно, не только разными природно-климатическими и географическими условиями, но и генетическими различиями в формировании эвенкийской культуры; Н. В. Ермолова считает, что могли существовать два очага их возникновения (Ермолова, 1994).

К концу XIX — началу XX вв. в транспортном оленеводстве эвенков Средней Сибири произошли существенные изменения. В связи с возрастанием роли пушной охоты увеличились размеры оленьих стад, усложнились методы ухода за ними, разнообразились способы использования оленей (Туров, 1990). Все эти обстоятельства обусловили повышение роли и значения оленеводства в хозяйстве эвенков. Эвенкийский тип оленеводства в рассматриваемой группе эвенков не существовал в чистом виде.

Оленеводство катангских эвенков исключительно транспортное, относится к т. н. таежному типу. К этому же типу относится оленеводство кетов, лесных юкагиров, лесных ненцев и энцев. Стада домашних оленей были небольшими. Необходимо отметить высокую степень одомашненности таких оленей, доение важенок и т. д.

В начале-первой половине XX века количество домашних оленей в южной части района было небольшим, в токминской группировке уже имелись три безоленных эвенкийских хозяйства, в 10 хозяйствах держали лошадей. Количество оленей не превышало 30 голов на хозяйство, при среднем количестве 10–12 (565/1/61:5).

В 1940–50-е годы олени использовались для перевозки грузов геологических экспедиций, за что каюры-эвенки получали в качестве оплаты трудодни, а доходы колхозов составляли до 36% (Туров, Литвина., 1995. С. 145). В начале 1960-х годов в промхозах были организованы зверофермы, где содержали лисиц и песцов, которых кормили, в частности, мясом оленей. В результате переэксплуатации оленей в период работы геологических партий и в начальный период работы промхозов произошло сокращение транспортного оленеводства. Общественное стадо оленей в 1965 г. насчитывало около 2500 голов, а через 15 лет уже около 400 голов. При создании промысловых хозяйств и исключении оленеводства из сферы их хозяйственных интересов, оставшиеся после использования в геологических экспедициях олени были проданы в частное владение эвенкам-охотникам: взрослых оленей продавали за 30 руб., телят за 10 руб. На юге района, где большую роль играли охота, скотоводство и огородничество, домашние олени еще некоторое время содержались на вольном выпасе, а их хозяева жили в деревнях.

Количество оленей было небольшим, от 3 до 15 голов у одного хозяина, причем хозяевами были и эвенки, и русские старожилы-охотники. Осенью и зимой они охотились на оленях. В течение всей зимы после охотничьего сезона олени находились на вольном выпасе. Они приходили в деревню весной уже с оленятами. В деревне хозяева подкармливали оленей солью, делали для них навесы, устраивали дымокуры. Постепенно олени здесь исчезли. Такое же «оседлое», или «избненное», оленеводство было известно группам тутуро-очеульских эвенков (Петри, 1930).

В настоящее время среди эвенков, ведущих полуседлый образ жизни, традиционные виды хозяйственной деятельности со-

храняются, чем обусловлено сохранение традиций в способах организации среды жизнедеятельности. Основными видами хозяйственной деятельности среди них остаются (при сильно изменившемся соотношении) охота (пушная и мясная), оленеводство, рыболовство. Необходимость ведения и творческого сочетания всех вышеописанных отраслей хозяйства определили своеобразный, динамический (линейный) в сочетании со статическим (оседлым) способы освоения среды.

На первое по значению место в хозяйстве эвенков давно вышла **пушная охота**, доходы от которой составляют наибольшую долю в бюджете семьи. В 1986 г. оленными эвенками было сдано пушнины: Г. В. Веретновым — на 1361 руб., Г. Н. Галиным — на 4730 руб., Л. П. Сычегир — на 3932 руб., Н. В. Каплиным — на 1322 руб., М. Н. Галиным — на 4063 руб., А. Я. Веретновым — на 1938 руб., П. Л. Сычегир — на 2950 руб., Е. П. Сычегир — на 3772 руб., В. Д. Каплиным — на 1192 руб.

С середины XX в. основным объектом пушной охоты в районе становится соболь. По данным 1987 г. за охотничий сезон его добыча по Катангскому промысловому хозяйству составляет от 2800 до 3400 штук. Добыча соболя не зависит в такой степени, как добыча белки, от урожая кормов, с чем связано относительное постоянство опромышляемых территорий. Смена основного объекта охоты определила смену способов и орудий лова: если белку в основном добывали активными способами, с собакой или без нее, с ружьем, то в охоте на соболя используют как традиционное ружье, так и чаще всего различные капканы и ловушки. Охотятся на оленях, или на мотонартах «Буран». Охотники держат одну-две зверовых и пушных собаки. Эвенки Качугского района вообще «не умеют» ставить капканы, имея их не более 10–20 штук. Связано это иными географическими особенностями местности, — она пересеченная, в увалах, в то время как для охоты с капканами нужны дороги-тропы — путики.

С 1940–50-х гг. в районе появился еще один объект пушной охоты — ондатра, которая специально была завезена в Сибирь из Северной Америки, благополучно адаптировалась и размножилась. По данным 1987 г. по Катангскому промысловому хозяйству за один сезон добывают от 20 000 до 25 000 штук ондатры. Промысел ондатры среди оленных эвенков происходит попутно с рыболовством. Устанавливают капканы вечером, проверяют утром. Капканы ставят на воде — топят там, где ондатра цапаает

Рис. 21. Эвенк Черончин с деревенскими ребятами. Д. Ика. 1991.
Fig. 21. Cheronchin, the Evenk, and the neighboring children. The village of Ika. 1991.

землю (ищет корм) и у нор. Одновременно ставят сети, делают заездки на речках — ставят «корыто», «морду». Промысел ондатры ведется эвенками не столько ради возможных доходов от сдачи шкурок, сколько из-за тушек ондатры, которые «квасят» и затем используют в качестве наживы («привады») в капканы на соболя. Часть выловленной рыбы используют для этих же целей. Промысел ондатры ведется весь сентябрь и до начала октября. На это время приходится начало гона у домашних оленей. Уход за оленями в этот период времени требует постоянного присутствия человека рядом со стадом (производится ремонт и строительство изгороди для оленей, холощение и подпиливание рогов и т. д.). В связи с этим промысел ондатры ведется, как правило, около осеннего стойбища, на соседних реках и озерах. Иногда несколько членов семьи специально для промысла ондатры и ведения рыболовства переезжают на определенные реки и озера. Часть семьи при этом обязательно остается на осеннем стойбище. Малооленные эвенки иногда отдают своих оленей в одно общее стадо, составленное из оленей тех хозяев, которые образуют одну территориально-соседскую группу, под присмотром не-

скольких человек — пастухов, а сами ведут промысел ондатры и занимаются рыболовством на своих угодьях.

Охотники обычно составляют небольшие коллективы родственников или знакомых, хотя охота на пушных зверей и индивидуальное занятие. В прошлом коллективы охотников составляли кочевые эвенки и русские крестьяне, крестные или знакомые эвенков. Одна из отличительных черт эвенкийской культуры — женщины-охотницы. Женщины охотятся на пушных, реже на мясных зверей. Обычно женщины учатся охотиться у мужчин — отцов или мужей, братьев. Мужчины в вынужденных обстоятельствах брали на охоту маленьких девочек — дочерей или воспитанниц. Женщины не уходят в дальние маршруты, охотясь недалеко от жилища.

До сих пор велико значение мясной (потребительской) охоты, особенно в конце лета, когда делают долговременные запасы сушено-вяленого мяса, и ранней осенью, когда заготавливают свежемороженое мясо лося. Вообще нужно отметить, что эвенки не упускают случая добыть лося в любой период времени. Потребительская охота, так же как охота на соболя, не предполагает больших передвижений за границы традиционных территорий обитания.

Немаловажное значение в хозяйстве эвенков играет рыболовство. Основные породы рыб в Нижней Тунгуске — щука, язь, окунь, сорога, елец, по боковым речкам (притокам) — сиг, леннок, хариус, тугунок. Основная промысловая рыба в районе Чирко на границе с Якутией — осетры, сиги, таймени, хариусы, ленки; в районе Наканно — окунь, карась, елец, щука. Рыбачат заездками — перегораживая реку и против течения устанавливая «корыта»; сетями; переметами; неводами, на блесну. Раньше рыбачили на берестянках с двулопастным веслом, сейчас на моторной лодке.

Рыба идет исключительно для внутрисемейного потребления. Она составляет существенный источник пищи в основном в летнее время наряду с мучными изделиями, крупами и консервами. Рыбу едят в отварном виде, причем эвенки не употребляют в пищу навар от рыбы.

Рыболовством занимается все население района, независимо от национальности. Промысловое хозяйство в небольших масштабах вело промышленный вылов рыбы. По данным директора Катангского КЗПХ Андреева А. А., за финансовый год добывают

от 26 до 30 т речной и озерной рыбы, хотя возможности больше, можно добывать до 60 т.

Что касается оленеводства, то его судьба здесь не внушает оптимизма. Это вызвано все усиливающимся прессингом на территории проживания и хозяйственной деятельности народов Севера, изменением всего образа жизни и мышления. Транспортный олень становится ненужным, т. к. заменяется мотонартами. В настоящее время все олени являются частными, их хозяева практически исключительно — эвенки.

В Наканно еще в советское время геологи хотели создать подсобное оленеводческое хозяйство, для этого они вертолетами завозили оленей из Тофаларии, наняли местных жителей строить оленьи изгороди (предполагалось круглогодичное изгородное содержание), нашли пастухов. Но вскоре хозяйство развалилось из-за неготовности людей к ведению оленеводства, недостаточной площади оленьих пастбищ в условиях изгородного содержания, возможно, неприспособленностью высокогорных тофаларских оленей к условиям Нижней Тунгуски.

В то же время интересно отметить, что несмотря на постепенное и неуклонное сокращение численности оленьих стад и семей эвенков, занимающихся оленеводством, престиж его довольно устойчиво сохраняется. Это связано, по-видимому, с осознанием ими роли оленя для функционирования и жизнеспособности традиционного хозяйства и образа жизни. Этот образ жизни — кочевание — определил многие особенности психологического склада эвенков, их своеобразной кочевой культуры.

Летом олени находятся на полувольном выпасе. Их «пасет» комар, спасаясь от которого, они приходят к жилищу человека, к дымокурам. Олени линяют, им досаждают и комары, и пауты. С ночной пастбы в жаркие и сухие летние дни они приходят обычно рано утром, в 6–7 ч, когда спадает ночная прохлада и появляются комары и мошка. Если дни стоят прохладные и дождливые, олени приходят к обеду или вечеру.

На периоды гона и рождения оленят строят осенние и весенние огороды, которые на местности находятся поблизости друг от друга. Чем больше стадо оленей, тем больший по площади участок необходимо огородить. Один олений огород бывает протяженностью до 4–5 км. Обычно их бывает в таких хозяйствах целая система: так, в хозяйстве Л. П. Сычегир 4 осенних огорода общей протяженностью 10–12 км. Загоняют оленей в огород в

Рис. 22. Оленуха с приспособлением для ограничения движения кулука.

Фото М.Г. Турова. 1990.

Fig. 22. The reindeer with the special construction for restricting the movement.

Photo taken by M.G. Turov. 1990.

начале сентября (не ранее 1–10 сентября). В осеннем огороде содержат оленей в период гона, ежедневно производят осмотр изгороди.

Эвенки знают своих оленей «в лицо», не столько по меткам, которые делаются на ушах, сколько по особенностям экстерьера, рогов, поведения. И взрослые олени, и телята имеют клички, как эвенкийские, так и русские. Эти клички отражают характерную особенность конкретного оленя. В стаде размером 50–70 оленей имеется три быка-производителя (рассчитывают с запасом, «вдруг один потеряется, мало ли что»). Эвенкам известны простейшие приемы селекционной работы. Бычков кастрируют весной и осенью (конец августа — начало-середина сентября). При

выборе производителей учитывают, у кого из быков раньше обдираются рога. Это признак того, что они могут раньше начинать гон, и значит, раньше рождаются телята; у них больше шансов окрепнуть до зимних холодов. Между эвенками был развит обмен оленями, в том числе с целью улучшения породы. Потомство от диких оленей оставляют, но с ним бывает много хлопот. Эвенки любят пестрых оленей. Одного из производителей обязательно выбирают белого цвета, поэтому в стаде появляются «пеганые» — серые с белым олени, есть и чисто белые. Хотя белый цвет привлекает мошку, комаров и оводов, но зато таких оленей далеко видно в густом лесу летом и осенью.

В огороде оленей подкармливают солью. Наиболее беспокойным, стремящимся выпрыгнуть из изгороди, на шею надевают деревянное «ружье» (*ныктэраун*). Передвижения важенок зимой ограничивает *чангай* (*чангай*); приспособление *кулука* надевают наиболее беспокойным оленухам, чтобы те не уходили далеко. На шее у наиболее старых важенок есть колокольчики, по звону которых их ищут при необходимости (рис. 22). Оленей выпускают из осеннего огорода после окончания периода гона, в начале-середине октября. В это время обычно выше щиколотки выпадает снег и их можно найти по следам.

Эвенкийских оленей отличает высокая прирученность. Более половины стада составляют ездовые олени. Отдельно обучают *учагов* — верховых оленей, перевозящих людей, отдельно тех, которые будут перевозить вьюки («под седло») и для запряжки в нарты. Зимой ездят на трех-четырекопильных нартах, изготавливать которые эвенки стали по примеру якутов, русских. Нарты бывают ездовые и грузовые, в них впрягают двух оленей, сажатся справа. В хозяйстве Л. П. Сычегир зимой в период охотничьего промысла для передвижения семьи требуется 15–16 нарт, то есть 30–32 оленя.

Домашних оленей не забивали на мясо, за исключением одного-двух в год, выбирая ослабленных животных, или в случае продолжительного голода. Традиционно здешние эвенки забивали домашних оленей ножом в затылочную часть. Но сейчас некоторые эвенки забивают домашнего оленя из ружья, причем это делают женщины. Причина состоит в том, что, если мужчина-охотник забьет домашнего оленя из ружья, то навсегда потеряет свою охотничью удачу. Эвенки доят оленей. Важенок, когда они приходят утром, привязывают возле дымокуров к деревьям или

специально вбитым в землю жердям, телят привязывают отдельно. После обеда, около 4–5 часов, оленух доят, сидя справа на чурке или на опустившись на одно колено. Молоко выдаивают из двух ближних сосцов, дальние оставляют телятам. От 10–15 важенок можно надоить около одного литра молока в день.

В настоящее время сильно увеличилась зависимость оленных эвенков от поселка, как в экономическом, так и в психологическом плане. Это частично выразилось в планировании маршрутов кочевания с учетом необходимости посещения поселков не реже двух раз в год каждым членом эвенкийской семьи. Многие продукты, без которых современным эвенкам уже невозможно обойтись, приобретаются исключительно в поселке. Там же покупаются необходимые для ведения промысла ружья, боеприпасы, капканы; вся одежда, кроме зимней. Большинство эвенков имеют постоянные срубные дома в поселках, где во время их отсутствия живут их родственники или знакомые. Факт постоянного проживания в поселке родственников, крайне неблагоприятная демографическая, половозрастная ситуация среди эвенков, более высокий уровень жизни в поселке, культурное, медицинское обслуживание обусловили сильное психологическое тяготение оленных эвенков к поселку.

2. ОСОБЕННОСТИ ЭВЕНКИЙСКОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ

Специфические особенности землепользования у охотников и собирателей состоят в коллективном и временном владении территорией, пространственные границы которой отличает некоторая размытость (Шнирельман, 1990. С. 140). В то же время такая система землепользования отличается относительной устойчивостью, когда пастбища, маршруты кочевания закрепляются в длительное пользование на основе обычного права и которые можно в экстремальных условиях менять на некоторое время (Крупник, 1990).

У эвенков, как кочевого народа, не было идеи личного земле-владения, а только — использования территории. Род, семья или отдельный человек не является собственником территории, он лишь пользуется ею и наследует ее. Земля, по представлениям эвенков, не могла быть чьей-то личной собственностью, поскольку принадлежала *Буга*, высшему духу. Земля называлась тем же

термином, что и дух, который означал также «место», «территория», «мир» (Shirokogoroff, 1929. P. 294). И. И. Майнов отмечал в конце XIX в. у эвенков Якутии, что «...лощины рек поделены между родовичами, но такой дележ, по понятиям тунгусов, не дает владельцу речки полного права собственности на предоставленное ему место» (Майнов, 1898. С. 179).

Похожее отношение к земле было и у других народов Севера. Например, у нганасан, энцев, ведших преимущественно охотничий образ жизни (наряду с крупнотабунным оленеводством), представления о земельной собственности не оформились (Гулевский, 1993. С. 203). У чукчей собственность на землю была не более чем некоей традицией использования тех или иных площадей теми или иными группировками, состав которых не определялся кровной близостью к предшествовавшим пользователям. У ненцев, нганасан, энцев, чукчей, других народов земля рассматривалась как объект который не может по самой своей сущности находиться в собственности человека или группы людей (Гулевский, 1993. С. 298–299).

Раздел промысловых территорий среди семей эвенков являлся функцией рода. Переделы происходили на сугланах. Фактически в землепользовании эвенков действовали нормы обычного права, когда не было юридического закрепления участков и переход их происходил по наследству, при условии постоянного землепользования, освоения территории. «Такое угодье ...никем не отводится, ввода во владение (письменного) не делается. Право же на такое угодье за отдельной семьей или группой семей определяется годичной или двухгодичной давностью фактического пользования...» (538/1/74:9).

Тем не менее, недоразумения и споры о родовых угодьях занимали первое место среди всех судебных дел у тунгусов. Они разрешались на общеродовых собраниях, проводившихся один раз в год, выбранными на три года «князьями». Если родовое угодье продавалось, то разрешение на продажу давало общеродовое собрание. Если после смерти сородича у него не осталось прямых наследников, то претензии на данное угодье тоже рассматривало родовое собрание (538/1/74:9). И. М. Суслов во время экспедиционной работы у подкаменнотунгусских эвенков в 1926 г. заметил, что число споров из-за угодий значительно увеличилось. Он связал это с разрушением «института князей», и вообще «чрезвычайно резкой переменой в основах быта» эвенков; «безграмот-

ным и вредным влиянием разных торгслужащих» (538/1/72:9). Нельзя в то же время не видеть в нижеследующем описании и задачу обоснования необходимости советского строительства среди эвенков. «При слиянии двух речек, образующих р. Таймуру (левый приток р. Нижняя Тунгуска) находятся два угодья, принадлежащие столетнему старику Улькиго и живущим вместе трем братьям Налеге, Чекарену и Чучанче. Все они принадлежат к одному кровному роду. Оба угодья имеют хорошие леса, в которых держится дикий олень и сохатый. В семье Улькиго три промышленника: сам столетний Улькиго, его дочь Гильбарик (25 лет) и приемный сын (19 лет). В соседнем угодье промышленяют все три брата, из которых два — семейные, один холост. Улькиго промышленяет сохатого исключительно для своего пропитания, не более 1–2 в каждую весну (по насту). Соседняя же семья промышленяет зверя из-за шкур, которые продает на фактории по 10 руб. за штуку, а мясо продает тунгусам. Весною 1926 г. они добыли около 30 сохатых... Алчность, которая создалась у братьев в погоне за сохатыми в целях наживы, потеряла всякие пределы. Чекарен и Чучанча не только вторглись в заказник старика Улькиго и принялись за избиение его сохатых, но даже во время охоты его дочери и самого старика перехватывали на пути загнанного им сохатого и убивали, считая добычу своею. Такая картина продолжается уже три года. Старик пытался жаловаться бывшим князьям на обиды, но за эти жалобы был неоднократно побит соседями.... Подобные примеры в этом районе тунгусских кочевий очень часты. Поэтому тунгусы охотно идут на организацию родовых судов» (538/1/74:9–11).

К концу XIX в. прежней родовой замкнутости (если она вообще когда-либо существовала) у эвенков не было: в одной и той же местности жили представители нескольких родов (Патканов, 1906). Главными причинами, стиравшими родовой признак в пользовании угодьями и побуждавшими эвенков в прошлом менять свое местообитание (и то часто лишь на время) следует назвать стремление уклониться от уплаты ясака, поиск новых, богатых кормами и зверем, угодий, межэтническое давление, эпидемии, а также специфику социальной организации эвенков.

Хотя вопрос о форме землепользования у эвенков еще не решен окончательно, очевидно, что исследователи не разграничивали четко родовые и семейные угодья, т. к. и в реальной жизни такого разделения, по-видимому, не существовало.

С конца XIX — начала XX вв., с развитием пушного промысла у эвенков уже выделялись права семьи на те территории, где велись промысел пушного зверя и рыболовство. Хозяином охотничьей территории являлась семья, причем «...право семьи на охотничьи угодья распространялось в отношении тех зверей, которых ловят ловушками..., и в отношении охоты на сохатого» (Суслов, 1927. С. 47). Похожее наблюдение было сделано С. М. Широкогоровым у тунгусов Забайкалья (Shirokogoroff, 1929. Р. 300).

В. В. Карлов также заметил, что и к рыбным угодьям существует выраженное отношение собственности, даже в большей степени, чем к охотничьим: места рыбалок являются традиционно постоянными (Карлов, 1982. С. 15).

«Каждая семья хорошего тунгуса-промышленника заинтересована в сохранении за нею и ее детьми своего угодья, т. к. на речках строятся хорошие заездки для кандачинья (ловли острой в проруби) рыбы зимою..., ловушки для ловли лисиц и глухарей (пасти, слопцы), городит «огороды» для сохранения ...оленьих стад», — отмечал И. М. Суслов в 1926 г. после экспедиции к подкаменнотунгусским эвенкам (538/1/74:9).

Анализ хозяйственной жизни и социальной организации эвенков заставил исследователей отказаться от представлений о том, что эвенки бессистемно передвигаются по тайге, и перейти к заключению, что практически они редко выходили за границы естественно сложившихся хозяйственных регионов, и что «...для каждой общины сложились традиционные угодья, свой узкий хозяйственный район — микросфера общения в хозяйственной деятельности» (Карлов, 1982. С. 29). Одним из первых К. М. Рычков обратил внимание на тот факт, что границы кочевий енисейских тунгусов с XVIII в. остаются неизменными (Рычков, 1917, 1922). В 1930-х гг. в районах проживания малых народов проводились землеустроительные экспедиции, организованные при участии Комитета Севера. Работавшие в их составе экономисты, этнографы, охотоведы отмечали, что достаточно точное землеустройство произведено уже давно самими кочевыми народами (538/1/183; Петри, 1930; Левин, 1932). Таким образом, в течение нескольких поколений определенная территориально-соседская община локализовалась во вполне определенных, хотя и размытых, границах. Работавшие в 1928 г. в южной части Катангского района землеустроители отмечали невозможность переноса в условия Севера практики обычного землеустройства, а также под-

черкивали «исторически сложившиеся традиции в землепользовании, которые нельзя было не учитывать» (538/1/183).

Уполномоченные Комитета Севера, выезжая «на места» и лично знакомясь с ситуацией в землепользовании, оценивали ее как «спокойную». Из соседнего Усть-Кутского района о населении р. Таюра сообщалось: «...отношение туземцев к русским и русским к туземцам товарищеское[...] Эксплуатации тунгусов со стороны русских не наблюдается...совместное дружественное пользование охотугодьями, но есть неудовольствия по рыбным угодьям» (528/1/25:17). Из Катангского района, Верхнекатангского тузсовета: «...Особенно отраднo... на суглане туземцы и русские обсуждали совместно туземные вопросы и не заметно особых национальных розней, хотя были жалобы на захват русскими охотугодий, но об этом говорилось без злобы» (538/1/233: 60об.).

Работы землеустроителей в конце 1920-х — начале 1930-х годов выделили три основных типа перекочевки у эвенков: осенне-зимне-весенние, связанные с охотничьим промыслом, летние, связанные с выпасом оленей и рыболовством, и к торгово-заготовительным пунктам (440/1/85). При этом весь жизненный цикл подчинялся нуждам охоты.

Территория считалась и считается занятой определенной семьей или другим кочевым объединением, если на покинутых эвенками стойбищах оставляются какие-либо вещи членов семьи или делаются специальные знаки (метки) их владельцев. В этих случаях такая территория не могла быть занята кем-либо еще без формального согласия настоящего владельца (Shirokogoroff, 1929. Р. 299). До создания промысловых хозяйств, т. е. до второй половины XX в. эвенки в зимнее время кочевали там, где кочевали их ближайшие предки, при необходимости выходя на сопредельные территории, потому что границ охотничьих участков в их современном виде не существовало.

До последнего времени в землепользовании на территории района действовали фактически нормы обычного права. Закон лишь оформлял это действующее право и существующие отношения. Это означает, что территория (прежде всего охотничьи, затем пастбищные, рыболовные угодья) находилась в пользовании семьи, и передавалась по наследству по мужской линии.

В современных условиях увеличилась нагрузка на одну и ту же территорию со стороны разных этносов в результате увеличения численности населения и специализации района почти ис-

ключительно в области охотничьего промысла. В результате в практике землепользования произошли существенные изменения. Они выразились во введении юридического закрепления охотничьих участков, на которые к настоящему времени поделена практически вся территория тайги. Разделение участков происходит по естественным границам, которыми являются реки и водоразделы. Размер охотничьего участка различен в зависимости от того, насколько велика плотность населения (а значит, и количество охотников), общая площадь и качество таежных угодий в каждом конкретном производственном участке или отделении промыслового хозяйства. На юге района средняя площадь охотничьего участка составляет 100–150 кв. км, на севере района она может достигать 1000 кв. км и более.

Здесь нужно отметить недостаток промысловых угодий, несмотря на громадную территорию по отношению к численности населения. Это связано с неравномерной ценностью охотугодий, которые самим населением подразделялись на постоянные, временные и случайные. Основные промысловые угодья находились в вершинах мелких речек, на водоразделах и их притоках (хребтах). Остальные угодья рассматривались как угодья второстепенного характера. Среди эвенков все промысловые угодья, имеющие ценность, распределялись как по отдельным группам пользователей (большие массивы), так и по отдельным хозяйствам (538/1/183:132об).

Правом наделять охотников угодьями до последнего времени обладали специально созданные для этой цели комиссии при промысловых хозяйствах, в состав которых входили в основном представители администрации этих хозяйств. В августе 1990 г. взамен существующих были созданы комиссии по распределению охотничьих угодий при сельских (районных) советах. Социальная база новых комиссий расширена. Имело также значение мнение совета трудового коллектива.

По существующему законодательству промысловые (охотничьи) участки делят один раз в пять лет. Последний по времени акт закрепления охотничьих участков был принят в 1988 г. Фактически по-прежнему происходит традиционный, по наследству, переход промысловых участков, при условии, если последний успешно осваивается.

Прежде у эвенков допускалась уступка личного участка чужеродцу (Суслов, 1927); это же явление свойственно сегодняшнему

дню. Дирекция промыслового хозяйства фактически наделила оленных эвенков негласным правом самим решать, как использовать свою территорию обитания, границы которой четко обозначены. В результате выяснилось следующее. Многие оленные эвенки разрешают охотиться на пушного зверя на своих территориях с их точки зрения, нужным им людям, предварительно огораживая границы наделяемого участка (по рекам). Этот договор официально регистрируется (или не регистрируется) администрацией промыслового хозяйства. Известны также случаи, когда уже осевшие, безоленные эвенки по взаимной договоренности с промысловым хозяйством передавали свои участки родственникам, в том числе другой национальности.

Существуют три категории охотников: штатные (постоянные), временные штатные (сезонные) и любители. Штатные, или кадровые, охотники состоят в штате промысловых хозяйств. Основное число штатных охотников в районе — эвенки. Например, в Катангском промысловом хозяйстве из 76 человек штатных охотников 62 человека — эвенки, и лишь 14 человек — русские. Штатными охотниками являются все оленные эвенки. Однако совершенно очевидно сокращение численности коренного населения (эвенков) среди штатных охотников в последнее время.

С некоторыми из охотников администрация промыслового хозяйства заключает договор, временно зачисляющий их в штат рабочих этого хозяйства. Такие охотники считаются временными штатными. Наряд-задание (т. е. план на добычу) у них обычно такой же, как у штатных, или немного меньше. Последняя категория охотников — любители. В 1987 г. только в Катангском промысловом хозяйстве насчитывалось от 400 до 600 человек охотников-любителей. Среди охотников-любителей можно встретить представителей практически всех национальностей, проживающих в районе, в том числе и оседлых эвенков.

При распределении охотничьих участков среди оленных эвенков администрация промысловых хозяйств и комиссии по разделению участков имеют в виду прежние («родовые») территории обитания в тех границах, которые ими реально осваиваются и отвечают прежде всего потребностям пушного промысла. Официально зимнее кочевание эвенков должно проходить в границах этих охотничьих участков. Поскольку фактически каждый взрослый трудоспособный член эвенкийской семьи является штатным охотником, то за счет этого общая площадь охотничь-

их участков увеличивается и захватывает и пастбищные, и рыболовные угодья. Однако реальностью является процесс сокращения осваиваемой эвенками территории из-за последствий пожаров 1985–86 гг., уничтоживших большие площади пастбищных угодий. В результате эвенкам пришлось изменить территории кочевков, но произошло это с ориентацией на прежние территории обитания. По-видимому, этот механизм выработался давно, т. к. пожары не редкость в этих таежных местах.

Наблюдения позволяют сделать вывод, что если по каким-либо причинам освоение привычных семейных территорий невозможно или затруднено, ориентация происходит на традиционную территорию обитания эвенкийской территориально-соседской общины. Так, перекочевки семьи В. П. Каплина (род Пангаракай) после пожаров идут как по «семейной» территории, так и частично по территории, в недавнем прошлом осваиваемой Я. П. Веретновым, а после его смерти — его приемным сыном Е. Веретновым (род Пангаракай). В то же время перекочевки Е. Веретнова также частично захватывали территорию кочевания В. П. Каплина. Семья Н. Каплина (род Пангаракай) кочует по территории, в прошлом осваиваемой его дедом и родителями (в районе озера Онкоикта и Буркаул).

«Родовые» территории Голе (Галиных) находились прежде на реке Нижняя Кочема, Монго — на реке Средняя Кочема, Сычегир — на реке Верхняя Кочема. Находящиеся во взаимобрачных отношениях семьи Галиных и Сычегир в настоящее время осваивают территорию в районе реки Верхняя Кочема (в ее верховьях). В то же время семья Л. П. Сычегир испытывает тяготение к старым местам обитания в устье р. Верхняя Кочема и ее притока р. Умотка, где находились до пожаров постоянные (базовые) зимовья и осенне-весенние стойбища. Эти места в настоящее время осваиваются лишь частично, во время пушного промысла на мотонартах «Буран», поскольку из-за больших выжженных пространств кочевать туда нет возможности — отсутствует корм для оленей. Такие места постепенно занимают соседи эвенков — охотники-любители разных национальностей.

Традицию придерживаться маршрутов старых перекочевков, использования более или менее постоянных мест стойбищ в настоящее время исследователи отмечают у эвенков, родственных эвенкам ороков (уйльта) Сахалина. Так, В. Д. Косарев пишет о том, что прежде у ороков существовали четыре традиционные

тропы перекочевков: «...хотя эти маршруты, о которых известно, что их «предки прокладывали», теперь во многом нарушены техногенным вторжением подразделений лесорубов, нефтеразведки и нефтедобычи — все же даже молодые оленеводы по-прежнему стараются придерживаться их по мере возможности» (Косарев, 1986. С. 72).

Обращает на себя внимание, что кочевание хотя и в границах общинно-родовых территорий, но не на своей «семейной» территории, психологически не вполне комфортно. В связи с таким отношением до сих пор соблюдаются различные обычаи и обряды, например, брызганье вина на землю, кормление огня и другие. М. П. Егорченко говорила мне: «Я так здесь боюсь. Местное, чужое, хожу и боюсь. Пью — на землю брызгаю, — покойникам. Пусть выпьют».

Таким образом, все это указывает на весьма устойчивую тенденцию сохранения привычного круга перекочевков и территории кочевания в прежних границах, а также боязнь и неприятие «чужих» мест, осваиваемых в прошлом или настоящем другими этносами или эвенкийскими группами. Эта мысль подтверждается исследованиями И. Е. Максимовой у сымско-кетской группы эвенков: «по представлениям эвенков, существовала неразрывная связь между территорией и населяющими ее людьми; там где жили «чужие», местность тоже была враждебной» (Максимова, 1994. С. 92). Эта особенность эвенкийского землепользования является одной из основных составляющих, которые формируют особое отношение к тайге, территории кочевания, как к дому.

3. ЭВЕНКИЙСКАЯ ТОПОНИМИКА

Эвенкийские топонимические материалы чаще всего рассматривались как источник для исследования вопросов этногенеза тунгусо-маньчжурских народов, истории их расселения по территории Сибири. По распространению топонимов можно также судить о реальном освоении территории различными этническими группами. Действительно, даже поверхностное исследование топонимической карты Восточной Сибири свидетельствует о том, что ареал расселения эвенков прежде был гораздо более широк, чем теперь. В данной работе я использую семантический подход в анализе эвенкийской топонимики, для того чтобы вы-

яснить опорные точки в восприятии и организации окружающей среды, свойственные эвенкам.

Наименование территории или усвоение, адаптация топонимов, бытующих на данной территории, — один из способов и одновременно признаков ее организации. У каждого народа, наряду с общечеловеческими, универсальными способами, существуют свои традиции в наименовании территории, связанные в первую очередь с этнически специфическими способами освоения среды. Последние диктуются в основном типом хозяйства, видами хозяйственной деятельности. Традиции наименования связаны также с особенностями словообразования.¹

Собственно тунгусская топонимика составляется из двух групп: названий, образованных при помощи служебных суффиксов, и названий, обозначающих различные явления природы, предметы, действия. К ним примыкают некоторые имена собственные (Василевич, 1952). На территории Катангского района большинство топонимов имеют эвенкийское происхождение. Изредка встречаются более древние, дотунгусские топонимы, адаптированные современным населением. Топонимы русского происхождения более характерны для южной части района, местностей в долинах рек Нижняя Тунгуска и Непа. Встречаются также и двойные названия (русско-эвенкийские) одного и того же объекта.

Среди эвенкийских топонимов, проанализированных мною², большинство связаны с гидросетью, т. е. являются гидронимами, и с формами рельефа. Эта особенность вызвана, по-видимому, кочевым образом жизни и может считаться общеэвенкийской.

Катангские эвенки являются потомками кочевых таежных охотников-оленоводов, которым и до сих пор во многом свойственно динамическое (линейное) освоение среды. Их способы ориентации в пространстве и его организации выработались по речным системам: «Местность, по которой охотник прошел хотя бы раз, врезалась ему в память в виде своеобразной карты речных систем...» (Василевич, 1969. С. 182). В настоящее время эвенки,

¹ В отличие от многих других, эвенкийская топонимика не имеет специально добавленных слов со значением «река», «озеро», «вода», «гора». Словообразование происходит путем прибавления специальных служебных суффиксов (аффиксов) с указательными значениями.

² Это эвенкийские топонимы, встречающиеся на территории Катангского района, а также, в качестве сравнительного материала, топонимы Прибайкалья и Забайкалья.

как и прежде, ориентируются на местности по рекам, представляя территорию своего обитания в виде карты речных систем³. Причем здесь имели значение не протяженность, а количество притоков крупных рек, что нашло отражение в рисовании эвенками карт (Подгорбунский, 1924).

Большинство эвенкийских гидронимов связано с особенностями рек и приречного ландшафта, животного и растительного мира реки и ее окрестностей, затем следуют названия, отражающие жизнедеятельность человека (Юргин, 1974. С. 12). Строго говоря, и особенности ландшафта узнаются только в процессе жизнедеятельности.

При ориентации по речным системам большое значение имеет, откуда река берет начало и куда впадает. Для катангских эвенков это особенно важно: часто единственный ориентир при перекочевках — река, поскольку из-за особенностей ландшафта этой части территории Сибири хребты (водоразделы) практически незаметны для глаз.

Широко распространенными среди эвенкийских гидронимов здесь являются *Холокит* («речка, по которой поднимаются вверх»), *Хитакит* («речка, по которой ездят вниз по течению»), *Дагалдын* («приток, место слияния двух рек»), *Модан* («излучина, извилина реки»), *Дэрэн* («исток реки»), *Дантун* («устье реки»), *Могокта* («река, где есть глубокие места»), Дулисьма («речка посреди других речек»). В эвенкийских гидронимах отмечены и те особенности, к которым присматривался кочевой народ, сравнивая разные реки во время перекочевков: цвет и вкус, запах воды (*Сикили* — «мутная», *Юкта*, *Юктукон* — «холодный ключ, ручей с чистой прозрачной водой» и др.), особенности течения (*Юмурчен* — «быстрая», *Конда* — «мысовая, река с излучинами», *Огне* — «сухая, пересыхающая», *Кочема* — «извилистая», *Киника* — «кривая речка, вершина кривая», *Амнунда* — «речка нижняя, всегда наледная», *Могокта* — «река, где есть глубокие места»), *Тонкокэтэ* (другое название — *Экша*) — «речка с наволоком», приречного (приозерного) ландшафта (оз. *Дэтми* — «тундровое», *Чургикта* — «горелая речка», *Дувуикта* — «чистое место», *Эллонэктэ* — «река, у которой левый берег высокий, правый — низкий»). В качестве сравнения можно привести здесь топонимы забайкальских эвенков, где преобладают гидронимы, производные от слов со значе-

³ Интересно при этом, что эвенки практически не умеют плавать. Духу-хозяйину реки приносят жертвы.

нием «перевал», «скалистый горный хребет», «скала, гора», и которые хорошо отражают особенности горно-таежного ландшафта территории.

Обращалось внимание на растительный и животный мир реки и ее окрестностей (*Хектаикта* — «тальниковая», *Дядакар* — «река, где растут маленькие сосны», *Марикта* — «река, где заросли низкорослой березы, марник», *Дектанда* — «голубичная», *Асеникта* — «еловая»; оз. *Орон* — «олень», *Суринда* — «сиговая», *Джиллинда* — «таймень», *Оллегно* — «рыбная», *Чопкоки* — «утиная», *Пулваногна* — «язевая», оз. *Екогна* — «окуневое», оз. *Гаиннэ* — «лебединое», *Кулинда* — «змеиная», *Илимакта* — «муравьиная» и др.).

Эвенкийские топонимы, отражая особенности реки, озера, ландшафта, неразрывно связаны с жизнедеятельностью человека. Они представляют собой яркий пример направленности восприятия и свидетельствуют о том, насколько хорошо эвенки знали свою территорию обитания, ее экологические, ландшафтные и иные особенности. Высокая информативность об экологических условиях территории обитания хорошо иллюстрируется данными топонимики. Например, в Читинской области гораздо чаще, чем в рассматриваемом мной регионе, встречаются топонимы с корнем *тала*, что значит «природный солонец». Это места активной охоты на лосей, изюбей, косуль, которые выходят полакомиться солью, и где их поджидают охотники-эвенки (Шмидт, 2001. С. 74).

Интересно, что в названиях рек разной местности, разных районов, где живут эвенки, наблюдается осязаемое сходство. Прежде всего, это явление вызвано, по-видимому, одинаковыми способами освоения среды в схожих природно-климатических условиях, а кроме того, возможно, и целенаправленным использованием привычных топонимов (например, при переселении на новую территорию) с целью ее быстрее освоения, «одомашнивания» (Василевич, 1962). Высокая частота повторяемости указывает, с одной стороны, на экономность языка, с другой — на направленность восприятия, концентрирование внимания кочевых народов на тех характеристиках местности, которые важны для него. Это, например, важность названия реки с чистой питьевой водой, и наоборот (*Юкта* — *Сикили*: «чистый холодный ручей (река)» — «мутная река»), важность наименования некоторых особенностей реки (*Кочема*, *Кочечумо*, *Коченга*, *Кочокту*, *Кочоктума* — «извилистая» — от *кочо* — «излучина реки»). Реку хоро-

шо характеризует преобладающая порода рыбы, которая в ней водится, о чем говорит высокая частота повторяемости гидронимов *Делинда*, *Джиллинда*, *Джелуун* — «таймень» от *джэли* — таймень; *Суринда*, *Муринда* — «сиговая» от *сури* — «сиг» и др. Очень часто повторяются гидронимы с корнем *джегда*—*дягда* — «сосна». В процессе организации среды учитываются и особенности местности, которые важны, например, для устройства кочевого поселения (стойбища). Топоним *Дягдали* — «только один сосняк» — характеризует местность, которая пригодна для устройства любого типа стойбища, особенно летнего. Гидроним *Онкоикта* — «место, богатое оленьим кормом» — несет информацию о том, где находятся (или находились) обширные моховые пастбища для оленей. По исследованиям Шмидта, реки с названиями, производные от того же корня *Онкго*, *Онгокоит* встречаются в северной части Читинской области, где живут эвенки, и именно там находятся наиболее продуктивные олени пастбища (Шмидт, 2001. С. 130). Название реки *Огне* — «сухая» — говорит о том, что эта река пересыхает на лето и наполняется водой лишь в весеннее и осеннее время, когда на ее берегах можно устроить стойбище.

Среди топонимов, прямо связанных с жизнедеятельностью человека, можно указать: *Пурибиран* — «лабаз его речка, лабазиная», *Гулони* — «река, где лабаза» (в Читинской области синонимичные названия — *Пуричи*, *Пурени*, *Колбочи*, *Дэлкони*), *Дюкча* — «река, где остов чума», *Болодикит* — «река, где осенняя стоянка», *Какипка* — «река, где ловушки», *Эдюргэ* — «кузнечные щипцы», *Келлокон* — «лыжная речка», *Чукиль* — «река, где захоронение головы медведя в марнике (ивовых прутьях)», оз. *Вовдяк* — «убийство» (в память о событиях исторической давности — вооруженном столкновении между родами), *Калакан* — «котелок», *Гирамдали* — «река, где могилы» и др.

Топонимы, ведущие свое происхождение от антропонимов (личных именований) и этнонимов (названий племен и народов) в эвенкийской ономастике сравнительно редки, являясь «...живым свидетелем древнего и позднейшего расселения групп того или иного рода, а также местожительства рода» (Василевич, 1958. С. 334). Такое явление свойственно всем народам Севера. Еще С. П. Крашенинников в знаменитом «Описании земли Камчатки» отметил, что ительмены — народ-рыболовы — именами людей ни реки, ни местность не называют (Крашенинников С. П., 1949).

Редко, но встречаются названия, указывающие на то, какой человек постоянно жил, охотился, рыбачил у водоема. Среди подобных топонимов — р. *Яка* («человек был, может Яков, по-эвенкийски — Яка»), *Сильгиша* («человек какой-то стоял, или фамилия человека»), *Ильбарык* («женщина была там, рожала, и реку так называли — старики рассказывали»), *Онок* («человек был, наверное, старый»). Мои информаторы подчеркивали вместе с тем, что именами обычных, простых людей речки не называли.

По-видимому, в реальной действительности отношение к разным участкам территории было далеко неодинаковым, о чем косвенным образом свидетельствуют данные топонимики. Так, относительная редкость топонимов, связанных с именами собственными и родоплеменными названиями, характеризует особенности эвенкийских, и, шире — аборигенных — представлений о земле, особенности землепользования, когда строгого разграничения территорий не существовало и территория была во владении землепользователя лишь до тех пор, пока фактически им осваивалась. Существование гидронимов, производных от имен собственных, косвенно подтверждает мнение, что к рыболовным угодьям в конце XIX — начале XX вв. было более ярко выраженное отношение собственности, чем к охотничьим (Карлов, 1982).

Возвышенности (хребты), как правило, носят названия рек, протекающих по ним (Подгорбунский, 1924. С. 3): хребет *Инаригда*, хребет *Юктукон* и др. Сама местность, река и стойбища эвенков, расположенные здесь, носят одинаковые названия: река *Нерпок* (*Онок*, *Огне*), местность *Нерпок* (*Онок*, *Огне*), стойбище *Нерпок* (*Онок*, *Огне*). Мои информаторы подчеркивали, что стойбища называются ими для того, чтобы «...соседи знали, где стоишь». Название поселения, в том числе кочевого, подчеркивало освоенность территории, существовало не столько для себя, сколько для других. Хребты и заметные возвышенности называли также по особенностям окружающей местности (*Делов* — «каменный», *Чурги* — «горелый», *Джагдали* — «сосновый»), по ассоциации или в память событий, связанных с этим местом (*Моро* — «чашка», *Онкочо* — «лодка», *Потакуй* — «вьючная сума», *Дядвядьяк* — место, где образовалась заводь и было много рыбы, — отсюда название), *Токма* (по названию реки *Токма* — «лосиная, река, где много лосей»), *Ика* (от названия реки *Ика* — «метка, тамга») и др., а также включали в себя признаки характеристики местности, на которой они были расположены, например: *Ербогачен* (от

ербоко — «высокое место с сосновым бором»), *Наканно* («высокий берег реки») и др. Те же правила наименования действуют и среди других эвенкийских групп, например, алданских тунгусов: «Гора Ансат напоминает собой круглую женскую рабочую коробку, благодаря чему и получила свое название» (Подъяконов, 1900. С. 52).

Интересно в этой связи сравнить названия эвенкийских и русских поселений. Русские деревни и селения, в отличие от эвенкийских, чаще всего назывались здесь именами их первых жителей, например: Жданова, Оськина, Нижняя и Верхняя Карелина, Федорова, Боковикова и др., что опять-таки косвенным образом свидетельствует об иной хозяйственно-культурной традиции и ином отношении к земле.

Территории, осваиваемые совместно эвенками и русскими (хотя последними лишь на период охоты), реки, протекающие по ним, иногда носят двойные названия, которые обычно хорошо известны в местной среде. Они представляют собой прямой перевод с эвенкийского на русский язык (р. *Пурибиран* — р. Лабазиная, р. *Сикчэлектэ* — р. Сухие озера), но могут иметь разные значения (р. Хитакит — «река, по которой ездят вниз по течению» — р. Покойнишная; р. *Неекшэма* — «закрыли сохатых шкурами» — р. Нижняя Заозерная и др. В соседней Якутии немало якутско-эвенкийских названий, например — голец Капрал-Джангы или Капрал-Хая по р. Сылаху (Подъяконов, 1900. С. 58), эвенко-якутских (Кейметинов, 1998); иногда к ним добавляются и русские официальные наименования. Хотя явление двойных названий широко распространено в Сибири, они исключительно редко наносятся на географические карты, поэтому выявить их бытование возможно лишь при целенаправленных исследованиях.

Подобно тому, как эвенки обладают замечательной способностью давать прозвища своим сородичам по наиболее существенным, хотя и не явным, чертам характера («...достаточно проговориться, встать в смешное положение, как уже дается прозвище, которое иногда остается на целую жизнь») (Рычков, 1917, 1922. С. 141), так и в названиях местности выделяются особенности, важные не только для отдельного человека, но, главным образом, для всего кочевого коллектива, всей социальной группы, что и является неременным условием его закрепления.⁴

⁴ В этой связи интересно отметить, что в эвенкийской топонимике практически отсутствуют названия, связанные с эмоциональным восприятием среды жизнедеятельности.

4. ЦИКЛЫ КОЧЕВАНИЯ, ТИПОЛОГИЯ И СПЕЦИФИКА КОЧЕВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

«Жизнь тунгуса представляет собой поразительную смесь кочевания с оседлостью»
(А. Миддендорф «Путешествие на север и восток Сибири»)

Ритм жизни, пути и направления передвижений современных неоседлых эвенков не являются произвольными. Прежде всего, они подчиняются общему природному ритму, нашедшему отражение в традиционном эвенкийском календаре, по сути, фенологическом; кроме того, зависят от множества других причин. Для каждой эвенкийской семьи или территориально-соседской общины существовал и существует индивидуальный и неслучайный характер направления кочевых маршрутов (Карлов, 1982. С. 123), что подчеркивает творческий характер в организации среды, свидетельствует о вполне осознанном планировании маршрутов перекочевков, мест стойбищ.

Одним из основных условий успешного планирования перекочевков является отличное знание местности, ее экологических и иных особенностей. Поскольку жизнедеятельность происходит в границах определенной территории, ее хорошо знают: «...в местах, где кочуют, знакомо им каждое дерево, каждый камень и проч.», — писал И. Г. Георги (Георги, 1777. С. 38). Как характерные свойства эвенков отмечались способность ориентироваться даже в незнакомой местности, умение выбрать правильное направление пути или наилучшее место для ночлега и т. д. (538/1/183). Эвенки севера Томской области говорили И. Е. Максимова: «...эвенк не может заблудиться в тайге, он может лишь сам пожелать там навсегда остаться» (Максимова, 1994. С. 28). Именно тунгусы были непревзойденными проводниками сибирских экспедиций, начиная от землепроходцев и заканчивая современными геологами (Туголуков, 1969; Подъяконов, 1900; Ермолова, 1999б; Файнштейн, 1988; Шишков, 1914, мн. др.). Горный инженер С. А. Подъяконов, проводивший в 1896–99 гг. обследование районов рек Алдан и Олекма (современная южная Якутия) на золото, «...не доверяя уже по опыту существующим картам ... обратился зимою за расспросными сведениями к тунгусам и они дали мне карту, на основании которой я и составил свой маршрут. На этой карте, кроме направлений рек и их взаимного соот-

ношения, они указали мне и расстояния» (Подъяконов, 1900. С. 50). Эта способность стала почти врожденной: «Отсутствие резких, отличительных черт во всей этой местности служит причиной того, что даже местные тунгусы идут здесь наугад, руководствуясь каким-то присущим им чутьем...» (Подъяконов, 1900. С. 61). В основе этого «чутья» лежал многовековой опыт жизни в природе, тончайшие наблюдения над ее изменениями, отсутствие страха перед тайгой, система ориентировки в пространстве.

Хорошо известны современным эвенкам особенности флоры и фауны территории обитания, что учитывается при организации среды. Эвенкам известны звери и птицы, постоянно живущие на той же самой территории, что и они сами. «Часто отдельные семьи или группы семей (обычно из одного кровного рода) устраивают на своем угодье заказники для сохранения дикого оленя и сохатого, которых они берегут на случай голода» (538/1/74:9). Отношение к ним включает не только элементы соперничества, но и сосуществования, и даже покровительства (Shirokogoroff, 1929). На определенные виды зверей и птиц существуют запреты в охоте, связанные с религиозными верованиями и освященные традицией.

Цикличность эвенкийского кочевания обусловлена природными ритмами, которые эвенки так же, как и территорию обитания, прекрасно знают, а также биологией домашних и промысловых животных, спецификой хозяйственных занятий, зависящей от реальных изменений в природной среде. В известной мере условно возможно выделить четыре основных цикла эвенкийского кочевания, соответствующие четырем основным сезонам года в этой части Сибири: весенний, летний, осенний и зимний.

В связи с циклами кочевания коснусь вопроса типологии и классификации, а также специфики кочевых поселений. Хотя этот вопрос давно привлекает внимание ученых, в настоящее время в научной литературе отсутствует общепринятая детальная классификация скотоводческого хозяйства, с которой связана нечеткость в толковании многих терминов, в том числе терминов, относящихся к названию тех или иных поселений (Андрянов, 1985. С. 42). Данный вопрос нуждается в специальном рассмотрении; я лишь оговорю, какие термины в отношении кочевых поселений будут употребляться мной в работе и какую смысловую нагрузку они будут нести.

Согласно установившейся традиции обычно кочевые поселения различают в зависимости от сроков их обитания. Поэтому кратковременное кочевое поселение называют «стоянкой», а долговременное — «стойбищем». В то же время часто эти термины используются как синонимы (Туров, 1990. С. 135, 136, 146–149). На мой взгляд, в этнографической литературе в отношении временных кочевых поселений следовало бы в основном употреблять термин «стойбище». В научном обиходе термин «стоянка» представляется как специфически археологический термин; он ассоциируется с археологическими памятниками (древними поселениями).

У эвенков были выделены два типа кочевых поселений: временные стойбища оленных эвенков *уриkit* и постоянные (чаще зимние) стойбища на берегах рек *мэнэен* (Василевич, 1969. С. 107). Критерий, лежащий в основе такого выделения — время обитания в поселениях. Кроме того, у эвенков таежной зоны Средней Сибири для конца XIX — начала XX вв. были выделены четыре типа стойбища, соответствующие четырем основным сезонам года: зимнее *мэнэйен*, весеннее *ненгнерkit*, осеннее *хиголорkit* и летнее *дюворkit* (Туров, 1990. С. 134–135). В основе выделения этих типов стойбищ лежат сезоны года.

Сами эвенки до сих пор разделяют все используемые ими кочевые поселения на *уриkit* и *мэнэен*, причем в основе их выделения, по моим полевым материалам, лежит не столько критерий времени их обитания, сколько состав кочевого коллектива. Так, *уриkit* — это стойбище, независимо сколько времени населено, неделю или месяц. В таком поселении живет вся семья (или кочевая группа) в полном составе. Наоборот, *мэнэен* — стойбище, на котором оставалась часть семьи, обычно женщины, старики, дети. Мужчины в это время охотились.

Наряду с таким разделением чаще всего эвенки различают стойбища четырех типов, в основе выделения которых лежат сезоны года, обусловившие специфику хозяйственных занятий: весенний, осенний, зимний и летний. Соответственно все стойбища делятся также на летние (*дюводян-дюгадян*, *дювани уриkit*) осенние (*болодян*, *болони*), зимние (*тувани-тугани уриkit*, *туводян-тугэдян*), весенние (*ненгнедян*). Для каждого из таких типов стойбищ характерны специфика в расположении на местности, различные хозяйственно-бытовые функции, а также вполне определенный набор жилых и хозяйственных сооружений. Любое

из этих стойбищ (за исключением летних) могло быть названо в сложившейся ситуации и *уриkit*, и *мэнэен*.

В настоящей работе я буду употреблять один термин «стойбище», в отношении как кратковременных (например, летних, устраиваемых в среднем на 5–10 дней), так и долговременных (например, осенних, весенних, устраиваемых на 25–35 дней) стойбищах.

Весенний цикл кочевания продолжается примерно с конца апреля — начала мая до начала — середины июня, времени, когда появляются комары. Он связан с долговременной оседлостью, вызванной традицией изгородного содержания оленей в период отела. Основными хозяйственными занятиями в это время являются комплекс мер по оленеводству (уход за телящимися оленями, присмотр за оленятами, осмотр оленьей изгороди и т. п.); мясная (потребительская) охота; подготовка к летнему кочеванию (которая состоит в том, что все ненужные летом вещи — зимнюю одежду, нарты и т. п. еще по снегу отвозят на лабазы *ноку*, расположенные поблизости от осенних стойбищ); начало подготовки к будущему зимнему кочеванию (которая состоит в ремонте и изготовлении меховой одежды, лыж, нарт и т. п.).

В конце XIX — начале XX вв. места расположения весенних стойбищ зависели от периодичности урожая беличьих кормов, когда охотник оставался на весеннем стойбище там, где его застало окончание пушной охоты. Весенние стойбища могли находиться на расстоянии до 200 км от постоянных зимних стойбищ (в неурожайные на белку годы), в 60–90 км, иногда в 5–6 км от зимних стойбищ (Туров, 1990. С. 142). Поскольку в настоящее время основным объектом пушной охоты является соболь, которого отличает постоянство территории обитания, а также в связи с реалиями современного землепользования, весенние стойбища располагаются на местности в непосредственной близости от зимних и особенно осенних стойбищ. Иногда весенние стойбища совмещаются с осенними.

Места расположения весенних стойбищ обычно долговременны. По сообщениям информантов, они предпочитают выбирать для весенних стойбищ южные стороны склонов, защищенные от ветра лесные долины, открытые солнечные места, там, где раньше стаивает снег и появляется первая зелень и куда потерявшиеся или отставшие при перекочевке олени приходят сами.

Традиция изгородного содержания оленей в весеннее время у эвенков появилась, по-видимому, довольно поздно и в результа-

те заимствования у соседних народов (Спеваковский, 1984; Туров, 1990). Весенняя изгородь для оленей охватывает район с рекой или марью (болотом), с участками, где есть корм для оленей, участки тайги, особенно ельники, т. к., по наблюдениям эвенков, олени любят телиться в затемненных местах. По мере истощения оленьего корма устраиваются новые изгороди, а само место стойбища сдвигается.

Сейчас на весновку не собираются по 5–6 семей эвенков, как раньше; практически каждая эвенкийская семья с достаточным количеством оленей кочует как автономная единица, хотя иногда весной и осенью (а малооленные эвенки — и летом) родственники, свойственники и соседи живут одним-двумя чумами, совместно ведя хозяйство. Изменения в социальной структуре кочевых объединений не внесли неожиданных инноваций в организацию стойбищ и их архитектуру.

Следуя природным, биологическим ритмам, эвенки выгоняют оленей из весенней изгороди и сами выходят в районы летних стойбищ не строго по календарным числам, а в то время, когда у елей начинает распускаться конец веток, и «движутся... с таким расчетом, чтобы прибыть в намеченные, открытые или холодные места... когда появляется беспощадный комар» (538/1/183:137об.).

Летний цикл кочевания начинается с появлением комаров, и продолжается с начала — середины июня до начала — середины августа, т. е. всего около 2–2,5 месяцев.

Маршруты летних передвижений планируются заранее, весной. Прежде это происходило на сугланах, во время совместного проживания родственных и соседских семей на весеннем стойбище, при сдаче пушнины. В настоящее время это происходит либо по рациям, которые есть у всех оленных эвенков, либо во время встреч в поселке, куда эвенки выходят для пополнения запасов продовольствия в конце мая по «большой воде», либо во время встреч в тайге. Живя оседло на весеннем стойбище, эвенкийские женщины дымят шкуры, и запах дыма, по их словам, напоминает о летнем кочевании, «самой веселой», по выражению К. М. Рычкова, поре в жизни тунгусов (Рычков, 1917; 1922. С. 55).

Вот каким был такой «переходный период» по записям в дневнике эвенка А. В.:

17. 05, 18. 05 — пилили бревна и строили лабаз.

22. 05 — закончили лабаз.

23. 05, 25. 05 — лабазили вещи.

31. 05 — Николай (Моряк) аргиишил вниз до устья Ховоркита

1. 06 — Жарко. Выехали из озера Буркавул В. А. Я., В. Е. В. и Петро (Блэйк), до Тургуиты.

2. 06 — Безоблачно. Жарко, доехали дальше до Умотки.

3. 06 — Прохладно. Поехали дальше. На Эрүльдэгню добыли дикого оленчика. Ночевали на р. Белдо.

4. 06 — Под вечер приехали в Дагалдын.

5. 06 — Пасмурно. Днем прошел дождик. Петр (Блэйк) пошел домой.

6. 06 — В. А. Я. пошел к соседям (банный день). Вертолет летает на базу экспедиции.

7. 06 — Сделали мост через Дагалдын.

23. 06 — Стойбище на р. Дюрпуль.

26. 06 — В. А. Я. пошел на охоту.

27. 06 — Утром добыл сохатого на р. Чёпкитта.

28. 06 — Днем приехали из Чукиль Петро и Алеша.

30. 06 — День прохладный. Пошли валить деревья для зимовья.

31. 06 — День прохладный, ветер. Пошли ошкуривать бревна.

Летний цикл кочевания подчинен нуждам оленеводства и рыболовства. Смысл летнего кочевания в большой степени определяется необходимостью содержания и выпаса оленей. Летом лучшие места для выпаса оленей в таежной зоне Средней Сибири широкие открытые пространства тундр, обдуваемых ветром, вершины гор. На открытых возвышенных местах сильнее дует ветер, отгоняющий назойливых кровососущих насекомых. В летнее время эвенки совершают перекочевки в прибрежной полосе таежных рек, на водоразделах крупных речных систем и их притоках. По берегам рек в изобилии растут иволистые кустарники и травы, — основной корм для оленей в этот период времени. Реки служат также относительной преградой от частых здесь лесных пожаров.

Маршрут летних перекочевок представляет собой на местности форму эллипса. Летние передвижения, так же, как и передвижения во все другие периоды года, совершаются вполне осознанно, заранее планируются в виде общей схемы маршрута движения. По ходу движения в зависимости от реальной ситуации могут происходить определенные изменения маршрута. Планирование маршрутов, организация среды были и остаются непременными обязанностями, которые лежат на наиболее старых и опытных членах семьи. Последние, отойдя от активной деятельности, подсказывают варианты выбора, а непосредственной реали-

зацией и прежде, и теперь заняты молодые трудоспособные мужчины-лидеры, которые исподволь готовятся заменить старших.

Мне удалось зафиксировать на карте маршруты летних перекочевок нескольких семей оленних эвенков в 1990 и 1991 гг. (родственных семей Л. П. Сычегир и Е. П. Сычегир; В. П. Каплина, двух территориально-соседских общин тетейских эвенков) (рис. 23–25).

Общий маршрут летнего кочевания составляет: у семьи Л. П. Сычегир (70–80 голов оленей в стаде) — 60–70 км, у семьи Е. П. Сычегир (60–70 оленей) — 50–60 км за лето; у семьи В. П. Каплина (35–40 оленей) — 40–50 км, у семьи Н. Каплина (25–30 оленей) — 30 км; у двух территориально-соседских, малооленных общин тетейских эвенков (в общей сложности 20–30 голов в объединенном стаде) — 20–25 км за лето. В качестве причин, диктующих разную протяженность и темпы кочевых маршрутов, можно назвать несколько. Серьезная причина состоит в неблагоприятных демографических изменениях, которые произошли в половозрастном составе эвенкийской семьи. На стойбищах мало молодежи, преобладают одиночки, холостые и незамужние. В связи с этим приходится выполнять несвойственные ранее обязанности: женщинам участвовать в заготовке топлива для дымокуров, мужчинам — готовить пищу, доить оленей, даже шить.

В последние годы крупные пожары уничтожили обширные площади пастбищных и промысловых угодий, в результате чего эвенки лишились традиционных пастбищ, или они оказались сильно отдаленными и непреодолимыми для оленей из-за пространств горелого леса, что влияет на направление движения.

Имеет значение также количество оленей в стаде. Те семьи, которые имеют большее количество оленей, более устойчивы в выборе путей передвижений, имеют большую протяженность кочевых маршруты, в том числе в летний период времени.

Новыми причинами, которые влияют на направление и темпы маршрутов передвижений, являются промышленные разработки, ведущиеся в тайге на территории обитания тех или иных эвенкийских семей, а также связанное с промышленным освоением увеличение численности пришлого населения. Все эти обстоятельства влияют не только на амплитуду и направление передвижений, но также на его темп, на продолжительность обитания на летних стойбищах.

На маршруте в 50–60 км может быть от 9 до 12 стойбищ; в 40 км — от 6 до 8 стойбищ. В среднем расстояние между двумя лет-

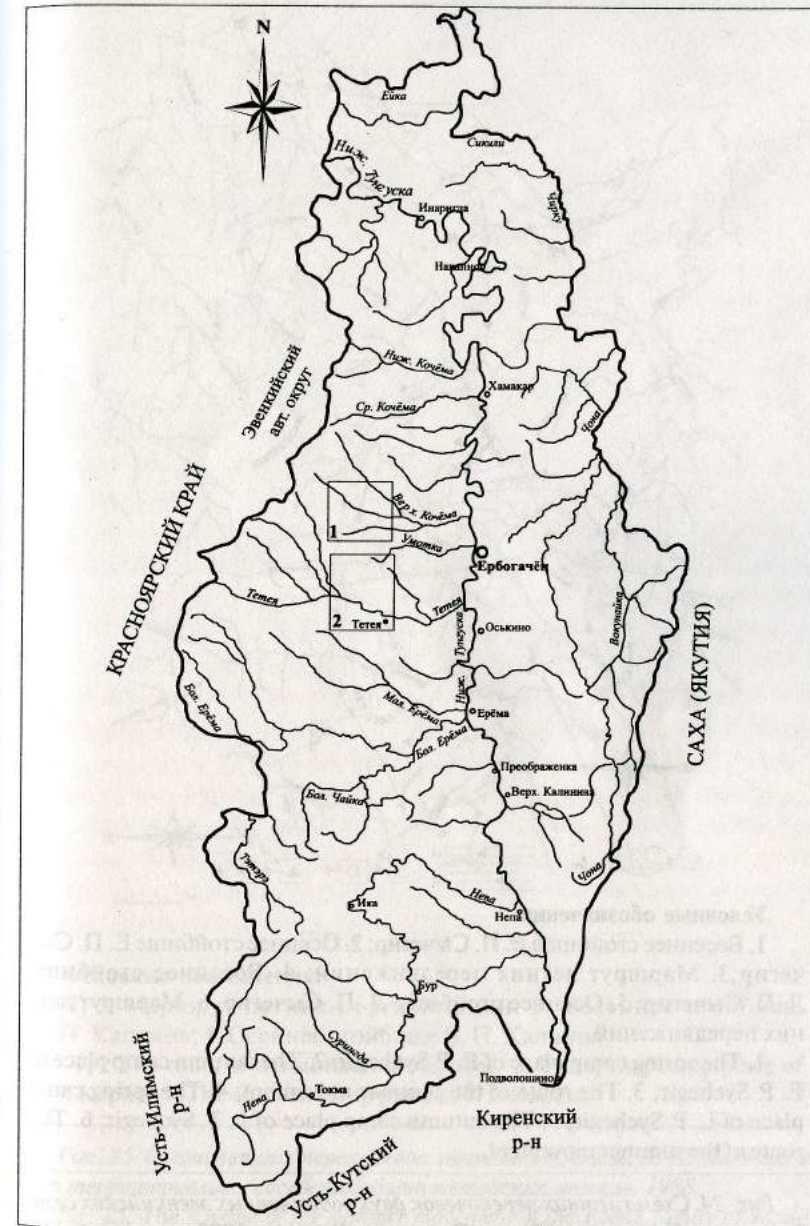

Рис. 23. Районы кочевий современных неоседлых эвенков.
Fig. 23. The areas used by the nomadic Evenks.

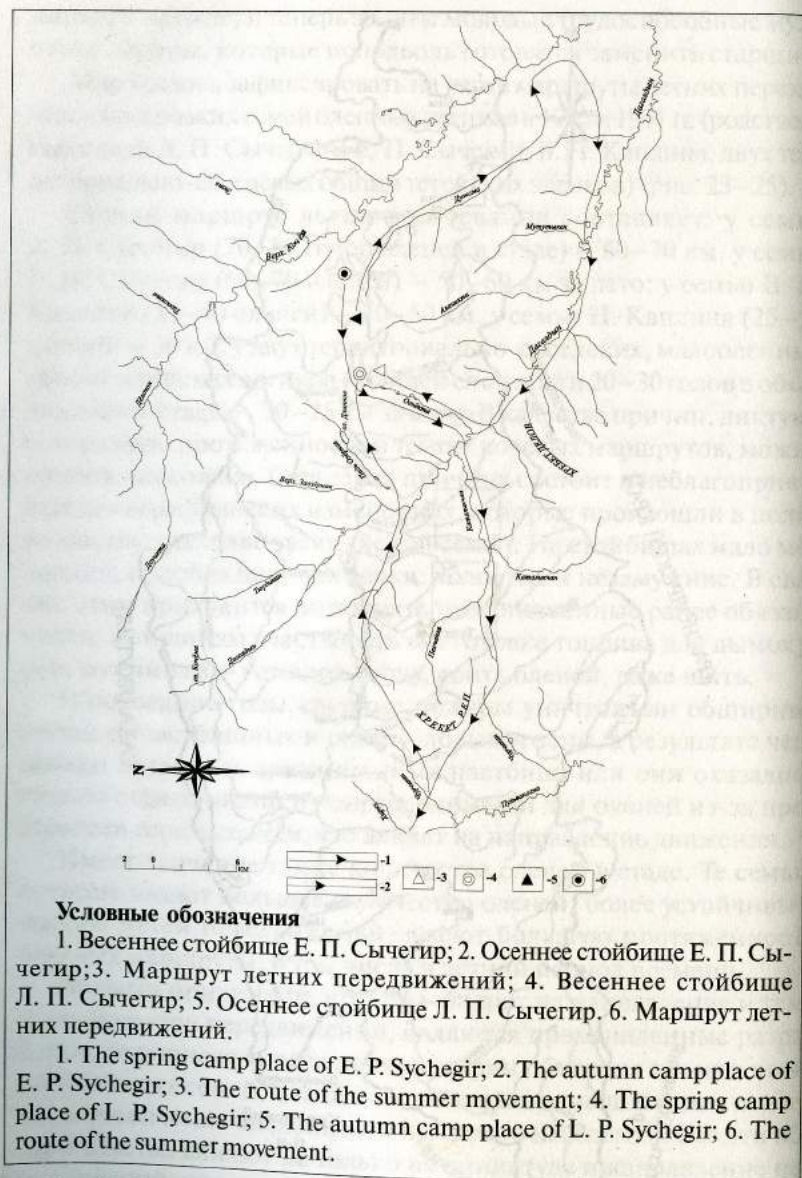

Рис. 24. Схема летних перекочевок двух родственных эвенкийских семей Екатерины Петровны и Лазаря Петровича Сычегир. 1990.

Fig. 24. The scheme of the summer movement of two Evenks families (they are relatives). 1990.

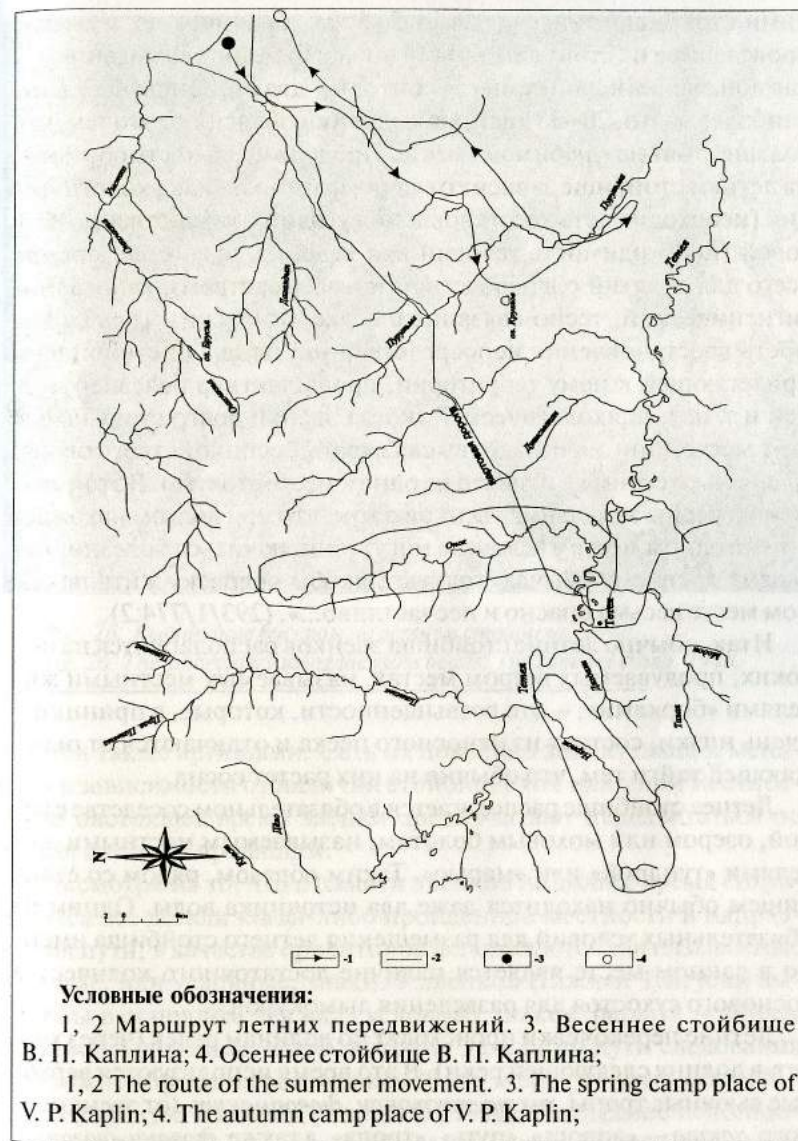

Рис. 25. Схема летних перекочевок эвенкийской семьи В. П. Каплина и двух территориально-соседских общин тетейских эвенков. 1988.

Fig. 25. The scheme of the summer movement of the Evenk family of Vasilii Pavlovich Kaplin and of two territorial-neighboring communities of the Teteiya Evenks. 1988; 1989.

ними стойбищами насчитывает 5–6 км, а количество времени, проведенное на стойбище — 8–10 дней. По моим наблюдениям, у каждой эвенкийской семьи за лето одно-два стойбища населены наиболее долго, 20–25 дней. Сами эвенки объясняют это тем, что дольше стоят на «любимом» месте. Продолжительность обитания на летнем стойбище зависит от таких факторов, как экологический (необходимость восстановления угодий), хозяйственно-бытовой (необходимость условий для ведения хозяйства, прежде всего для занятий оленеводством и рыболовством), санитарно-гигиенический, тесно связанный с экологическим (необходимость восстановления непосредственной площади стойбища и прилегающей к нему территории, профилактика болезней оленей и т. п.), психологический (когда эвенки долго стоят на одном месте, они начинают высказывать беспокойство, говоря: «давненько стоим», «надоело на одном месте стоять»). В этой связи интересны замечания эвенков о том, что при долгом нахождении на одном месте у человека могут приключиться болезни: «по своему древнему обычаю толкуют, якобы человеку жить на одном месте весьма опасно и несчастливо...». (293/1/774:2).

Итак, обычно летние стойбища эвенков располагаются на высоких, продуваемых ветром местах, называемых местными жителями «борками», — это возвышенности, которые, в принципе, очень низки, состоят из наносного песка и отличаются от окружающей тайги тем, что обычно на них растет сосна.

Летнее стойбище располагается в обязательном соседстве с рекой, озером или моховым болотом, называемым местными жителями «тундрой» или «марью». Таким образом, рядом со стойбищем обычно находится даже два источника воды. Одним из обязательных условий для размещения летнего стойбища именно в данном месте является наличие достаточного количества соснового сухостоя для разведения дымокуров.

Летние перекочевки происходят по долинам рек (через хребет, в долину следующей реки). В это время используются верховые выючные тропы *хокто*, *хоктокон*, *дюворможит* (от эвенкийского *хокто* — «дорога», «путь», «тропа», а также *дювани-дюгани* — «лето» (Сравнительный..., 1977. С. 331). Они проходят по высоким сухим местам (хребтам и южным склонам), по заболоченным долинам рек, «временами переваливая через короткие водоразделы, вновь вступают в долину какой-либо реки, по которой идут до нового перевала» (538/1/183:49об). Эти тропы назы-

Рис. 26. Вышивание бисером на летнем стойбище. 1988.
Fig. 26. The embroidery using the glass beads. The summer camp. 1988.

ваются также аргишами. Сеть их довольно значительна и меняется в зависимости от наличия стойбищ в той или иной местности. В настоящее время эвенки предпочитают передвигаться по геологическим профилям.

Несмотря на то, что в памяти эвенков на долгое время сохраняются все детали когда-либо пройденной местности и направления пути, в качестве ориентиров используются так называемые путевые, или условные, знаки. У эвенков Нижней Тунгуски выделены в основном два вида условных знаков: первый — затесы на стволах деревьев *илкон*, которые делали по пути следования по таежной тропе на расстоянии 20–60 м друг от друга; второй — указатели *хува* из палок (Хороших, 1950). Последние использовались при переправах через реку, в тех местах, где поблизости не было деревьев. Кроме того, различная информация наносилась в виде примитивных рисунков углем на ошкуренной поверхности дерева. У кетско-сымских эвенков указателями бродов служили перевернутые вверх корнями деревца. На вершинах небольших деревьев оставляли кусочки мха (Максимова, 1994).

В настоящее время среди катангских эвенков сохраняется употребление путевых знаков, представляющих собой затесы на стволах деревьев *илкан*, которые наносят при помощи эвенкийского ножа на длинной рукояти — *пальмы* или топора. Затесы *илкан* делают вдоль дорог (троп) когда строят зимовье, изгородь, передвигаются в каком-либо направлении. Если место ровное и затесы делать негде, то втыкают в землю палку и на нее вешают мох. Что касается рисунков, то совсем недавно Я. П. Веретнов, шаман (ныне покойный) делал такие рисунки на деревьях вдоль нартовой дороги, чтобы «ездить лучше было».

Летом приходится часто передвигаться. Сборами руководит женщина. В ее обязанности входит собрать всех оленей, упаковать вещи (посуду, постели, одежду, различную домашнюю утварь). Упаковывается все таким образом, чтобы не болталось и не гремело во вьюках, не привлекало внимания, а также, чтобы на новом месте все самые необходимые вещи сразу же оказались «под рукой». Упаковка производится в оленьи сумы, обклеенные камысом, с твердым берестяным основанием (*инмэк*), и мягкие вьючные сумы из ровдуги (оленьей замши), оленьего меха или брезента (*поты*). После того, как вещи упакованы, вьючат оленей. В этом женщинам помогают мужчины. Мужчины также должны разобрать и упаковать покрышки чума (прежде это было женской обязанностью) (Василевич, 1969. С. 73, 166).

Последнее, что забирали со стойбища, с места бывшего чума — это икону и ребенка (Lindgren, 1935. Р. 120). Когда аргиш уже готов тронуться в путь, водой заливают дымокур в чуме и дымокуры для оленей, костер *гулууун*. На покинутом стойбище, если думают вернуться туда в будущем, обязательно оставляют некоторые вещи. Перекочевка начинается после обеда, когда спадает дневная жара и на стойбище возле дымокуров собираются олени. Часть их специально заранее привязывают. Навьюченных оленей собирают в аргиш (караван); один аргиш состоит из 8—10 оленей (при количестве оленей в стаде 50—60). Обычно каждый член семьи ведет один аргиш.

С. М. Широкогоров заметил, что для управления оленями тунгусы используют слова-команды *мот-мот* (нерч., баргуз.), *моду* (ангар.), что означает «быстрее», «скорее», «вперед», и короткое *о!о!*, что означает «давай», «иди» (Shirokogoroff, 1929. Р. 35). По моим материалам, когда аргиш движется, женщина подзывает оленят криками *куу-у! куу-у!*, а свободных от вьюков оленей криками

Рис. 27. Саша Забродин расчищает место для чума.

Fig. 27. Sasha Zabrodin preparing the place for the dwelling (tent) chum.

мэть—мэть—мэть! Время от времени она кричит так до тех пор, пока не убедится, что все олени следуют за аргишем.

Из полевого дневника, 1989 г.

«9 августа, среда. Стойбище М. П. Е. Перекочевка после обеда, в 17—10, т. к. только к обеду пришли олени. Сборы заняли 3—3,5 часа. Упаковка вещей во вьючные сумы — *инмэк*, *инмэкча* (без камысного покрытия, а с брезентовым на берестяной основе — для кухни), *поты*. Настоящих эвенкийских *инмэков* штуки четыре (две пары). Часть брезентовых сумин осталась от времени работы хозяев в экспедициях. На одного оленя вьючат обычно не больше 30 кг. Навьючили примерно 22 оленя. Аргишем первым шел Никанор с 8 оленями навьюченными и соединенными друг с другом, потом я верхом на учаге Никанора, потом Василий Павлович, потом Марина Петровна со связкой (6—8) оленей, потом Петька (8 оленей). Все эвенки ехали с посохами в правой руке, в опасных местах опираясь на него. Посадка с правой стороны с пенька, возвышенности с помощью посоха.

...Марина Петровна ехала на единственном учаге, который ее поднимает (ее вес — 103 кг). Везти может не более 2 часов. Ровно столько и ехали. Когда отъезжали, полдороги М. П. кричала «мэть—мэть—

Рис. 28. Катя Каплина у костра гулувун на летнем стойбище.
Fig. 28. Katya Kaplina near the camp fire guluvun.

мэть—мэть!» (звала оленей) и «куу, куу, куу, куу!» (звала телят). Они и вправду стали бежать, сначала поодаль. Потом навьюченные матки стали на бегу хоркать оленят, и те бежали рядом».

Обычно одна летняя перекочевка занимает 1, 5—2 часа. За это время покрывается расстояние, приблизительно равное 5—10 км. Во время передвижений делают неизбежные остановки, чтобы подправить сбившийся вьюк, распутать оленя или собаку (собак во время перекочевки привязывают на поводке к оленьим седлам так, что они двигаются вместе с оленями), подождать свободно бегущих оленей и т. п.

Место, куда направляется аргиш, известно заранее. Обычно там уже стоят осто́в чума *дюкча*, дымокуры *хаммин-саммин*, лабазы *дэлкэн*.

Мужчины на месте нового стойбища в первую очередь разжигают дымокуры, а женщины развешивают оленей. Затем все рассаживаются у костра и, еще не установив чум (т. е. не покрыв осто́в чума брезентом), пьют вскипяченный на костре чай. Лишь после этого приступают к дальнейшему устройству стойбища.

Ускоренное движение по эллипсовидным кочевым маршрутам приходится на начало и конец лета. Уже с середины июля эвенки продвигались в район пушного промысла. «В это время ведутся наблюдения над урожаем кормов белки и случается, что с этой целью производятся специальные рекогносцировочные обследования наиболее знающих и понимающих охотников» (538/1/183:140). Поскольку в настоящее время места зимнего промысла определены и постоянны, то к середине августа подтягиваются ближе к осенним стойбищам, где есть изгороди для оленей и стоят в непосредственной близости от них. Оленей загоняют в изгородь в зависимости от конкретных фенологических изменений: «...число необязательно: замечаешь, когда хвоя начинает с лиственниц падать — тогда у оленей гон начинается, надо в огород загонять», а также появлению грибов, другим признакам.

Из полевого дневника 1989 г.

5. 08. 89 На стойбище у М. П. Е. Мы с Катей варили обед на костре, как вдруг она сделала резкое движение рукой, пытаясь поймать какое-то насекомое. Это насекомое было странного вида: продолговатое, с 4 или 6 ножками, с несколькими парами крылышек, черного, красного и желтого цветов, даже «хвост» у него был веером! Глаза у Кати светились радостью. Потом она бросила это насекомое в огонь. Я спросила, что это значит? Катя объяснила, что это иркин — эвенкийское название насекомого, которое можно изредка увидеть в августе и есть примета, что оно указывает на скорую добычу сохатого. Если иркин больших размеров, то сохатый большой будет. Сегодня за обедом видели двоих — большого и маленького. Поэтому предположили, что встретят сохатого с теленком.

13 августа, воскресенье. Никанор вернулся с охоты часов в 11—12 дня. Добыл сохатого с теленком и глухаря. Ходил целую ночь, маленько ночевал, под утро собаки залаяли (брал двух собак). Собаки загнали сохатого. Часть мяса, а именно часть ребер, почки, печень, сердце привез с собой, остальное оставил на месте добычи, не строя для хранения никакого сооружения, едва прикрыв ветками и мхом.

Было видно, что все рады удачной охоте, хотя специально никто, кроме старика, это не высказывал, скорее наоборот, радость скрывалась за равнодушием, явно показным. Один старик не скрывал радости, естественно, она здесь выражается очень скупой. Вот, говорит, Бог дал, Бог дал. И рассказал сон, который ему приснился накануне: видел во сне свою мачеху, которая спрашивала его: «Где Никанорка?»

На что старик ответил: «Не знаю, где-то на охоту ушел». Эта примета хорошая, такой сон — значит, добудет.

Я ошипывала глухаря, Петька доделал эту работу до конца. Пух и перо складывала в таз (ошипывала в чуме, чтобы их не унесло ветром). Марина Петровна сложила перо и пух в мешок, — копит. Кстати, я сплю на подушке, набитой пером и пухом диких уток.

14 августа. Никанор и Петька, предварительно плотно позавтракав, взяв 12 оленей (2 из которых — их верховые олени) пошли за мясом сохатого, которого вчера добыл Никанор. М. П. рассказывала, что несколько лет назад вот также добыли сохатого, а когда за ним пришли на оленях, увидели, что здесь побывал медведь. Правда, медведя этого убили. Обычай нимат и сейчас сохраняется среди эвенков. «Мы ниматчим, — говорит М. П., — шкуру медведя себе не берем, обязательно кому-нибудь отдаем». Так, отдали этого медведя шкуру Алешке (внуку), другого — Егору В. (родственнику из того же рода); прошлогодною — Х. (или судье Н. ?). Те медвежьи зимние одеяла, которые есть у Никанора, Пети, М. П., сделаны из шкур, переданных им таким же образом. Часть мяса сохатого, добытого вчера, хотя бы поделить с Егором В., завтра мы с Петей должны ехать к ним.

* * *

Осенний цикл кочевания так же, как весенний, связан с долговременной оседлостью, вызванной изгородным содержанием оленей в период гона. Он продолжается со второй половины августа — начала сентября до середины — второй половины октября.

Осенний цикл кочевания связан преимущественно с охотой (мясной и пушной) и оленеводством. Комплекс мер по оленеводству в осенний период времени предусматривает строительство и ремонт изгороди для оленей, наблюдение за ходом гона, холощение, подпиливание рогов, доение и т. д. Так, например, строительство изгороди является тяжелой физической работой. Рабочий день на строительстве изгороди продолжается с 10–11 часов утра до 18–20 часов вечера с небольшими перерывами. Строительство стараются закончить как можно скорее. Эвенки, которые на данный год наметили строительство новой изгороди или существенное расширение старой, выходят в район осенних стойбищ раньше, чем обычно. Так, семья Е. П. Сычегир в 1990 г. вышла к месту постоянного осеннего стойбища 10 августа, поскольку необходимо было строить новую изгородь для оленей, а семьи М. и Г. Галиных — в начале сентября, т. к. у них на этот год был

намечен лишь ремонт изгороди. Женщины в это время особенно стараются посытнее накормить мужчин. В пищевом рационе постоянно присутствует мясо, эвенкийский суп *хирба* («без супа не наедятся»), по утрам плотный завтрак из оленьих сливок *итык-ча укумми* или молока *укумми*, в которое добавляют голубицу или хлеб. Отмечу, что среди оленных эвенков есть одна семья, которая обходится без строительства оленьей изгороди. Эта семья с неблагоприятным половозрастным составом, где один мужчина и остальные — женщина и дети. Кроме того, это семья малооленная.

Кроме строительства оленьей изгороди и других мероприятий, связанных с оленеводством, на осень выпадает период мясной охоты, когда эвенки ведут «плановую» заготовку мяса лося, которое либо вялят и сушат (ранней осенью), либо сохраняют в замороженном состоянии на специальных лабазах *муко*, сооружаемых на месте добычи зверя. В это время идет постепенная подготовка к осенне-зимнему сезону пушной охоты. Все ненужные для зимнего кочевания вещи по первому установившемуся снегу увозят на весенние лабазы. Оттуда привозят вещи, необходимые для зимнего кочевания — олени нарты и др. В это же время «попутно» расчищают от упавших деревьев нартовые («центральные») дороги. От осеннего стойбища обычно начинают установку капканов на соболя.

Из полевого дневника

1989 г., август. «Саня В. сегодня ушел на охоту, по рации его вызывал Васяка У., который только что приехал из Туры... Егор не говорит по рации, что ушел охотиться, говорит просто: ушел. Опять старший охотовед К. по рации требует собирать ягуду по 100 кг на человека. Смеются в чуме: не будут собирать. На самом деле некогда: дрова заготовить для дымокуров, для гулувуна; на охоту сходить; воды принести; огород городить; перекочевывать — целое дело, — мясо сушить ближе к осени. В прошлом году промхоз дал план Никанору и Петьке добыть и сдать трех сохатых. Добыли и сдали».

Итак, выбор мест осенних стойбищ связан с рядом условий, которые учитываются в комплексе. К концу августа эвенки подтягиваются от береговой зоны рек дальше в хребты, в междуречья крупных речных систем, на небольшие таежные реки и их притоки, где останавливаются на осенних стойбищах. Топографически на местности осенние стойбища расположены поблизости от весенних и зимних, поэтому иногда весенние и осенние стойбища совмещаются.

Одним из первых условий при выборе мест осенних стойбищ является расположение их поблизости от мест многолетней концентрации крупнокопытных животных (Туров, 1990). Современным эвенкам, особенно представителям старшего поколения, такие места обычно хорошо известны.

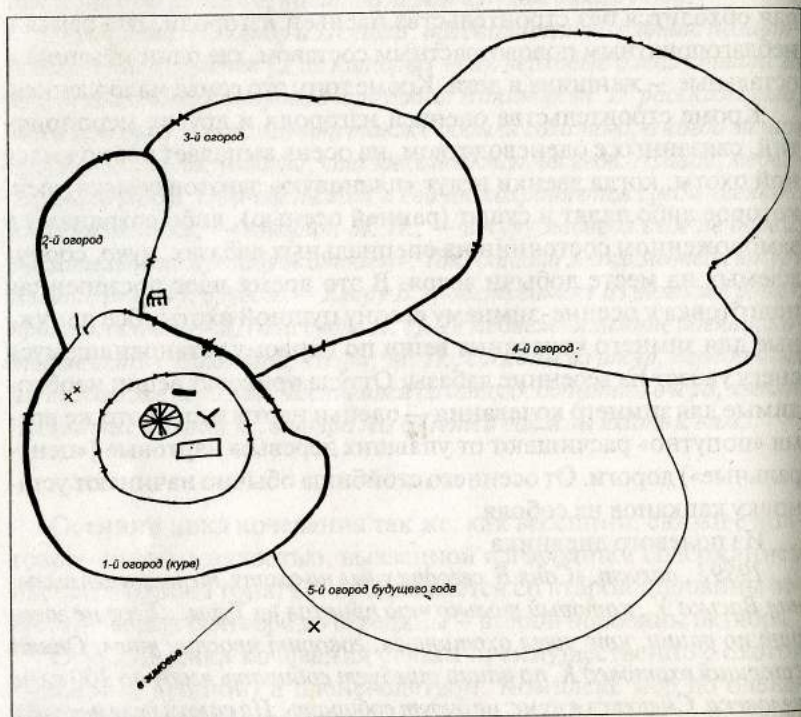

Рис. 29. Схема осеннего стойбища и система изгородей для оленей. Рисунки хозяина стойбища эвенка Лазаря Петровича Сычегир. 1991.

Fig. 28. The scheme of the autumn camp and the system of the fences for the reindeer. Drawing by the master of the camp the Evenk — Lazar' Petrovich Sychegir. 1991.

Места стойбищ приурочены к постоянным местам гона оленей, который проходит при изгородном содержании. Осенняя изгородь *куре* должна ограничивать территорию с достаточным количеством оленьего корма и источником воды для оленей (болото, река). Важно найти места, богатые оленьим мхом — ягелем

(*лавикта*) и хвощом (*хивокта*). Последний встречается в больших количествах в вершинах распадков, в ельниках. По наблюдениям эвенков, он необходим оленям в период гона.

В среднем протяженность оленьей изгороди *куре* бывает от 2 до 5–7 км; ежегодно она достраивается или ремонтируется. После эксплуатации изгородного пастбища после одного–двух, редко более, лет, входы *уркэ* в изгородь закрывают, чтобы олени не смогли попасть туда и таким образом мог бы восстановиться ягель. По наблюдениям эвенков, использовать такое пастбище возможно не раньше, чем через 4–5 лет, и то, «если поднимется ягель». В оленьей изгороди также оставляются специальные проходы-ловушки *хоннго*, в которые олень может войти, но выйти уже не может.

Местоположение осенних стойбищ меняется с периодичностью, зависящей от целого комплекса условий, в настоящее время, как правило, один раз в 4–6 лет. Известен факт, что одно и то же осеннее стойбище использовалось его хозяевами в течение четырех лет подряд при ежегодном расширении оленьей изгороди. (рис. 29) При выборе мест осенних стойбищ учитывается также достаточное количество соснового и лиственничного сухостоя и источника воды.

Зимний цикл кочевания начинается 15–25 октября и заканчивается во второй половине февраля. Он связан в первую очередь с пушной охотой на соболя и белку (прежде — в основном на белку). Зимний цикл делится на два сезона: до Нового года и после него. В эвенкийском календаре отложились два христианских праздника, с которыми совпадали начало (Покров — 14 октября) и конец (Никола — 19 декабря, который иногда даже называли «традиционным зимним праздником тунгусов» (538/1/183:139) первого периода пушной охоты. Наиболее интенсивная охота и связанные с ней наиболее дальние передвижения происходят в начальный период зимы, по мелкоснежью, когда можно охотиться с собакой, в хребтах, за вершинами мелких речек. Все хозяйства начинают промысел обычно с вершины речек. Один из моих информантов выразился так: «Живем, как звери, в верховьях». Заканчивают промысел охотой на лося (сохатого) и весновка проходит у более крупных речек при устье каких-либо притоков.

У оленных эвенков начало зимнего кочевания, или пушной охоты, зависит еще от сроков окончания гона у оленей, которые

приходятся на середину — вторую половину октября. Интересно, что эвенки специально занимаются селекционной работой с тем, чтобы оставить в качестве производителей тех быков, у которых раньше заканчивается гон, в сочетании с другими необходимыми качествами (окрас, экстерьер, поведение). Передвижения эвенков в это время диктуются не только потребностями пушного промысла, но и в большой степени необходимостью ведения оленеводства. Зимой лучшие места для оленей те, где мало снега и много ягеля.

Первые охотничьи экспедиции начинаются от территории осеннего стойбища. По окончании гона у оленей и установлении постоянного снежного покрова оленей выпускают из изгороди и начинают зимние передвижения. Олени во время зимнего цикла кочевания находятся на свободном выпасе. Поскольку их в это время постоянно подкармливают солью, которую насыпают в специально сделанные солонцы — «корыта», олени обычно не уходят далеко от зимнего стойбища. По мере необходимости эвенки ищут их по следам.

Первый сезон охоты обычно наиболее продуктивен, т. к. снег еще небольшой и можно охотиться с собакой, и морозы не очень сильные. В настоящее время эвенки сочетают охоту с собакой и с ружьем с охотой капканами (т. н. «пассивной» охотой). Капканы устанавливают обычно вдоль нартовых дорог, а также вдоль специально сделанных дорог, представляющих собой ответвления от нартовых и проходящих обычно вдоль какого-либо замерзшего ручья или другого водоема. Эти охотничьи дороги называются «путиками». Их протяженность бывает от 3 до 5, иногда до 10 км.

Зимнее кочевание происходит в границах постоянных территорий — охотничьих участков. Поэтому маршруты зимних передвижений постоянны и связаны с эвенкийскими нартовыми («центральными») дорогами *чанкэ*, проходящими вблизи осенних, весенних и зимних стойбищ. За этими дорогами, специфичными для каждой семьи или территориально-соседской общины, происходит присмотр. Вдоль нартовых дорог эвенками устроены зимовья (зимние стойбища) со срубными избами, которые почти повсеместно заменили на промысле чумы. У одной эвенкийской семьи может быть разное количество зимовьев, обычно от 2 до 5. Традицию сооружения срубных изб на пути охотничьих дорог эвенки заимствовали у русских охотников. Строительство таких изб является относительно новым элементом орга-

низации среды у эвенков. При наличии зимовий не нужно предварительно готовить место для чумы и устанавливать его, поэтому при зимних перекочевках вся семья или кочевая группа передвигается вместе. На одном зимовье эвенки живут обычно не более 3—10 дней, пока не освоят весь участок тайги вокруг зимовья и не проверят капканы. После этого двигаются до следующего зимовья, обычно расположенного в 10—15 км от предыдущего. Если между двумя зимовьями большое расстояние, то живут в чуме. Передвижения происходят на нартах. На каждого члена семьи имеется одна ездовая нарта и несколько грузовых. Семья Л. П. Сычегир охотится на 15—16 нартах. За сезон охоты эвенки несколько раз подряд (до 10 и более, в зависимости от размера охотничьего участка), проходят по одним и тем же местам, по одному и тому же маршруту.

Когда охота ведется от зимовья, женщины обычно остаются в нем, готовят пищу, занимаются домашними делами, снимают и выделывают шкуры, а мужчины охотятся, причем молодые уходят дальше от стойбища и осваивают большую по площади и наиболее удаленную от стойбища территорию. Пожилые охотники и женщины обычно охотятся недалеко от стойбища.

К середине — концу декабря оленные эвенки выходят в поселок для сдачи пушнины и пополнения запасов продовольствия, причем часть семьи обязательно остается на зимнем стойбище, обычно т. н. «базовом», которое сооружается на границе охотничьего участка, ближе к зимним дорогам или геологическим профилям, в местах, в идеале удовлетворяющих необходимости осуществления связи, ведения пушной охоты и оленеводства.

С Нового года начинается второй сезон пушной охоты, продолжающийся со второй половины января до конца февраля. Он обычно менее интенсивен, т. к. сильные холода и глубокий снежный покров не дают возможности часто передвигаться. В конце охотничьего сезона все капканы «спускают», т. е. приводят в нерабочее состояние, и оставляют до следующего сезона. В марте эвенки обычно живут оседло в зимовьях, занимаясь охотой на крупнокопытных животных, починкой оленьей упряжи, охотничьих принадлежностей, шитьем одежды, выделкой шкур, а также различными видами строительных работ.

5. ДНЕВНИК ОХОТНИКА

Многие русские старожилы и эвенки ведут дневники на охоте. Здесь представлен дневник (отрывочный) за сезоны 1983, 1984, 1985 и 1986 гг. Г. Г. Ф., представителя русских старожилов Катанги. По материнской линии его прабабушка была эвенкийка, жена — эвенкийка, дети — эвенкийки, замужем за эвенками. Г. Г. Ф. охотился в паре с эвенком Сидором Х. Он охотился капканами, с использованием оленей в качестве средства передвижения. Г. Г. Ф. имеет не более 5 оленей, которые летом выпасаются его родственниками — эвенками. Отмечу, что эвенки ставят несколько меньше капканов, чем русские, предпочитая охотиться с собакой. Охота на ондатру также не имеет столь большого значения, как у русских охотников. Тем не менее, этот дневник представляет ценность и как интересный образчик эпистолярного жанра охотника, и как ценный источник информации «из первых рук», дающий яркое представление о специфике охоты на пушного зверя в этом регионе Сибири.

1983 г. ¹ Приехал в Хандюк 2 сентября 1983 г. 8 ч вечера с Тетеи. Ночевали с Лазарем, Саней Забродиным всю ночь шел дождь.

3 сент., субб. По хозяйству работал, рыбачил, ставил сети.

4. 09, воскр. Рыбалка... приехали ребята с экспедиции на двух моторках 4 человек. Добыл 8 шт. (ук) уток.

5. 09, пон. Проехал Альберт в Ербогачен. Поставил капканы (Турундиките озере). 35 шт. кап. (канов) 2 морды поставил, две сети на карасей. С вечера зарядил дождь на всю ночь, вода прибывает.

Живу один, учеников еще до сих пор не увезли в Ербогачен, в школу (безобразие в конце концов — полный беспорядок).

6. 09, вт. Попало 15 шт. ондатр, (в) морде 2 шт.

Всего 20 шт. +4 = 24 (Турундиките).

Стоит 51 кап. в курье² 4 шт., всего 55 кап.

7 сент., ср. Турундикита снялся, попало 16 шт. ондатр в курье 4 шт. всего 20. Поставил на озерке Нижней Чучульме 15 шт. кап. в курье 5 шт. бочонок засолил 50 кг.

Работы до ушей с утра до ночи.

8. 09., четв. Поставил капканы на озерке от Чучумы 29 и по реке 15 шт. в курье 10 шт. 54 шт. Попало 9 ондатр. Приплывал

¹ Сезон охоты на ондатру

² Заводь

Силантий в гости приплыла Петровна из Тетеи. Ветерок³ из строю вышел кольца/полетел поршень.

9. 09, пятн. Поставил в 4 местахверху и на озерке 70 кап. 2 сети поставил на карасей 50. Попало на 8—9 15 ондатров. Погода стоит ясная. Вверху по Тетее и на озере уловил 64 ондатр + 13 = 77 шт.

10. 09, субб. Поставил на Нижней Чучуме 60 кап. и 2 сети на карасей.

11. 09, воскр. Поставил 50 штук, попало 17 ондатр.

12. 09., пон. Поставил 50 шт.

13. 09., вт. День рождения. Ездил в Тетею.

14. 09 осмотр капканов в Чучуме. Попало на реке и на озере 20 шт. Поставил по 15 сетей на реке и на озере.

На 16. 09 попало на озере 5 ондатр и на реке 14 шт. всего 19 шт. 16 приехал Куприян. С озера вытащился⁴, поставил на реке 20 кап.

На 17. 09 попало 15 шт. всего на низу на реке и на озере отловил 71 онд. На 17 сент. всего 150 онд.

18, воскр. Попало 5 шт. Ставил капканы на озере Хандюке и на реке 68 шт. кап.

19. 09 пон. Попало на озере 15 шт. в курье 3 шт. всего на 19. 09 — 18 шт. Проехали забродинские ребята в Тетею. Поставил капканы в Хандюке — 68 кап. всего на 19. 09 — 170 шт. Алик проехал в Ербогачен.

20. 09 попало 24 шт. ондатр поставил вновь 70 кап., приехал Кеша с Шурой ночевали, на 21 уехали домой (сохатили).

Попало 18 шт. онд. Всего на 21. 09—212 шт.

21. 09 повторно поставил капканы на оз. Хандюке 50 шт.

1984/1985 гг. ⁵

Выехали из Тетеи 20 октября 1984 г. приехали на место Дулисыма

27. 10, субб.

28, воскр. Дневали⁶, снегу вывалило по колено, мокрый снег валит. Поставил 7 кап.

29, пон. Дневка. Поставил 16 кап. добыл 1 соболя, 1 белку. На 29. X — 23 кап. Погода стоит теплая, снег тает.

30, вт. Дневали, выпили в честь любимой моей избушки Дулисымы.

³ Название лодочного мотора

⁴ Ушел

⁵ Сезон пушной охоты

⁶ Дневать — работать по хозяйству

31, среда. Опохмелился, днюем.

С наступающим 1 ноября 1984 г.

Сидор уехал Хактаихту за вещами. Ходил на охоту, добыл одного соболя, одну белку.

2. 11, пятн. Ездил на Дулисьму, поставил 5 шт. кап., всего 28 шт. добыл 1 соболя, 1 белку.

3, субб. Ходил на охоту на гарь за речку Дулисьму, соболей на гари нет. Обратным путем шел, у Михайлова зимовья след перехватил, добыл на глухаринном току.

Сидор приехал добыл 2 соболя, 2 белки, 1 глухаря. Поставил 3 кап., всего 32 кап.

4. 11, воскр. Ходил на охоту, поставил два капкана — всего 34 шт. Добыл соболя.

5. 11, пон. Ездил дорогу пролаживал до калтуса⁷ к Малой Ереме за 9 км. Поставил 7 кап., всего 37 шт. Установились морозы.

С наступающим 1 февралем 1985 г.

2 выехал в Ербогачен за Петровной⁸. Пурульме загулял, жил неделю чуть свою жизнь Пурульме не оставил. Сидор приехал Пурульму — потерял. До Тетеи добрались 14 февраля и заболел, дорогой сильно остыл⁹ слег в постель радикулит хватанул крепко.

15–22 — все дома.

23 — День советской армии

24 — День выборов. Пьянство.

25, 26. 11 выехали до Копы заночевал.

27. 02 — приехали на Дулисьму в 4 ч дня.

28. 02 Дневали, запускал¹⁰ капканы попал один соболь на р. Дулисьме.

1 марта 1985 г. пятница. Переезд Дулисьма — Малая Ерема. Запустил 40 капканов, не попал ни один соболь. Соболей есть, но в ловушки не идет.

2. 03, субб. Дневали, запускал капканы, вверху Еремы. Лиса все изрыла ловушки, некоторые запустила. 40 капканов стояло, ни один соболь не попал, но залетела в один капкан, сработал отлично большая лиса Петровне на шапку. На Уксы ездил, запустил 15 кап. Все впустую, в хребте соболей нет.

⁷ Калтус — кочковатое болото

⁸ Супруга

⁹ Простудился

¹⁰ Вывести капкан из рабочего состояния до следующего сезона охоты

3. 03, воскр. Переезд Ерема-Дулисьма. Дорогой сняли чум, лабазили¹¹ дорогой печку с трубами, лопату, ведро для собак. Дует сильно ветер. Лабазили в Дулисьме муку. Рожки ящик. Сахар 10 кг, соли 22 кг, растительное масло 4 кг, 2 куля пшеничной, куль первый сорт, капканы, петли, 30 л керосину, 2 банки молоко сухое, 2 плитки чаю, 20 пачек байховые.

Из посуды чайник, бидончик, остальная посуда ничего не надо. Все есть. 5 печек с трубам, шкура сохатина большая, тз-патроны 300 шт. брюки суконные — простые брюки, шапка, рукавицы, ножницы, лампа, три стекла, пила продольная.

1985/86 годы¹²

Выехали с Тетеи 20 октября 1985 г. доехали до Забродинных, заночевали 5 км.

21. 10 пон. Доехали до Хактаихте.

22. 10 вт. Доехали до буровой. Поставил один капкан.

23. 10 среда Доехали до места Дулисьма. По дороге поставил 5 капканов.

24. 10 четв. Теплая погода валил снег, поставил 17 шт. капканов. Всего — 22 кап. — добыл одну белку.

25. 10, пят. Погода теплая со снегом. Все тает. Поставил 16 кап. по дороге Дулисьма — к Малой Ереме = всего 38 штук. Соболей нет, ягода не родилась, кругом пустота.

26. 10, суб. Погода теплая, валит снег. Ездил до профиля, поставил 7 кап. = 45 кап. Убил две белки.

27. 10 воскр. Погода теплая, мокрый снег валит сутки. Поставил 6 кап., всего 51 кап. Убил одну белку-тетерю.

28. 10, пон. Погода хорошая, ходил новый путик разбил¹³. Поставил 5 кап., всего 56 шт. + 1 = 57 — попал один соболь, три белки добыл.

29. 10, вт. Ездил на профиль, поставил три капкана, всего — 60 кап. Добыл одного соболя, Сидор уехал к Захару.

30. 10, ср. Дамка попала в капкан, ездил за ней за 5 км.¹⁴ Убил одну белку, 3 рябчика, погода хорошая. Сделал лабазок¹⁵ возле зимовья.

¹¹ Оставить ненужные вещи и продукты впрок на лабазе

¹² Сезон пушной охоты

¹³ Сделал, расчистил

¹⁴ «Собака Дамка щенок была, соболя нашла, лает. Попала в капкан, из-за нее дневали. Палатку, чум ставим, иной раз в зимовье»

¹⁵ помост или амбар на сваях, для хранения вещей и продуктов

31. 10, четв. Переезд Дулисыма-Малая Ерема. Поставили чум не доезжая до Еремы 4 км, погода теплая, валил снег мокрый, дорогой поставил 6 кап. — всего 66 шт.

С наступающим 1 ноября 1985 г., пятница. Ходил на Малую Ерему. Поставил 14 шт. кап., всего — 80 кап. Добыл 8 белок, 1 рябчика. Погода теплая, снег тает.

2. 11, субб. Ездил в зимовья¹⁶ Малую Ерему. Бичей¹⁷ застали в зимовье двоих, ушли обратно на базу. Поставил 3 кап., всего 83. Глаз ушиб учаг¹⁸.

3. 11, воскр. День ясный, погода стоит хорошая, только соболить¹⁹. Поехал ставить капканы — доехал до Малой Еремы — у озера хватился — приваду²⁰ забыл, вернулся обратно. По Ереме пошел белочить, добыл 8 шт. белок, расставил 1 кап., всего 84.

4. 11, пон. Ездил до Уксох ставить капканы. 14 кап. — всего — 98. Убил одного соболя, одну белку. Соболю попал в ловушку, собачки съели, целый день валит снег мокрый.

5. 11, воскр. Переезд Ерема-Дулисыма. Соболей нет. Снегу навалило много. Попал один горнок, 1 белку убил. Поставил 2 кап. — 100 кап.

6. 11, среда День не важный, снег валил день, ветер дул целый день, снегу навалило много — 30 см. Осмотр — капканы. Ни один не попал. Нет соболей.

С наступающим 7 ноября 1985 г.

Ездили на буровую в баню, помылись капитально, на буровой трое ребят было. Остальные все улетели Усть-Кут город.

8. 11, пятн. Приехали обратно Дулисыму. Дорогой добыл одного соболя, в дупле, поставил два капкана, всего — 102 кап.

9. 11, субб. День хороший, ходил соболить, добыл одного соболя — три часа гонял — догнал р. Дулисыма 1 соболю попал в капкане, 3 белки добыл. Поставил 2 кап. Всего — 104.

10. 11, воскр. День мокрый снег валил, 0 температура. Соболя не обнаружил след, добыл 8 белок, рябчика, поставил 1 кап., всего 105.

11. 11, пон. День ясный, но мокрый 4°C морозу²¹, ходил — пу-

¹⁶ «Было три зимовья, одно сгорело, сейчас осталось два. До ноября в палатке тепло, в декабре-январе — в зимовье. До первого зимовья — 60 км»

¹⁷ «Бичи до 20 ноября охотятся потом идут по профилям. Все лето бьют соболей. Все лето жили в зимовье»

¹⁸ верховой олень

¹⁹ Охотиться на соболя.

²⁰ Приманка в капканы на соболя, ондатру

²¹ температуру определяет по радио, сообщения Гидрометцентра

тики²² проверял. Соболю не попал — к ловушке подходил — дальше прошел. Добыл 8 белок, одного рябчика. Поставил 3 кап., всего — 108.

12. 11, вт. Переезд Дулисыма — Ерема. Погода теплая, 10 град. морозу. Дорогой не попал ни один соболю, в ловушку не идет. Сытый.

13. 11, среда Днюем, погода хорошая, ясная, ходил вверх по Ереме осмотр капканов. Соболю есть, но ни один не попал. Попал один горнок²³, добыл 4 белки. Поставил 4 кап., всего — 112.

14. 11, четв. Днюем. Ездил до Уксокона осмотр капканов. Не идет в ловушку соболю. Дорогой поставил 6 кап., всего — 118.

27. 11, четв. Осмотр капканов до Уксока и вверх по Ереме в боковой путик на озере попал 1 соболю, по Ереме не попал, убил одну белку, погода ясная.

29. 11, пятн. Переезд Ерема-Дулисыма. Утром ездил на упряжке на оленях осмотр капканов за 5–6 км. Попал 1 соболю, убил 4 белки вернулся в 2 ч дня. В 3 выехали в Дулисыму. Приехали в 5, 6 ч вечера, погода ясная, под 45°C морозу. Дорогой петли заяч., по дороге стоит 4 петли.

30. 11, субб. Дневал, поставил 10 петель, 1 кап., всего 131 и установились морозы.

С наступающим декабром месяцем зимним первым.

1. 12, воскр. Переезд Дулисыма-Хактаихта, дорогой поставил 3 кап., 5 петель. —40°C. Приехали в 3 ч дня. Всего — 134 кап.

2. 12, пон. Переезд Хактаихта-Тетя, поставил 1 кап., 4 петли, всего 135.

3. 12, вт. Дневал.

4. 12, ср. возил дрова, привез 6 возов. Оленей нашел в час дня. Мороз —49°C.

5. 12, чет. Дневал, привез три воза дров, отопление —30°C.

6. 12, пятн. Приехали до Кулемошного, заночевали поздно, 6 ч вечера.

7. 12, суб. Доехали Хандюка, дорогой поставил 7 петель, 2 кап. и один подрезали дорогой 4+2=6 Хандюке. Попало 2 соболя, 2 горнока, 6 белок убил.

²² «Рубишь дорогу — затеси с обеих сторон и дорогу прорубашь. Если до вершинки речки — км 5–6, может 10. На путике ставишь капканы по дорожке через 300–500 м, иногда через 1 км. Где волк сохатого задавит, ставишь капканы»

²³ горностаи

8. 12, воскр. Дневал, ходил досматривать оленей, нашел на тундре — привел до корыта, оставил, разжег костер оленям. Дорогой убил две белки, по пути поставил 4 кап. 2 петли всего на Хандюке стоит 10 кап. Занырили²⁴ с Петровной сеть. Попало 2 травянки²⁵ на сковороду.

9. 12, пон. Дневал. Ходил вниз по реке белочить, добыл 12 белок. 8 кап. + 3 кап. на лису всего 16 шт. Погода ясная. Кобель попал в капкан. Ночует.

10. 12, втор. Приехали с Хандюка в Тетею поздно 6 ч вечера. Выехали в 3 час. Дорогой поставил 1 кап. Попало 3 зайца. Всего в Хандюке 17 шт. кап.

11. 12, ср. Дневал по хозяйству.

12. 12, четв. Приехали с Тетеи в Хахтаикту в 6 ч вечера, дорогой поставил два капкана. Соболь утащил зайца. Всего 137 кап.

13. 12, пят. Приехали с Хахтаихты в 4 ч д-ня дорогой попал 1 соболь, 3 зайца. Поставил два капкана, всего — 139. Установились свирепые морозы.

14. 12, субб. Дневал. Осмотр капканов. Соболя нет. Попало 3 зайца. Погода ясная, 42° мороза.

15. 12, воскр. Переезд Дулисыма-Ерема. Дорогой поставил 1 кап. — 140 кап. С Партизаном²⁶ добыл соболя. Капкан не попал соболь, очень мало. Снег валил день. 25° морозу.

16. 12, пон. Дневал. Ездил Уксокон осмотр кап. Попал 1 соболь. Россомага²⁷ попала в капкан и ушла, соболей мало. Сидор приехал.

17. 12, втор. Переезд Ерема — Дулисыма. Ездил вверх по Ереме попал 1 соболь, дорогой — заяц.

18. 12, ср. дневали по хозяйству. Попал один соболь, поставил 1 кап, всего 141 кап.

19. 12, четв. Переезд Дулисыма-Хахтаихта. Дорогой поставил на профиле 1 кап., всего — 42, —38° морозу.

20. 12, пят. Переезд Хахтаихта-Тетея дорогой до Хахтаихты стоит 8 петель, 2 кап. —35° морозу.

21. 12, субб. Днюю, приболел, погода нормальная, —30°С.

22. 12, воскр. Вozил дрова, по-домашнему.

²⁴ подледный лов сетью

²⁵ щука

²⁶ кличка собаки

²⁷ росомаха

23. 12 пон. Работал, с Ербогаченом по рации. Сделал двери, калитки.

24. 12 втор. Приехал в Хандюк в 6 ч вечера. Дорогой попал один соболь, один заяц.

25. 12, ср. дневал, ходил осматривать кап. 1 соболь попал в Нижней Чучуме, лиса очень хитрая. Соболей мало, по Тетее белок нет.

26. 12, четв. Дневал, ходил досматривать оленей по пути поставил 2 кап. всего 19 Хандюке.

27. 12, пят. Дневал по хозяйству, дрова заготавливали. 18 кап. на соболя, 4 на лису, всего 22 кап.

28. 12, субб. Приехали с Хандюка, дорогой поставил 1 кап.

29. 12, воскр. 30. 12, пон. 31 искал оленей, привел к своим дровам, отпустил, —53°С.

С наступающим 1 января 1986 г. (днюю холод —50°С. Среда).

2. 1, четв. Приехал с Тетеи Хахтаихту, поздно в 6 ч вечера. —50°С.

3. 1, пят. Приехал с Хахтаихты Дулисыму в 3 ч дня — дорогой не попал ни один соболь. Стоит мороз —50°С.

4. 1, субб. Дневал, осматривал капканы, не попал ни один соболь, соболя нет. Дует ветер со снегом. Утром было —42°С.

5. 1, воскр. Переезд Дулисыма-Ерема. Приехал в 3 ч дня, погода теплая, соболей нет, один-одинешенек с оленчиком.

6. 1, пон. Осматривал капканы до Уксокона и по р. Ереме. Не попал ни один соболь, соболей очень мало в 3 ч вечера выехал до Дулисымы. В пять часов приехал. —38°С.

7. 1, втор. Переезд Дулисыма-Хохтаихта. Приехал в 3 ч дня. Заночевал. —45°С. Съездил очень плохо, не попал ни один соболь.

8. 1, ср. приехал в Тетею, —40°С.

9. 1, четв. Дома температура упала резко, —23°С. Валил снег. Приболел.

10—11—12. 1 школьников еще не увезли в школу. В Ербогачене нет вертолетов.

13—14—15. 1 дома нет вертолета, погода теплая, —40°С.

16. 1 прилетел вертолет, Петровна улетела.

17—25. 1 искал оленей. На 18 день нашел оленей.

26—28. 1 приехал в Хандюк в 4 ч вечера. —41°С.

29. 1, втор. Дневал, ходил Нижнюю Гуруму, попала лиса, горнок. Две белки добыл, поставил сеть.

30 января 1986 г., среда. Дневал в Хандюке. Рыба попадает понемногу. Ходил досматривать капканы, не попал соболь, нет ни одного соболя. Ободрал лису.

31. 1, четв. Дневал по хозяйству. Работал, подрезал²⁸ 2 кап. на лису на озере Хандюке. Рыба попадает плохо, морозы под – 40°C, – 50°C.

С наступающим первым февралем месяцем.

Суббота. Приехал в Тетею. Петровна с Аней прилетели с Ербогачена.

2, 3, 4, 5, 6, 7 пятн. Выехали, ночевали, доехали.

8. 2 субб. Доехали до Дулисьмы, запустил и поснимал капканы. Не попал ни один соболя. Завалило все капканы и соболей нет.

9. 2, воскр. Дневал, три капкана подрезал²⁹, погода хорошая.

10. 2, пон. Дневали, болел.

11. 2, вт. Переезд Ерему – дорогой 3 соболя.

12. 2, ср. осмотр капканов до К... и вверх по Ереме км 5 и в сторону. 5 соболей попало.

13. 2, четв. Приехали Дулисьму.

14. 2, пятн. Осмотр капканов. Попал 1 соболя в январе месяце.

Охотился без собаки весь сезон³⁰.

²⁸ Привести в нерабочее состояние

²⁹ «На 14 февраля закрыл все капканы. Капканы остаются все время стоять. Чтобы ржавчина не ела, промываю змеиным раствором или растительным маслом»

³⁰ «Потому что застрелили»

ГЛАВА III СТАТИЧЕСКИЙ СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ СРЕДЫ КОЧЕВАЯ АРХИТЕКТУРА

«Тонгусы домов и строений никаких,
т. к. они кочевые, не имеют»

(И. И. Майнов, «Некоторые данные
о тунгусах Якутского края»)

Комплекс жилых, хозяйственных, культовых, надгробных сооружений, расположенных как в пределах непосредственно территории кочевого поселения, так и вне его, представляющий собой искусственную, материально-организованную среду, свидетельствует об освоенности, «одомашненности» территории обитания. Этот комплекс стал значительно более разнообразным для описываемого времени: в лесу на территории эвенков появились срубные дома типа зимовий, бани, гаражи для мотонарт, расширилась сеть изгородей для содержания оленей, усовершенствовались приспособления для сушки мяса. Все эти постройки свидетельствуют об изменениях в кочевом природопользовании, связанным с большей «оседлостью» эвенков в пределах сократившихся выделенных территорий.

I. СТРУКТУРА ЭВЕНКИЙСКОГО СТОЙБИЩА

При анализе эвенкийских стойбищ я пришла к выводу, что определенному типу стойбища соответствуют вполне определенные жилые и хозяйственные сооружения, как бы выбранные из стандартного набора и расположенные на пространстве определенной площади. Этот выбор диктуется сроками нахождения на стойбище и его конкретным типом, связанным с функциональ-

ным назначением и природно-климатическими особенностями, а также во многом зависит от конкретного состава и численности кочевой группы. Площадь летнего стойбища занимает в среднем территорию около 50х50 м. Набор и расположение построек летнего стойбища стандартизированы. Определенная направленность в организации внутристойбищного пространства вполне может быть прослежена, хотя в каждом конкретном случае она имеет свои особенности, вызванные спецификой площади стойбища, составом кочевого коллектива, а также индивидуальным творчеством. В результате осознанного планирования размещения всех построек летнего стойбища его площадь представляет собой на местности форму расширенного конуса, в вершине которого находится чум (рис. 30, 31).

За задней стенкой чума не располагаются никакие постройки. Среди сооружений летнего стойбища следует назвать чум *дю* (иногда палатка), лабаз *дэлкэн* (один или два, редко более), настил *уммэвун* для хранения вьючных седел, сум, упряжи, горизонтальные жерди *локоун*, вешала *хэвэк-сэвэк*, костер *гулувун*, дымокуры для оленей *хаммин-саммин*, яма-погреб *ин* для хранения скоропортящихся продуктов (рис. 32–37).

Рис. 30. Вид на летнее стойбище.
Fig. 30. The summer camp.

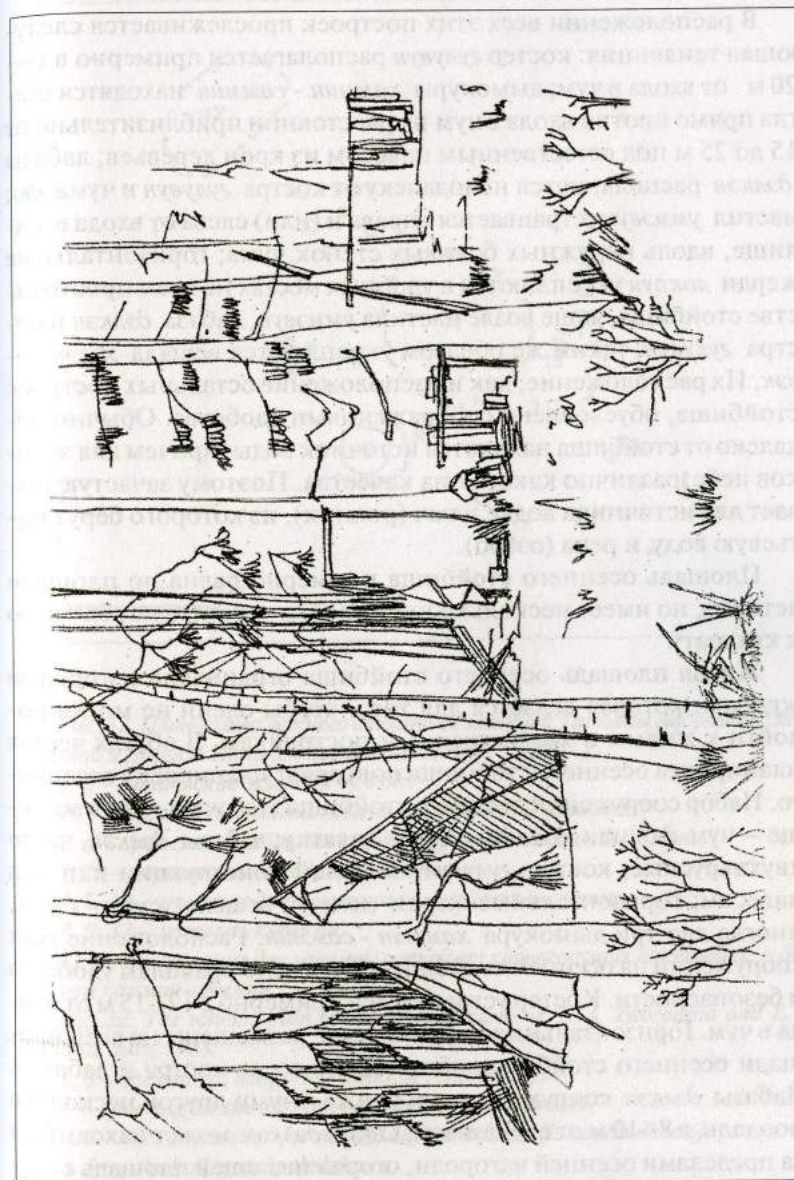

Рис. 31. Летнее стойбище. Рисунок Е. и Г. Трубиновых.
Fig. 31. The summer temporary camp. Drawing by E. & G. Trubinov.

В расположении всех этих построек прослеживается следующая тенденция: костер *гулувун* располагается примерно в 10–20 м от входа в чум; дымокуры *хаммин* - *саммин* находятся всегда прямо против входа в чум на расстоянии приблизительно от 15 до 25 м под естественным навесом из крон деревьев; лабазы *дэлкэн* располагаются неподалеку от костра *гулувун* и чума *дю*; настил *уммэвун* устраивается справа и (или) слева от входа в жилище, вдоль наружных боковых стенок чума; горизонтальные жерди *локоун* укрепляются в удобных местах на всем пространстве стойбища, чаще возле настила *уммэвун*, лабаза *дэлкэн* и костра *гулувун*; таким же образом укрепляются вешала *хэвэк* - *сэвэк*. Их расположение, как и расположение остальных построек стойбища, обусловлено соображениями удобства. Обычно недалеко от стойбища находится источник воды, причем для эвенков безразлично какого она качества. Поэтому зачастую бывает два источника воды: ключ (родник), из которого берут питьевую воду, и река (озеро).

Площадь осеннего стойбища примерно равна по площади летнему, но имеет несколько иную форму — округлую, близкую к квадрату.

Жилая площадь осеннего стойбища ограничена изгородью *курекан*, которая делается для того, чтобы олени не могли подойти к жилым и хозяйственным постройкам. В общих чертах планировка осеннего стойбища повторяет планировку весеннего. Набор сооружений осеннего стойбища включает в себя жилище — чум *дю*, или *голомо*, иногда палатку; лабазы *дэлкэн*, часто двухъярусные; костер *гулувун* обычной конструкции или под навесом; горизонтальные жерди *локоун*; вешала *хэвэк* - *сэвэк*, иногда два-три дымокура *хаммин* - *саммин*. Расположение всех сооружений на осеннем стойбище подчинено правилам удобства и безопасности. Костер устраивается примерно в 12–15 м от входа в чум. Горизонтальные жерди *локоун* размещены на всей площади осеннего стойбища, обязательно возле костра и лабазов. Лабазы *дэлкэн* сооружают один ближе к чуму, другой несколько поодаль, в 8–10 м от входа в чум. Один *дэлкэн* может находиться за пределами осенней изгороди, огораживающей площадь стойбища. Изнутри изгороди по всему ее периметру привязаны собаки (рис. 39–40).

Постройки зимнего стационарного стойбища включают в себя четырехугольный срубный дом (зимнюю избушку или чум

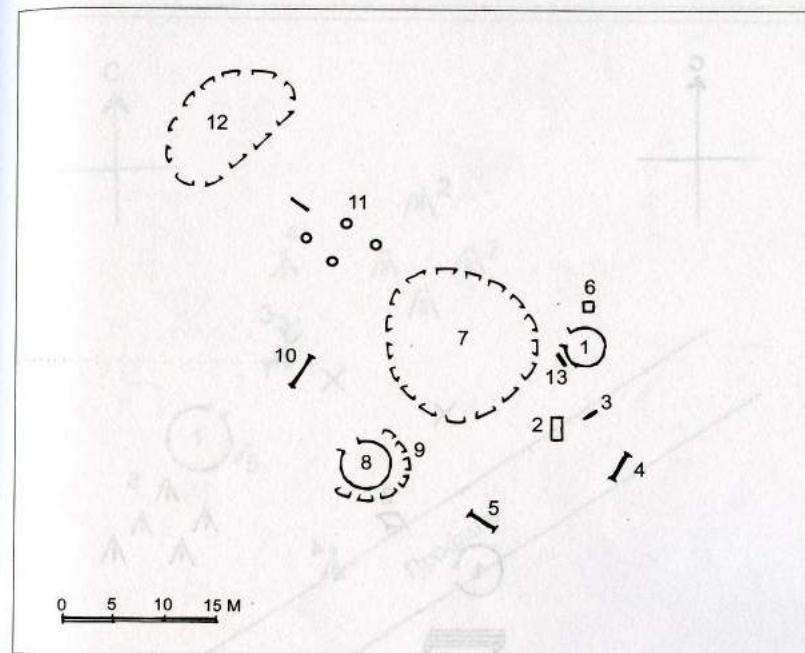

Рис. 32. План-схема летнего стойбища эвенкиек Татьяны Андреевны Забродино и Ларисы Иннокентьевны Каплиной. 1988.

1, 8 — коническое жилище чум *дю*.

13 — настил для хранения выючных сум и седел *уммэвун*.

2, 6 — временный лабаз для хранения различных вещей *дэлкэн*.

3, 3а — горизонтальная жердь *локоун*.

4, 5, 10 — место подкармливания оленей солью *солонец*.

7, 9, 12 — изгородь *курекан*.

11 — конструкция для защиты оленей от кровососущих насекомых — дымокура *хаммин* - *саммин*.

Fig. 32. The scheme plan of the summer camp of T. A. Zabrodina and L. I. Kaplina. July, 1988.

1, 8 — the conical temporary dwelling (chum dyu).

13 — flooring for storing bags and saddles (ummeavun).

2, 6 — the construction for storage different things (labaz dealkean).

3, 3a — the horizontal pole lokoun.

4, 5, 10 — the place for salt feeding reindeer (solonez).

7, 9, 12 — the fence kurekan.

11 — the fire-place protecting reindeer from mosquitoes (dymokur khammin-sammin)

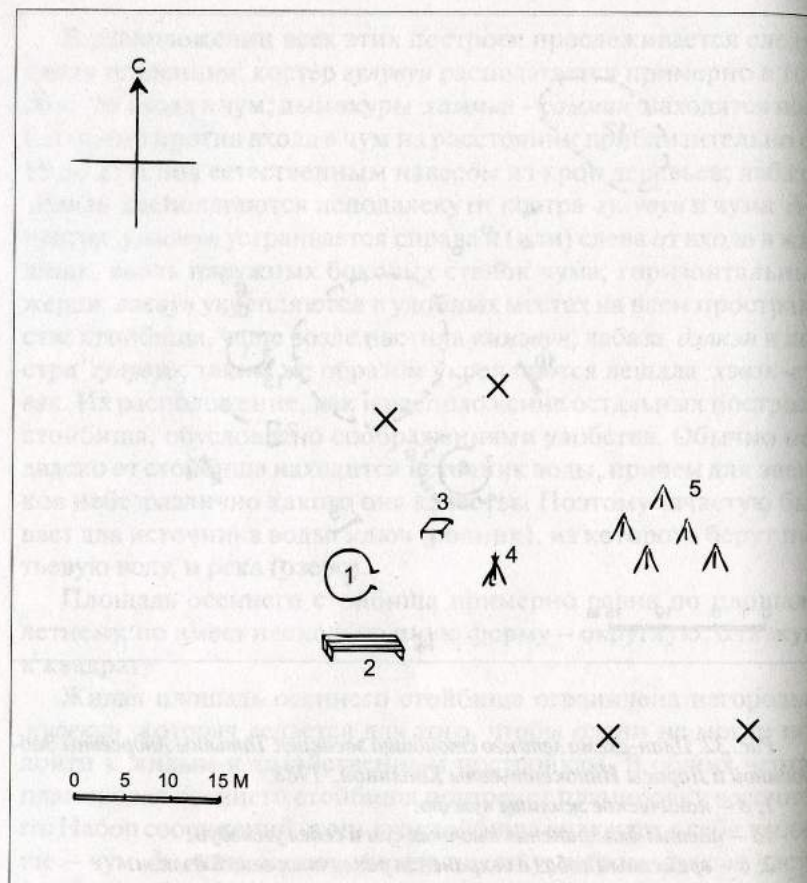

Рис. 33. План-схема летнего стойбища Егора Веретнова. 1989.

1. коническое жилище — чум дю.
2. настил для хранения вьючных сум и седел уммэвун.
3. временный лабаз для хранения различных вещей дэлкэн.
4. костер гулувун.
5. конструкция для защиты оленей от кровососущих насекомых — дымокуры хаммин-саммин.

X. места привязи собак.

Fig. 33. The scheme plan of the summer camp of Egor V. Veretnov. 1989.

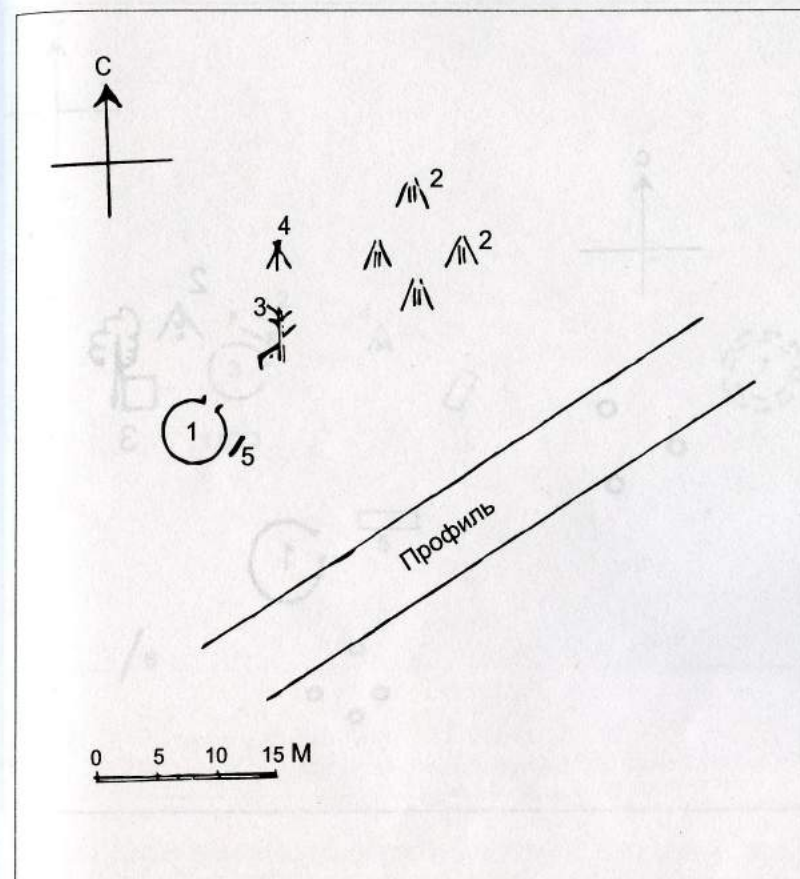

Рис. 34. План-схема кратковременного летнего стойбища Василия Павловича Каплина. Август 1989.

- 1 — коническое жилище — чум дю.
- 2 — дымокуры хаммин-саммин.
- 3 — лабаз дэлкэн.
- 4 — костер гулувун.
- 5 — настил для хранения вьючных сум и седел уммэвун.

Fig. 34. The scheme plan of the short-term summer camp of Vasilii Pavlovich Kaplin. August, 1989.

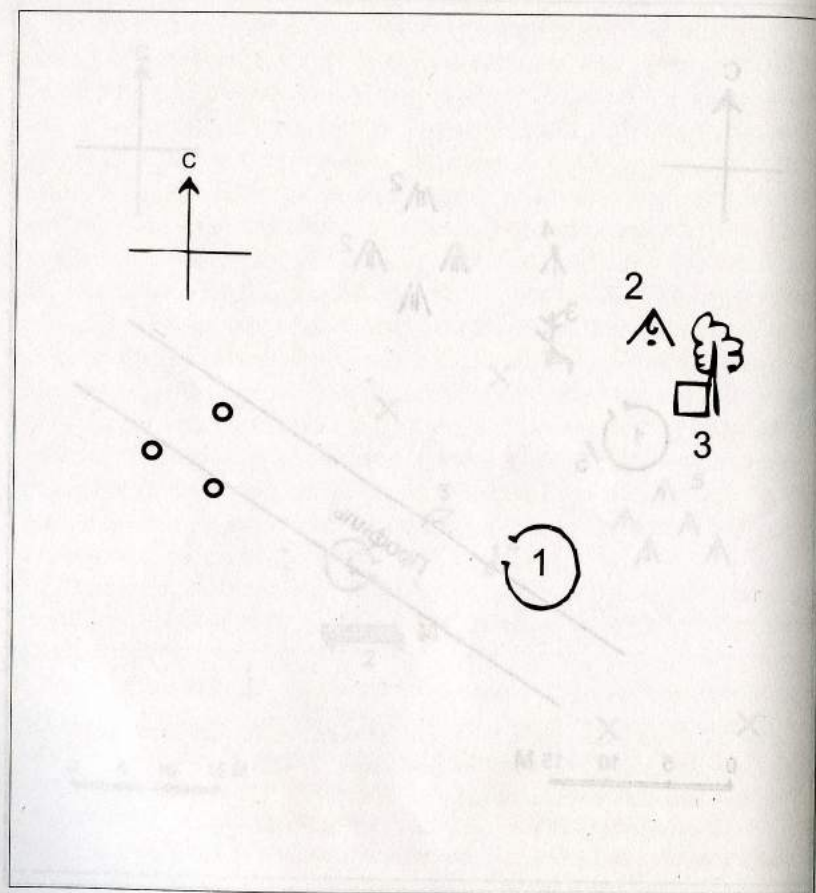

Рис. 35. План-схема летнего стойбища Николая Ивановича Каплина.
1 — чум дю.
2 — костер гулун.
3 — лабаз дэлкэн.
4 — дымокуры хаммин-саммин.
Fig. 35. The scheme plan of the summer camp of Nikolay Ivanovich Kaplin.

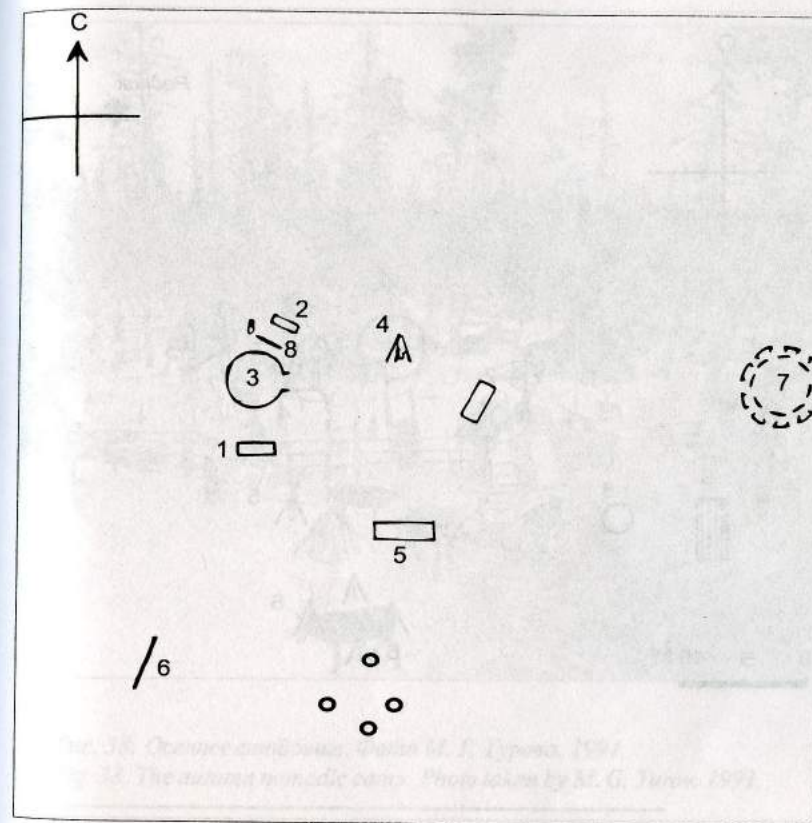

Рис. 36. План-схема летнего стойбища Митрофана Николаевича Сычегир. Июль, 1988.
3 — чум дю.
8 — настил для хранения выючных сум и упряжи уммэвун.
4 — костер гулун.
1, 2, 5 — лабазы дэлкэн.
6 — горизонтальная жердь локоун.
7 — остов чума дюкча.
9 — дымокуры хаммин-саммин.
Fig. 36. The scheme plan of the summer camp of Mitrofan Nikolaevich Sychegir. July, 1988.

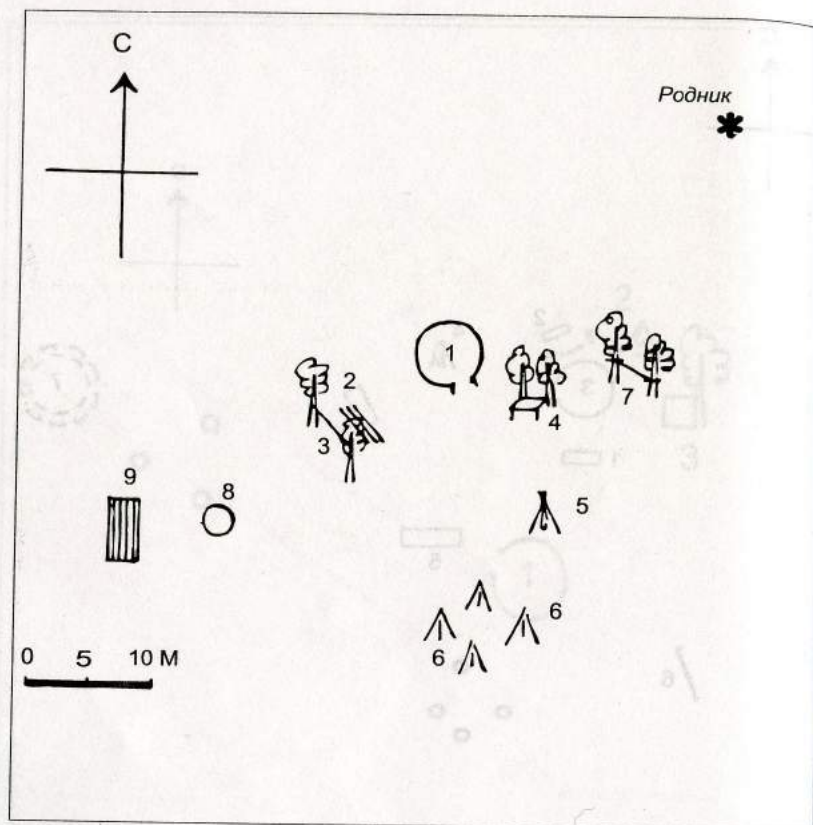

Рис. 37. План-схема летнего стойбища Василия Павловича Каплина. Август, 1989.

- 1 — чум дю.
- 2 — настил для хранения выючных сум и упряжи уммэвун.
- 3, 7 — горизонтальная жердь локоун.
- 4 — лабаз дэлкэн.
- 5 — костер гулувун.
- 8 — остов чума (использовался как баня).
- 9 — сушилка для мяса бутивун-бучивун.
- 6 — дымокуры хаммин-саммин.

Fig. 37. The scheme plan of the summer camp of Vasilii Pavlovich Kaplin. August, 1989.

Рис. 38. Осеннее стойбище. Фото М. Г. Турова. 1991.

Fig. 38. The autumn nomadic camp. Photo taken by M. G. Turov. 1991.

голомо), лабаз дэлкэн, иногда с навесом-крышей из корья, гараж (типа наземного эвенкийского лабаза муко) для снегохода «Буран» и бочек с бензином, солонец для оленей (обычно не менее трех для стада оленей в 50–60 голов), навес долган и (или) чум абдун для собак. Площадь зимнего стойбища по размерам обычно значительно больше площади других типов стойбищ и обнесена оленьей изгородью куре. Максимальные размеры площади зимнего стойбища 90x100 м² (около 10, 000 м²). В центре располагается жилой дом — зимовье. В удобных местах на всем пространстве зимнего стойбища сложены поленницы дров, в том числе возле зимовья и бани (рис. 41). В изгороди, окружающей площадь стойбища, сделаны проходы для оленей уркэ, рядом с которыми внутри изгороди, на территории непосредственно стойбища, расположены солонцы для оленей. Гараж для мотонарт или бочек с бензином находится за пределами изгороди, окружаю-

Рис. 39. План-схема осеннего стойбища Лазаря Петровича Сычегир. Октябрь, 1991.

- 1 — чум дю.
- 2, 3, 8 — лабаз дэлкэн.
- 4 — костер гулувун.
- 5 — сушилка для мяса бутивун-бучивун.
- 6 — горизонтальная жердь локоун.
- 9 — остов чума (использовался как баня).
- 10 — яма-погреб для хранения скоропортящихся продуктов ин.
- 7 — дымокуры хаммин-саммин.

Fig. 39. The scheme plan of the autumn camp of Lazar' Petrovich Sychehir. October, 1991.

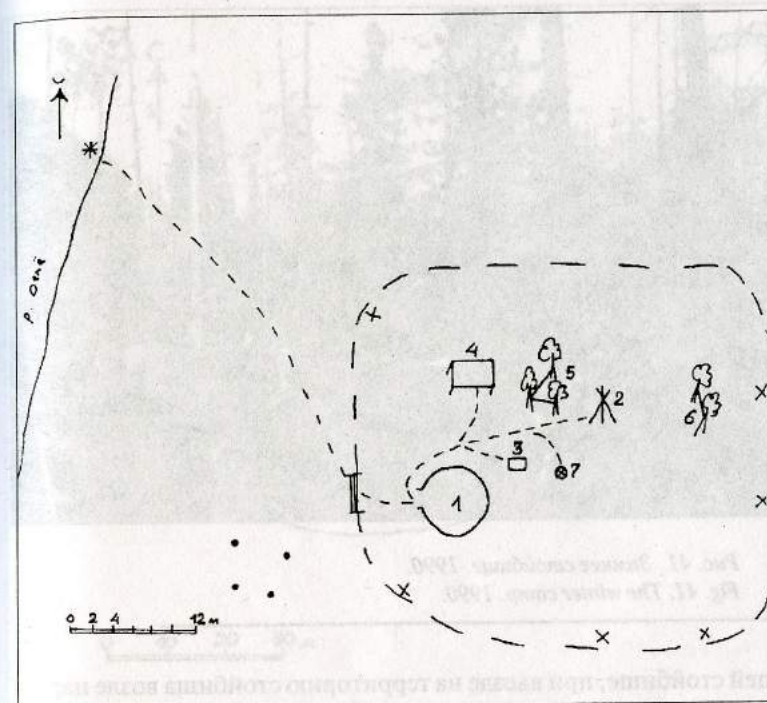

Рис. 40. План-схема осеннего стойбища Е. П. Сычегир.
Fig. 40. The scheme plan of the autumn camp of E. P. Sychehir. 1990.

Рис. 41. Зимнее стойбище. 1990.
Fig. 41. The winter camp. 1990.

шей стойбище, при въезде на территорию стойбища возле нартовой дороги.

Внутренняя структура весеннего стойбища практически идентична осенней. Разграничение, которое я делаю в отношении весеннего стойбища, касается прежде всего его особенностей расположения на местности, специфики хозяйственных занятий в этот период времени. Характерный набор построек включает в себя чум *дю*, лабазы *дэлкэн* (обычно два), костер *гулувун*, жерди *локоун*, вешала *хэвэк — сэвэк*, приспособления для изготовления лыж и нарт, лабаз *ноку*, иногда чум (дымокур) для дымления шкур *утувак*. Иногда делается изгородь, окружающая всю площадь весеннего стойбища. Расположение всех перечисленных сооружений практически ничем не отличается от плана осеннего стойбища (рис. 42—44).

2. ЖИЛИЩЕ

Чум дю — наиболее распространенное в прошлом среди народов Севера традиционное переносное жилище. Он хорошо

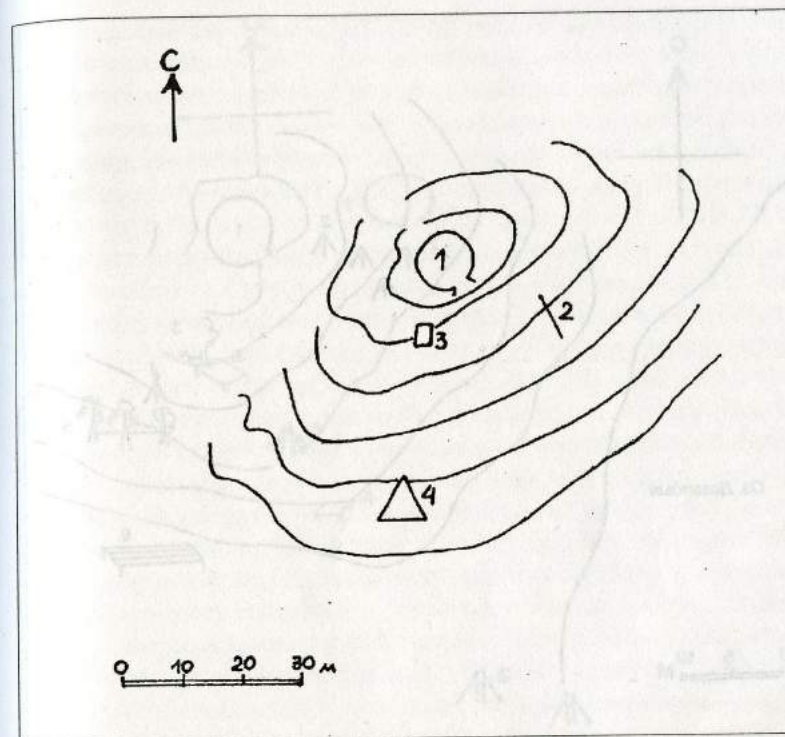

Рис. 42. План-схема весеннего стойбища Митрофана Николаевича Сычегир.

- 1 — остов чума дюкча.
- 2 — горизонтальная жердь локоун.
- 3 — лабаз дэлкэн.
- 4 — место хранения старых нарт.

Fig. 42. The scheme plan of the spring camp of Mitrofan Nikolavich Sychegir.

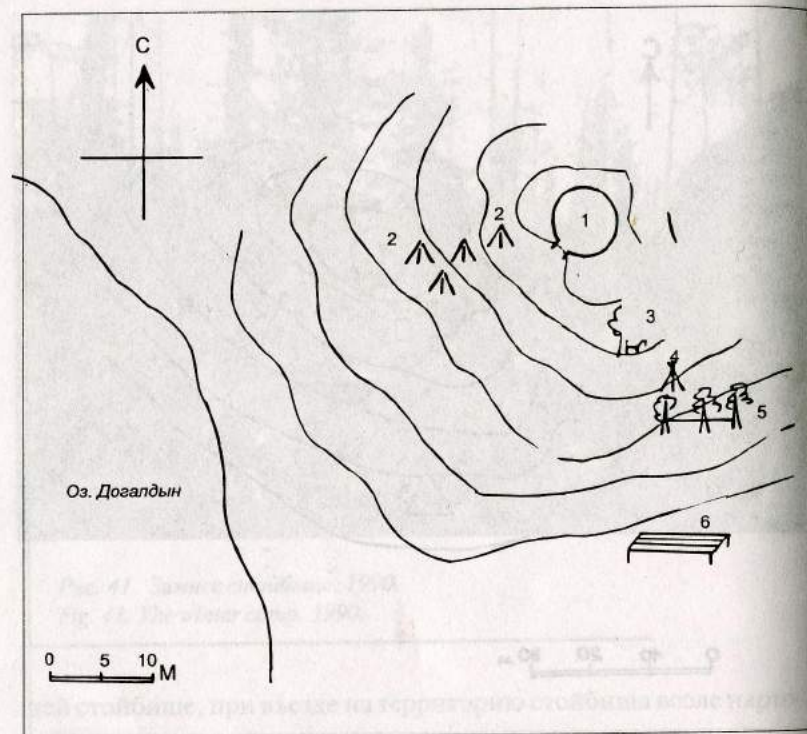

Рис. 43. План-схема весеннего стойбища Василия Павловича Каплина.

1 — чум дю.

3 — лабаз дэлкэн.

4 — чум для дымления шкур утувак.

2 — дымокуры хаммин-саммин.

6 — сушилка для мяса бутувун

5 — жерди локун

Fig. 43. The scheme plan of the spring camp of Vasilii Pavlovich Kaplin.

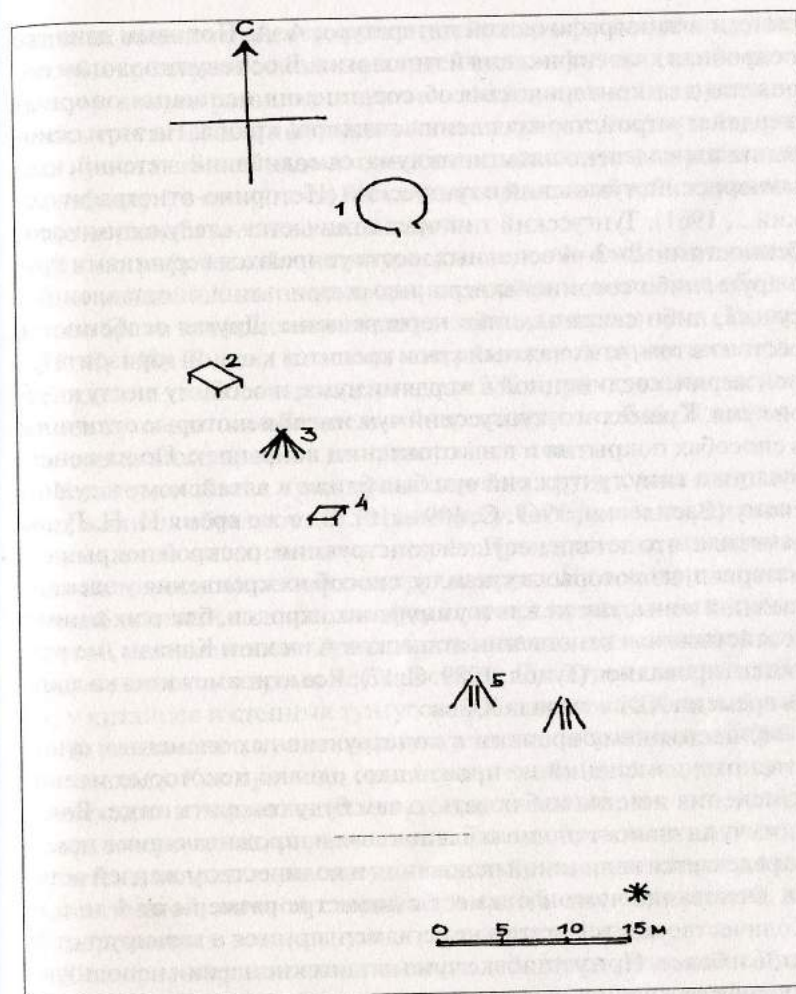

Рис. 44. План-схема весеннего стойбища Василия Павловича Каплина.

1 — чум дю.

2 — лабаз дэлкэн.

3 — костер гулувун.

4 — горизонтальная жердь локоун.

5 — сушилка для мяса бутувун-бучивун.

6 — дымокуры хаммин-саммин.

Fig. 44. The scheme plan of the spring camp of Vasilii Pavlovich Kaplin.

описан в этнографической литературе; А. А. Поповым дана его подробная классификация и типология. В основу типологии положено два критерия: способ соединения основных опорных жердей и устройство крепления очажного крюка. На этом основании им выделено пять типов чума: самодийский, кетский, южнотюркский, тувинский и тунгусский (Историко-этнографический..., 1961). Тунгусский тип чума отличается следующими особенностями: 2—3—4 основных шеста упираются вершинами друг в друга, либо соединены вершинами при помощи оставленных сучьев, либо связаны, либо перекрещены. Другая особенность состоит в том, что очажный крюк крепится к одной горизонтальной жерди, соединенной с жердями чума, и особому шесту внутри чума. Кроме того, тунгусский чум имеет некоторые отличия и в способах покрытия и в изготовлении покрышек. По их конструкции и типу тунгусский чум был ближе к алтайскому и тувинскому (Василевич, 1969. С. 109—110). В то же время Н. Н. Гуцол отметила, что детали несущей конструкции, раскрой покрышек, материал, из которых их делали, способ их крепления у эвенков таежной зоны, так же как и у амурских народов, близких к ним в хозяйственном отношении атапасков Аляски и Канады, не регламентировались (Гуцол, 1989. С. 17). Все эти замечания касаются времени XIX — начала XX вв.

К настоящему времени в конструктивных элементах существенных изменений не произошло, однако некоторые мелкие изменения я могла наблюдать, о чем буду говорить ниже. Величина чума зависит от числа членов семьи, проживающих в нем, и определяется величиной основания и количеством жердей остова. Основание чума *дю* имеет в диаметре размеры от 4 до 6 м. Количество жердей остова не регламентируется и варьирует от 20 до 36 и более. При установке чума катангские эвенки используют способ связывания трех основных жердей остова, которые носят название *сона* и *тургу*. Термин *сона* — *хона* употребляется также для названия дымового отверстия в чуме. Связывание трех основных жердей происходит при помощи тальника (ивовых прутьев), веревки или проволоки.

Г. М. Василевич считала, что традиция связывания трех основных жердей чума у эвенков вызвана якутским влиянием (Василевич, 1969. С. 110). Действительно, этот способ чаще всего встречается в тех районах, где эвенки живут в тесном соседстве с якутами (Николаев, 1964. С. 106; Гурвич, 1977). Кроме того, у ка-

тангских эвенков существовали и до сих пор сохраняются другие способы крепления основных жердей чума: «в сучок» (или «в развилку»), когда в развилку ставились две жерди и к ним приставлялась третья. Мои информанты специально подчеркивали, что если чум ставится ненадолго, «наспех», используется крепление «в развилку», в отличие от более долговременной конструкции, когда жерди обязательно связывают.

В этнографической литературе есть сведения о том, что в конце XIX — начале XX вв. эвенки при постройке нового чума обязательно брали три основные жерди из остова старого чума (Туров, 1975. С. 138). В моих полевых материалах есть единичное подтверждение этого факта: еще в начале XX в. три основные жерди остова чума эвенки обязательно перевозили с собой. В настоящее время этого правила не придерживаются.

Установка остова чума происходит по кругу, слева направо. Вход жилища образуют две жерди *тургу*. Остальные жерди остова чума носят название *херан* — *серан*. При установке они опираются на три основные жерди и друг на друга. На основании полевых наблюдений и опросов информантов я пришла к выводу, что строгой регламентации ориентировки входа эвенкийского жилища в настоящее время не существует. Линдгрэн писала о том, что у китайцев и степных тунгусов ориентировка входа жилища почти всегда на юг, а у оленных тунгусов нет постоянного направления входа. Как правило, ориентация входа (вход — *уркэ*) чума происходит в направлениях восток, юго-восток, юг, юго-запад, запад, северо-запад, северо-восток. Таким образом, вход чума не делается в направлении севера, поскольку северная сторона считается темной, ночной стороной, в северном направлении, по представлениям эвенков, уходят души покойников.

При ориентировке входа жилища действуют следующие правила: во-первых, вход чума всегда делается в сторону дымокуров (в летний период времени), чтобы олени всегда были перед глазами хозяев. В свою очередь, дымокуры устраиваются под естественным навесом из крон растущих деревьев на удобном для размещения всего стада месте. Во-вторых, при устройстве входа жилища учитывается направление господствующих ветров. Существуют данные, что в летний период времени вход чума обращали в сторону той тропы, по которой пришли со старой стоянки на новую (Туров, 1975. С. 138). Несколько раз и мне приходилось наблюдать такое явление, но нет достаточно данных, чтобы

считать эту особенность распространенной повсеместно. Объяснение этому можно дать чисто прагматическое: вход делался так для того, чтобы можно было наблюдать за оленями, отставшими при перекочевке.

Внутри эвенкийского чума устанавливалась специальная вертикальная жердь *симка-чимка*, в зимнее время к ней добавлялась горизонтальная жердь *икэптэн*, к которой крепился очажный крюк. В настоящее время в летнем чуме жердь *симка-чимка* не ставится, но во все другие периоды времени она сохраняется, хотя никакой функциональной нагрузки не несет. Горизонтальная жердь *икэптэн* отсутствует обычно в летний период времени.

Установка переносного жилища прежде была женским занятием, и не только у эвенков, но и у ненцев, долган, угров, якутов, других народов (Василевич, 1969; Попов, 1952. С. 153; Ионова, 1952. С. 272, др.). В настоящее время, как правило, чум устанавливают мужчины, хотя активное участие в установке принимают и женщины.

Все чаще вместо чума или наряду с ним используется палатка (в основном как запасное жилище, жилище для гостей в рассматриваемой группе эвенков). Палатка используется также и как жилище на промысле. Однако, например, эвенки Бурятии, отчасти Якутии чум не сооружают даже на временных стоянках, а пользуются березентовыми палатками (Хозяйство, культура..., 1988).

ПОКРЫТИЯ ЧУМА

Наиболее распространенными покрытиями чума у эвенков были берестяные *тыски-тиски* и ровдужные *нюки элун*, причем последние использовались зимой, а берестяные — как в летнее, так и в зимнее время.

Наиболее распространены были берестяные покрывки *тиски* у эвенков юга Катангского района, что объяснялось как экологическими особенностями территории проживания, так и малооленьностью или безоленьностью хозяйств (рис. 45).

У бедных малооленных эвенков берестяные покрывки использовали и зимой. В качестве дополнительного способа утеплить жилища чум поверх берестяных *тисок* почти до половины его высоты засыпался снегом. Иногда нижние покрывки были ровдужными, а верхние — берестяными.

Одним из первых берестяные *тиски* у эвенков описал И. Г. Георги: «...из колышков состоящую решетку покрывают они наме-

Рис. 45. Эвенкийский чум с покрытием из берестяных полос. 1930. Фото П. Г. Полтараднева(?) Фонды ИОКМ. № 469.

Fig. 45. The Evenks conical dwelling (chum) covered with the birch-bark. 1930. Photo was taken by P. G. Poltaradnev (?). The Funds of the Irkutsk museum regional studies.

тами вываренной и наподобие холста сшитой бересты. Края оных обшивают как для красы, так и для крепости полосками из бересты же, как будто тесьмою. Когда откочевывают на другие места, то решетки покидают, а наметы, свернув в трубку, берут с собою» (Георги, 1977. С. 46). В настоящее время берестяные покрышки уже не употребляются. У разных групп эвенков были свои особенности в способах их изготовления. По одним сведениям, на чум уходило шесть полос бересты при ширине один метр и длине три метра, по другим — до девяти (Василевич, 1969. С. 110; Миддендорф, 1878). Возможно, разноречивость этих данных объясняется разными размерами полос и самого чума.

Бересту для покрытия чума заготавливали в летнее время, «когда сок с деревьев капал», т. е. в мае-июне. Заготовка бересты считалась мужским делом. Непосредственно изготовлением *тисок* занимались женщины. Для кипячения специально выкапывали яму-углубление, в которой разводили огонь. Снятую с березы кору сворачивали в рулоны и ставили в таз или котел с водой, в который добавляли золу. Поставленные стоймя (вертикально) рулоны бересты снаружи обкладывали еловой корой, чтобы они лучше держались во время кипячения. Бересту варили до тех пор, пока она не приобретала розоватый оттенок. Сшивали ее нитками из оленьих или сохатиных жил. К концу полос пришивали ремешки из ровдуги, которыми *тиски* прикреплялись к жердям остова чума. Полосу для входного отверстия заготавливали отдельно, делали более прочно, часто из двух слоев бересты, простеганных нитками. По краям все *тиски* обшивались берестяным кантом. На остова чума берестяные *тиски* накладывались одна на другую в виде спирали. При перекочевках берестяные покрышки сворачивали в рулоны и перевозили на оленях, обычно поверх выючных сум *инмэк*. В зимнее время при установке чума с берестяными покрышками их предварительно грели у огня, чтобы не поломать на морозе. Одним из преимуществ берестяных *тисок* было то, что они не коробились от жара костра, разводившегося посреди чума.

Зимой катангские эвенки, особенно северной части района, обычно использовали для покрытия чума ровдужные *нюки элун*, сделанные из шкур лося. Ровдужные (лосиные) покрышки на чум сохранили свое бытование у катангских эвенков до настоящего времени. Их используют также и в позднеосеннее, и в ранневесеннее время. До наступления холодов они хранятся на лабазах *ноку*

и изымаются оттуда при первой необходимости. Ровдужные покрышки используют в течение 10–15 лет, иногда и более.

Ровдужные покрышки состоят из четырех частей: двух нижних *элун* и двух верхних *унокэн* — *унокон* (рис. 46).

На покрытие одного чума уходит от 10–12 до 16 шкур лося. Например, ровдужное покрытие на чум у Е. П. Сычегир сшито из 12 выделанных лосиных шкур: на нижнюю часть чума ушло 8 шкур, на верхнюю — 4. Для изготовления верхних покрышек *унокон* специально подбирали выделанные шкуры лосей, добытых летом, «чтобы легче поднимать было». На нижнюю часть чума старались подобрать выделанные в ровдугу (замшу) шкуры лосей, добытых осенью и зимой: они более толстые и теплые, хотя и тяжелые.

Процесс изготовления лосиных покрытий трудоемкий и занимает 2–3 года, т. к. за один год накапливается примерно 4–5 шкур. Шьют покрытия женщины. Выделанные в ровдугу (замшу) шкуры лося сшивают по вертикали, между шкурами вставляют небольшие клинья. Специальной выкройки для изготовления ровдужных покрытий не существует, хозяйка делает их «на глазок». Шитье ровдужных покрытий сходно с шитьем брезентовых; описание этого процесса я дам ниже.

В настоящее время летом вместо берестяных покрышек *тиски* используются покрышки из брезента, а ранней осенью и поздней весной — из толстого сукна. Брезентовые покрышки, как и ровдужные, состоят из четырех частей: двух нижних *элун* и двух верхних *унокон*. Названия ровдужных покрышек были перенесены эвенками на брезентовые. Материал на брезентовые покрышки покупают в магазине или на складе промыслового хозяйства. Для изготовления покрышек на один чум требуется около 40 метров брезента. На нижнюю часть чума уходит около 20–25 м ткани, на верхнюю часть — 15–20 м. Раскрой происходит по старым образцам. Отдельно кроится дверь. К половинкам *элун* пришивают по 3–4 ровдужных ремешка *ухикан*. С их помощью половинки крепятся к жердям остова. К верхним углам половинок покрышек *унокон* пришивают ровдужные петли (рис. 47).

Порядок покрытия чума ровдужными и брезентовыми покрышками одинаков. Он подробно описан в литературе (Василевич, 1969; Туров, 1975. С. 138). Покрывать чум начинают снизу, в направлении слева направо. Сначала укладывают нижние покрышки *элун*, затем верхние *унокон*. Их поднимают два челове-

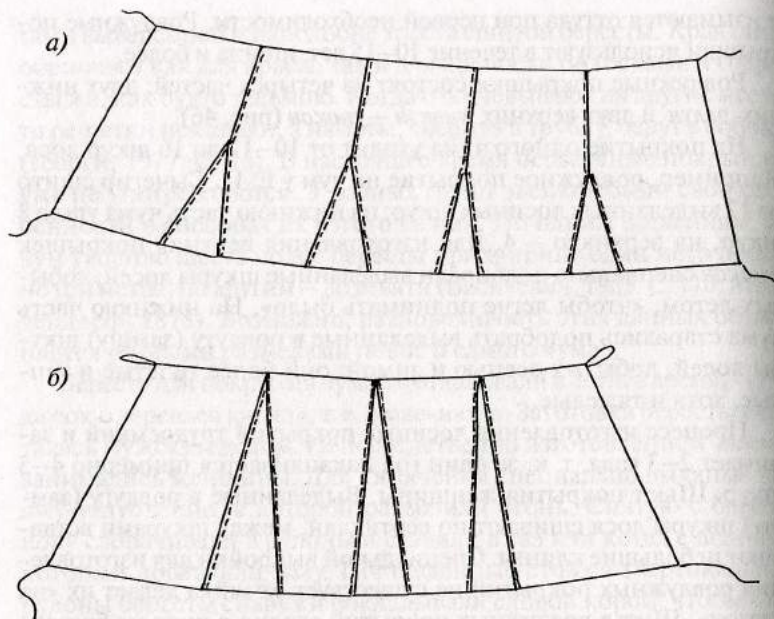

Рис. 46. Покрывтия на чум

а) две верхние полупокрывшки унокон-унэкэн

б) две нижние полупокрывшки элун.

Fig. 46. The temporary conical dwelling covers (covering)

а) the two upper halves unokon-unaekaen.

б) the two lower halves eallun.

ка при помощи жердей с развилками, которые вставляются в специально пришитые к верхним углам унокон ровдужные петли. После установки унокон жерди не вытаскивают из петель и они остаются стоять, придавливая покрывшки сверху как гнет. Сверху нюки еще прижимают несколькими жердями. Снятие покрывшек происходит в обратном порядке.

Покрывшки чума прежде считались собственностью женщины, в связи с чем и само жилище также считалось ее собственностью, и не только у эвенков, но и у других народов Севера.

Рис. 47. «Летнее стойбище». Рисунок и надпись на нем выполнены эвенком Александром Яковлевичем Веретновым.

Fig. 47. «The summer camp». The drawing and notes by Aleksandr Yakovlevich Veretnov. The group of the Erbogachen Evenks.

ПОЛУЧУМ

Один из типов чума — получум калтала (калтала — эвенк. «половина»), традиция сооружения которого сохранялась у катангских эвенков вплоть до самого последнего времени. Это временное жилище, используемое на охоте, рыбной ловле, во время кочевки на одну-две ночи (рис. 48—49). Семья оставалась дома, а мужчина уходил на охоту, рыбалку или за товарами. Раньше получумы ставили часто, теперь довольно редко.

Основу получума калтала составляли, как и в обычном чуме, три основные жерди, в вершине связанные между собой. К ним приставляли остальные жерди остова получума. Покрывали получум двумя нюками: одним верхним и одним нижним, т. е. элун и унокон. Перед входом устраивали костер-гулувун.

Рис. 48. "Полчума, практикуемого при переездах за товарами и т.д. Стойбище Лука на Нижней Тунгуске. 1930. Фото П.Г.Полтараднева(?) Фонды ИОКМ. № 469-183.

Fig. 48. The part of the conical dwelling, used by trade expeditions. 1930. Photo was taken by P.G. Poltaradnev (?). The Funds of the Irkutsk museum regional studies. No 469-183.

ВНУТРЕННЯЯ ПЛАНИРОВКА ЧУМА

На протяжении длительного исторического периода времени внутренняя планировка чума оставалась неизменной, что связано с древней культурной традицией (Гуцол, 1989. С. 18–19). Более того, планировка других типов жилищ и лабазов повторяла внутреннюю планировку чума.

В центре чума находилось место очага *аран-херан*. Оно огораживалось уложенными П-образно бревнами или плахами *уво-уго* и было открыто со стороны входа. Дрова всегда лежали между входом и очагом. Поджигали их с одного конца и по мере сгорания продвигали (Василевич, 1969. С. 111–112). В настоящее время открытый очаг не делают. Летом на месте очага разводят дымокур для защиты от кровососущих насекомых. В другие перио-

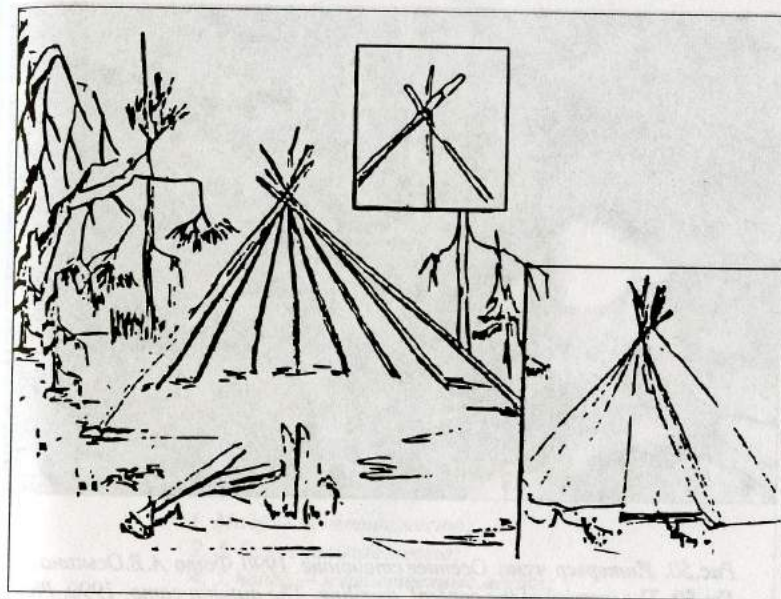

Рис. 49. Получум калтала. Группа тетейских эвенков.

Рисунок Е. и Г. Трубиновых.

Fig. 49 The part of the conical dwelling (poluchum kaltala). The group of the Teteiya Evenks. Drawing by E. & G. Trubinov.

ды времени на месте очага устанавливают железную печку (рис. 50).

Печки стали появляться у эвенков в конце XIX – начале XX вв. Первоначально они были покупными. Судя по моим материалам, у разных групп и семей эвенков железные печки появились в разное время. Есть свидетельства, что первую печку один из эвенков утащил из зимовья русского охотника. Этот поступок эвенки сначала осуждали, боясь, что русский охотник хватится печки. Позже по ее образцу они сами стали делать печки из железных бочек. Печка устанавливается на четырех вкопанных в землю деревянных столбиках высотой от 0,25 до 0,3 м. Сверху на эти опоры надеты пустые консервные банки (для предохранения от пожара). Земля вокруг печки с трех сторон, исключая сторону входа, выстилается пластинами коры или колотыми плахами (в осеннем и весеннем чуме). Пол внутри чума делается из плотного слоя нарубленного соснового (реже лиственничного или ело-

Рис.50. Интерьер чума. Осеннее стойбище. 1990. Фото А.В.Оськина.
Fig.50. The interior of the conical dwelling. The autumn camp. 1990. Photo taken by A.V.Os'kin.

вого) лапника. Ветки укладывают слой за слоем, верхушками в сторону очага. Настил называется *хокто*; его устраивают в чуме и зимой, и летом.

Обращаясь к материалам, относящимся к концу XIX — началу XX вв. и сопоставляя их с полевыми наблюдениями, произведенными в конце XX в., можно отметить, что внутренняя планировка и распределение мест в чуме до сих пор остаются наиболее стабильными. Наиболее полная схема организации внутреннего пространства чума дана С. М. Широкогоровым (Shirokogoroff, 1929. P. 255) (рис. 51).

Место напротив входа во всех диалектах называется *малу* (*мату*, *маро*). Этот же термин употреблялся и в отношении определенной категории духов (Shirokogoroff, 1929. P. 255). Линдгрэн писала, что термин *малу* используется для названия определенных духов, которые есть у каждой семьи; для названия места в чуме напротив входа, с которым ассоциируются духи; для названия разных запретов, как например, запрета взрослым женщинам дотрагиваться до жердей остова чума, или ходить вокруг него

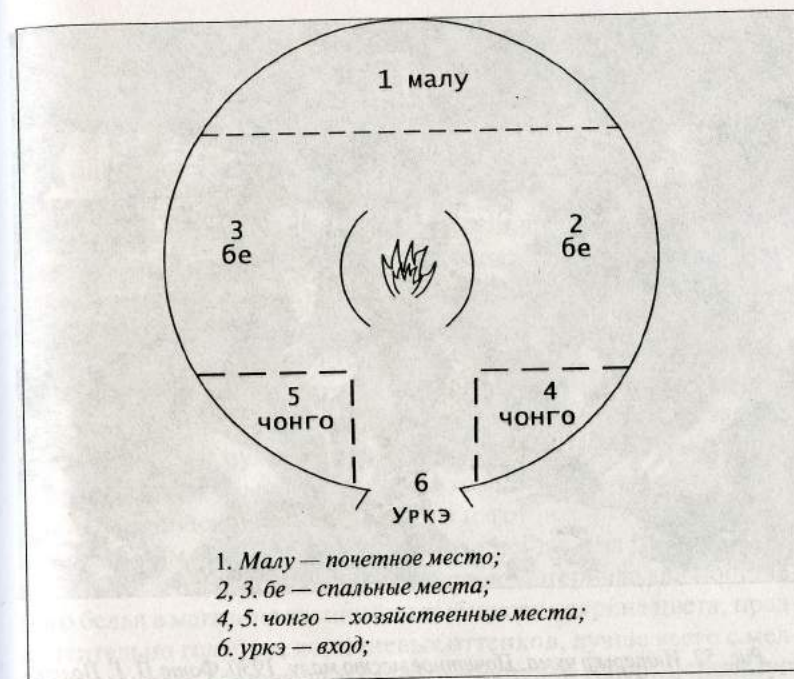

Рис. 51. Распределение мест в жилом чуме (по С. М. Широкогорову).
Fig. 51. The conical dwelling (chum dyu). The location of the living places.

снаружи или внутри, если только, конечно, она не является хозяйкой чума (Lindgren, 1935. P. 136). Место *малу* — наиболее значимое, почетное место (рис. 52).

Его обычно могут занимать только мужчины, причем либо одинокие (холостые), либо старики. На это же место обычно укладывают спать гостей мужского пола. Чужеродцы и родственники, принятые в семью, не имели права занимать место *малу*. Два места между *малу* и *чона* практически во всех диалектах называются *бе*. Эти места предназначены для дневного отдыха в чуме и сна. По-видимому, в разных эвенкийских группах распределение двух мест *бе* (справа и слева по отношению ко входу) среди членов семьи было различным (Shirokogoroff, 1929. P. 255; Николаев, 1964; Соколова, 1962. С. 169; Василевич, 1969. С. 151). Общая закономерность, которая прослеживается, — родители всегда располагались отдельно на месте *бе*, и дети отдельно на дру-

Рис. 52. Интерьер чума. Почетное место малу. 1930. Фото П. Г. Полтараднева (?) Фонды ИОКМ. № 469-195.

Fig. 52. The interior of the conical dwelling chum. The honorary place malu. 1930. Photo was taken by P. G. Poliaradnev (?). The Funds of the Irkutsk museum regional studies. No 469-195.

гом *бе*. На эвенкийском материале также прослеживается оппозиция «мужской — женский». По моим полевым материалам, левое *бе* обычно занимают глава семьи с женой; правое *бе* занимают взрослые дети (если они разнополые, то молодые люди укладываются на *малу*, а девушки занимают правое *бе*).

Два места налево и направо от входа называются *чоноко*, *чонго-чона*, *чонал*. Это место кухни и хозяйственных принадлежностей. Здесь хозяйка находится в дневное время, когда работает в чуме (замужняя обычно занимает левый *чонал*, незамужняя — правый). При этом через вход чума в летнее время ей должно быть видно значительное пространство стойбища, и прежде всего — оленю у дымокуров.

УТВАРЬ

На почетном месте *малу* в настоящее время у всех эвенков располагается рация, а также радиоприемники и магнитофоны (у кого они есть). На местах *бе* постели (одеяла, шкуры, подушки) расстилаются только на время сна. Утром они сворачиваются, складываются ближе к стенке чума и начинают играть роль спинки-опоры при сидении (точнее, полулежании) на отдыхе в чуме в дневное время. Постелями в летнее время служит матрас-подстилка из шкуры домашнего или дикого оленя, иногда просто оленья шкура (предпочтительно осенняя или зимняя), тонкое шерстяное или полушерстяное одеяло (зимой — ватное) фабричного производства, купленное в магазине, подушка перьевая или пуховая (перья и пух диких птиц, чаще уток). Чехлы, наволочки, пододеяльники обычно шьет сама хозяйка, иногда они покупные. Постельное белье фабричного изготовления используется реже главным образом из-за больших прорезей на пододеяльниках и светлого цвета ткани. При покупке материала для постельного белья в магазине эвенкийки выбирают неяркие цвета, предпочтительно голубых, коричневых оттенков, лучше всего с мелким рисунком. Молодежь в качестве постелей теперь использует покупные спальные мешки (ватные, верблюжьи), а в зимнее время меховые одеяла, сделанные из шкуры медведя, полученной в *нимат*.

На местах *чона-чонгал* располагаются различные хозяйственные принадлежности. У каждой хозяйки здесь расположены столы-подставки для посуды и другой кухонной утвари. Это примитивное сооружение: на двух коротких и толстых бревнах уложены две-три доски или несколько жердей, очищенных от коры. Высота столика-подставки около 0,15 м, ширина 0,3—0,4 м, длина 0,5—0,6 м. У некоторых эвенкийских хозяек посуда хранится в фанерных ящиках, представляющих собой тару из-под различных продуктов, внутри которых устроены отсеки. Такие ящики ставятся вертикально. Хозяйка прикрывает их от посторонних глаз полотенцем или занавеской. Эвенки используют посуду стандартного фабричного производства. Главное требование, предъявляемое к ней, — чтобы она была небьющаяся. Сохраняется в быту посуда из бересты, которая используется для временного хранения рыбы, ягод и т. п. Эта берестяная посуда обычно находится вне чума на лабазе *дэлкэн*. Обедали эвенки раньше за самодель-

ным деревянным столиком с гнутыми или прямыми ножками, иногда ярко раскрашенным, высотой около 0,1–0,15 м, размерами примерно 0,3х0,4 м. В настоящее время такие столики вышли из употребления. Посуду с пищей ставят на подносы фабричного производства или на самодельные деревянные подставки. Эти подносы и подставки хранятся на месте *чона*. Здесь же весной и осенью хранятся дрова и летом — лиственничные гнилушки для дымокура в чуме.

Ближе к стенке чума на месте *чона-чонгал* в летнее время делают маленькую яму-погреб для хранения оленьего молока. Размеры ее индивидуальны, обычно глубина не более 0,3 м, а площадь 0,2х0,3 м. Туда ставят кастрюлю с оленьим молоком, поскольку парное молоко эвенки не пьют.

Все внутреннее пространство чума является многофункциональным. Оно используется максимально рационально. Каждый член семьи имеет свои «границы», или «зоны», территории, что очень важно в плане психологической адаптации в условиях крайне малой жилой площади. Эвенкийские материалы, в частности, о распределении мест в чуме, свидетельствуют о наличии механизма гибкой адаптации к меняющимся условиям жизнедеятельности, в том числе и к социальным.

ГОЛОМО

Широко распространенным среди эвенков, а также северных якутов, долган, кетов было жилище *голомо*. *Голомо* — стационарное (постоянное) жилище. Судя по имеющимся этнографическим материалам, оно могло быть и конической, и пирамидальной формы. Кроме того, в зависимости от материала покрытия остова *голомо* различают два его типа, или разновидности: крытые землей и дерном и крытые корой лиственничных деревьев. По-видимому, права З. П. Соколова, известная исследовательница жилищ народов Сибири, что вопрос о типах *голомо* требует дополнительного изучения (Соколова, 1998).

По этнографической литературе и по имеющимся полевым материалам я попытаюсь выделить типы *голомо* у катангских эвенков. Первый тип *голомо* (другой термин — *угдама дю*) представляет собой тип перехода от чума *дю* к *голомо*.

Сходство с чумом состоит в наличии круглого основания (диаметром 4–5, иногда более, метров), а также в способах крепления основных жердей (бревен, плах). Основу корьевого чумов *го-*

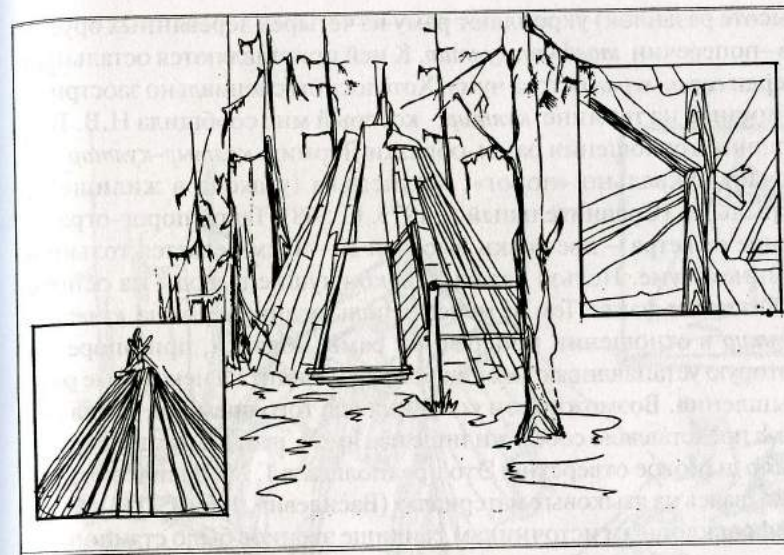

Рис. 53. Стационарное жилище голомо, или угдама-дю. Группа тетеиских эвенков. Рисунок Е. и Г. Трубиновых.

Fig. 53. The permanent conical dwelling covered with the spruce or larch bark (golomo, or ugdama-dyu). Drawing by E. & G. Trubinov.

ломо составляют четыре–пять основных жердей, две из которых образуют вход *уркэ*. Способ крепления двух или трех основных жердей *сона-хона*, *тургу* разнообразен: в одних случаях они связываются, в других две опорные жерди устанавливаются способом «в паз» (иногда такой способ называется «в шип»), когда конец одного шеста вставляется в отверстие, сделанное в конце другого. Иногда две опорные жерди соединяются так, что конец одной укладывается в искусственно сделанную развилку другой. Жерди, образующие вход, называются *трууль*, *туру-тургу*. Расположенная напротив входа основная толстая жердь также называется *тургу*.

Сходство с *голомо* в его классическом варианте состоит в наличии корьевого покрытия, рамы-обвязки, гнета (жердей, плах), которым сверху придавлена кора.

На расстоянии 0,4–0,7 м от верхушек жердей при помощи гвоздей (или оставленных на основных жердях на определенной

высоте развилок) укрепляют раму из четырех деревянных брусев—поперечин *толбоко*, *култир*. К ней приставляются остальные жерди *серан-херан* остова чума. Хотелось бы специально заострить внимание на термине *култир*, который мне сообщила Н.В. Бояршина в отношении рамы-обвязки. Термин *култыр-култир* означает буквально «порог», «ступенька (у входа в жилище)», «крыльцо» (Сравнительный..., 1975. С. 548). Такой порог-ограждение от ветра — две доски высотой 30—40 см делается только в осеннем чуме. Нельзя делать далеко идущие выводы на основе единичного факта. Тем не менее использование термина *култыр-култир* в отношении поперечной рамы-обвязки, при опоре на которую устанавливают жерди остова, наводит на некоторые размышления. Возможно, он сохранился с того времени, когда *голомо* представляло собой жилище над ямой, входом в которое служило дымовое отверстие. Это предполагала Г. М. Василевич, основываясь на языковых материалах (Василевич, 1969. С. 113). Судя по фольклорным источникам, жилище эвенков было стационарным и вход в него был через верхнее дымовое отверстие. Число жердей конического *голомо* не регламентируется и обычно насчитывает от 39 до 45. В одних случаях жерди ставятся вплотную друг к другу, в других — неплотно.

Другой тип *голомо* — собственно «классический» тип. Его отличают такие признаки, как четырехугольное или прямоугольное основание, наличие рамы-обвязки, корьевое покрытие с накатником сверху или покрытие землей и дерном. Такое *голомо* имеет пирамидальную форму. Среди катангских эвенков прежде оно встречалось чаще. Среди токминской группы эвенков, например, бытовали оба типа (из вышеописанных) *голомо*. Причем первый тип они называли «коринным чумом», а второй тип — *голомо*, иногда «дощаный чум», когда доски, по-видимому, играли роль гнета.

Как отмечалось выше, *голомо* различаются в зависимости от покрытия: крытые землей и дерном и крытые корой. Для покрытия *голомо* обычно используется кора лиственницы, реже — ели, т. к. словая кора быстрее ломается. У эвенков Юго-Восточной Якутии для покрытия *голомо* использовалась также кора сосны (Николаев, 1964. С. 107). Кора для покрытия *голомо* сдирается с живых деревьев в мае-июне, иногда в начале июля, в то же самое время, когда заготавливают бересту. Кору сдирают при помощи ножа или топора, а также небольшой заостренной деревянной па-

Рис. 54. Голомо — переходный тип к балагану (дулга). Группа тетеийских эвенков. Рисунок Е. и Г. Трубиновых.

Fig. 54. The *golomo* is the type of a transition dwelling between the temporary tent and permanent dwelling *balagan* (*dulga*). The group of the Teteiya Evenks. Drawing by E. & G. Trubinov.

лочки уклаун, играющей роль долота. Выбрав подходящее дерево, на его коре на высоте примерно 2–2,5 метра делают поперечный разрез. То же самое делают с корой у его основания. Затем от одного разреза к другому проводят еще один, вертикальный длинный разрез, от которого при помощи заостренной палочки кору сдирают на ширину вертикального разреза со всего объема дерева. Интересно, что место для стойбища, где собираются строить *голомо*, выбирают с учетом, помимо всего прочего, произрастания поблизости хвойных деревьев, предпочтительно лиственницы. На покрытие одного *голомо* необходимо снять от 20 до 30 пластов коры. Остов необходимо покрывать сырыми пластами коры. Чтобы покрытие не покорибилось, сверху всю конструкцию обязательно придавливают жердями или плахами. Вместе с заготовкой материала на покрытие *голомо* уходит 2–3 дня. Оба вышеописанных типа *голомо* были известны среди катангских эвенков.

Возможно выделить еще один тип *голомо* — переходный к балагану (или *дулга*) якутского типа (рис. 54). Низкое расположение рамы-обвязки (на высоте примерно 0,1–0,2 м от верхушек основных массивных жердей), наличие в жилище потолка, сделанного из расколотых пополам бревен, на которые сверху для тепла укладывают дерн или мох, — вот основные признаки эволюции формы *голомо*. В таком *голомо* низко от поверхности земли обычно делают небольшие окна.

Наконец, ботовали на территории района и балаганы, как тунгусского, так и якутского типа. Эвенкийское жилище усеченно-пирамидальной формы было найдено и обследовано мной в окрестностях села Преображенское. К моменту обследования оно было заброшено уже много лет и находилось в полуразрушенном состоянии. Пытаясь выяснить название этого жилища у самих эвенков, я показывала многим из них его фотографию.

Мне предлагали разные названия. Одни, после длительных раздумий, говорили, что это *голомо*, ссылаясь на то, что оно было покрыто корьем. Другие считали, что это балаган, обосновывая свое мнение тем, что по своей конструкции и внешнему виду оно более напоминает якутские постройки. Конструкция жилища действительно более всего напоминает якутский балаган (рис. 55). Это наземное каркасное жилище формы усеченной пирамиды, с покрытием из лиственничной коры. В его основании лежит прямоугольник размерами 3,5–4 м на 4,5–5 м. Каркасом служат четыре угловые столба-опоры, на которые уложены несущие бал-

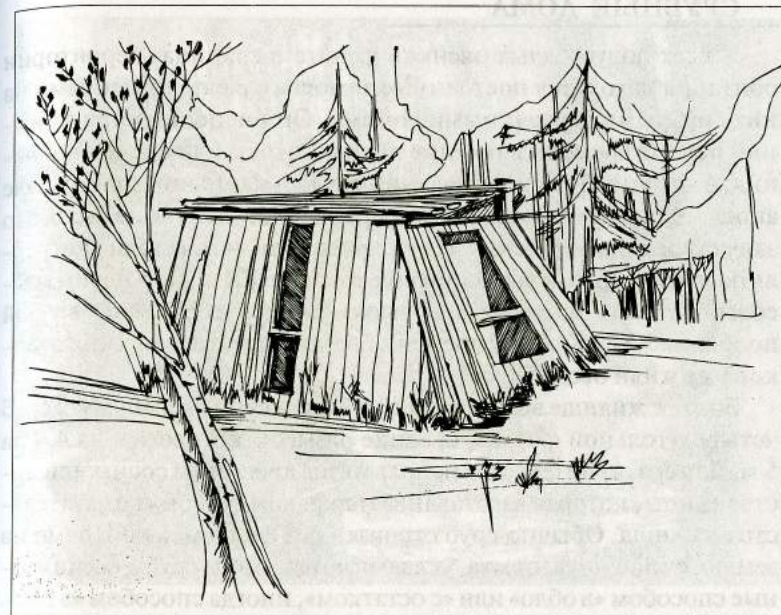

Рис. 55. Балаган. Окрестности с. Преображенское. Рисунок Е. и Г. Трубиновых.

Fig. 55. The permanent dwelling balaagan. The surroundings of the village of Preobrazhenskoe. Drawing by E. & G. Trubinov.

ки — продольные и поперечные. При опоре на них под углом в 65–70 градусов вплотную друг к другу установлены жерди, формирующие стены жилища. Потолок устроен из половинок колотых бревен, уложенных вплотную друг к другу на продольные балки-опоры. Односкатная крыша сделана из жердей. Наклон ее образуется при помощи двух чурок, поставленных на потолок со стороны входа. В поперечной и продольной стенах сделаны окна. Вход жилища ориентирован на северо-восток, в сторону реки и озера. Размер входного отверстия 1,2 м на 0,9 м. Место очага располагалось слева от входа.

Что касается тунгусского типа балагана, то он напоминает описанные Г. М. Василевич жилища эвенков под названием *угдан*. Он имеет прямоугольный план, каркасное устройство, корьево покрытие, плоскую кровлю.

СРУБНЫЕ ДОМА

У всех полуоседлых эвенков в тайге в границах территории обитания находятся постоянные зимовья с расположенными на них срубными деревянными домами. Они используются в зимний период времени в течение пушной охоты и после ее окончания, в холодный период года — в феврале-марте, иногда в начале апреля. Срубных домов (зимовьев) у эвенков раньше не было, это заимствование от русских. На юге района зимовья стали употребляться некоторыми эвенками еще в начале XX в., но в целом массовый переход от чума к зимовью состоялся в середине второй половине XX в. К этому времени большинство катангских эвенков уже жили оседло.

Зимнее жилище эвенков представляет собой бревенчатый сруб четырехугольной формы, средние размеры которого 4 на 4,4 на 5 м. Для его строительства используется древесина сосны или лиственницы, которая заготавливается рядом с местом строительства жилища. Обычно сруб строится без фундамента. Прямо на землю, очищенную от мха, укладываются венцы сруба, соединенные способом «в обло» или «с остатком», иногда способом «в паз». Бревна предварительно ошкуриваются при помощи топора. Между венцами сруба делается прокладка из мха. Практически единственными инструментами при строительстве служат топор и пила (двуручная и бензопила «Дружба»). Снаружи у строящегося сруба делается настил из 4–5 бревен, который играет роль опоры для строителя и облегчает поднятие бревен. (рис. 56)

Высота сруба бывает в среднем около 14–15 венцов (2–2,5 м). Затем сооружается потолок из бревен, который сверху для тепла засыпается землей и дерном. Крыша делается на двух парах слег, на которые сверху уложено коньковое бревно и к которому крепится покрытие либо из колотых досок, либо из полос коры, прижатых сверху гнетом из жердей, положенных параллельно коньковой балке. Иногда фронтоны закрываются при помощи коры или досок. В устройстве крыши наблюдается много вариантов. Чаще всего покрытием служат колотые доски, плахи или лиственничная кора, иногда толь.

В срубе делаются небольшие окна (размером примерно 0,5 на 0,5 м). Обычно их два. Дверь делается из колотых плах. Справа или слева от входа устанавливается железная печка. В стене дома с той стороны, где стоит печка, делается отдушина для вывода печной трубы. Вдоль стен внутри зимовья на высоте около 0,5–

Рис. 56. Строительство зимней избушки. 1989.

Fig. 56. The constructing of the winter cabin-log in the taiga. 1989.

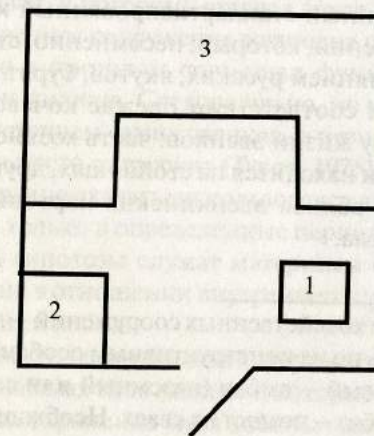

Рис. 57. Схема внутреннего устройства зимней избушки (зимовья). 1990.

1. печь; 2. стол; 3. нары

Fig. 57. The winter cabin-log and its interior. 1990.

0,7 м от уровня пола сооружаются нары. Рядом с печкой и нарами делается подобие стола (рис. 57).

Количество зимовьев (зимних стойбищ), расположенных на одной охотничьей территории, зависит от численности и состава семьи, размеров стойбища, количества оленей в хозяйстве, а также от традиций и личных установок хозяев. У малооленных эвенков одно-два, редко более, зимовий (стойбищ). У эвенков, имеющих от 40 и более оленей, их может быть и больше, до 5. Расположены они, как правило, вдоль центральных охотничьих дорог. Одно из зимовьев является «базовым», как его называют сами эвенки. В идеале при его расположении на местности должны сочетаться интересы охоты, оленеводства, транспорта и связи.

3. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ

В комплекс кочевой архитектуры эвенков, помимо жилища, входят и различные хозяйственные сооружения, часть которых не нашла отражения в этнографической литературе. Сложилось мнение, что хозяйственные постройки были малохарактерны для кочевников-эвенков (Василевич, 1969. С.116). Возможно, для прошлого это верно, но и тогда у эвенков существовал, по-видимому, определенный стандартизированный комплекс хозяйственных сооружений, который, несомненно, стал более разнообразным под влиянием русских, якутов, бурят. Их расположение на местности соответствует прежде кочевому, а теперь полуоседлому образу жизни эвенков: часть хозяйственных построек сооружается и находится на стойбищах, другая часть располагается в тайге, вблизи эвенкийских нартовых дорог или вблизи мест промысла.

ЛАБАЗЫ

Все разнообразие хозяйственных сооружений — лабазов — можно подразделить по их конструктивным особенностям на два основных типа: первый — амбар (наземный или свайный), второй — собственно лабаз — помост на сваях. Необходимо сразу оговорить, что эвенки разных групп один и тот же в конструктивном отношении тип лабаза могут называть разными терминами. Например, эвенки-орочоны Забайкалья термином *ноку* — *нэку* называют лабаз — помост на сваях. У катангских, чунских эвенков

этот же термин обозначает другой конструктивный тип лабаза — свайный амбар. Наоборот, термин *дэлкэн* употребляется забайкальскими эвенками в отношении свайного амбара, а тот же самый термин у катангской и некоторых других эвенкийских групп обозначает свайный помост. Для того чтобы избежать путаницы (а она неизбежно возникает при сопоставительном анализе работ, касающихся эвенкийской архитектуры, и, в частности, хозяйственных сооружений), нужно специально оговорить, что в данной работе используется терминология катангских эвенков. Сделав это необходимое пояснение, отмечу, что к первому из выделенных типов лабазов (амбар, наземный или свайный) можно отнести лабазы *ноку* — *нэку*, *пури*, *муко*, *юмгуло*, а ко второму (помост на сваях) — лабазы *дэлкэн*, *тэлгэкон* и др.

Линдгрэн, увидев лабаз *колбо* у тунгусов Маньчжурии, задавалась вопросом: «Неизвестно как давно тунгусы строят *колбо* и не заимствование ли это у русских с их деревянных зимовьев» (Lindgren, 1935. P.277).

Проблема происхождения и эволюции эвенкийского лабаза исследовалась в специальной работе М.Г.Туровым. Объединяя под термином *ноку* все типы лабазов, но в основном собственно *ноку*, т.е. свайные лабазы-амбары, он подразделил их на временные и постоянные, индивидуального и коллективного пользования. Главный вывод, к которому пришел автор — первоначально *ноку* как хозяйственное сооружение возник на постоянном стойбище, и возможно в прошлом совмещал функции хозяйственного хранилища и жилища. Следовательно, по мысли автора, *ноку* являлся изобретением самих эвенков, а незначительные заимствования имели место от русских (Туров, 1975).

Сейчас трудно сказать, использовался ли лабаз-*ноку* и как жилище, пусть только в определенные периоды года. Аргументом в пользу этой гипотезы служат материалы фольклора и сходная терминология в отношении внутреннего пространства эвенкийского жилища и лабаза.

Очевидно, что первоначально вещи могли оставаться на жердях *локоун* и лабазах типа *тэлгэкон*, которые сейчас используются в основном для хранения мяса добытых животных. Переходным типом между лабазом *дэлкэн* и лабазом *ноку* может быть существовавший у эвенков-ороченов лабаз *колбо*, который представлял собой двускатный шалаш, покрытый лиственничным корьем, на

свайном помосте (подобный лабаз у эвенков Маньчжурии назывался *дэлкэн*, у витимских эвенков — *угдама*).

АМБАРЫ

Среди построек хозяйственного назначения, зачастую прямо не связанных со стойбищем, следует назвать долговременно используемые хранилища — свайные лабазы *ноку* — *нэку*, *пури*. Последний термин чаще употребляется среди эвенков южной части района. Термин *ноку-нэку* — производный от эвенкийского глагола *нэ* — «положить»: *нэку* — «лабаз (настил на сваях с амбарчиком), амбар, склад» (Сравнительный..., 1977. С.602). Практически тот же самый тип лабаза у тунгусов Маньчжурии назывался *колбо* (Lindgren, 1935. P.277).

Лабаз *ноку* — *нэку* представляет собой амбар, сооруженный на помосте (рис. 58). Помост делается на высоких пнях срубленных деревьев с целью предохранения от порчи (влаги, грызунов и т.п.) содержимого амбара. Конструктивные особенности лабаза *ноку* заключаются в количестве опор-свай помоста, строительном материале (колотые доски, бревна, жерди), количестве помещений и их устройстве, приемах и технике постройки сруба и крыши.

Количество опор свайного лабаза-амбара варьировало от 1 до 8, их высота колебалась от 1 до 4–5 м, причем лабазы на 1–2 опорах строились выше, чем остальные. Лабаз *ноку* на одной опоре делался более тщательно, т.к. несущей настил оказывалась одна мощная перекладина при безгвоздевом (на зарубах) креплении. При этом важно было сделать точную центровку — подобрать одинаковые жерди и правильно расположить их, чтобы сильные ветра не уронили лабаз.

Сейчас лабазы *ноку* сооружают в основном на 4–8 опорах, обычно от срубленных лиственниц. Оптимальная их высота от 1,5 до 2,5 м, диаметр обычно не менее 0,2–0,3 м. Не менее половины опор должны быть естественного происхождения, остальные могут быть подставными опорами-столбами. Опоры-сваи обязательно ошкуриваются, иногда к ним, перевернув вверх дном, приделывают старые ведра, тазы и т. п., как преграду для проникновения в хранилище грызунов (рис.59).

Эвенкийское название вертикальных опор-свай — *бакшал*. На опорах-сваях закрепляются обычно две балки-бревна (эвенк. *ханалаун*) в качестве опоры, несущей настил из жердей. Способ

Рис. 58. Лабаз *ноку*.

Рисунок и надпись эвенка А.Я.Веретнова.

Fig. 58. The storehouse (labaz noku).

The drawing and notes by A. Ya. Veretnov.

крепления балок *ханалаун* к опорам-сваям состоит в изготовлении в верхнем торцовом срезе опор-свай углублений, или пазов, в которые укладываются несущие горизонтальные бревна *ханалаун*. Настил *биривун* укладывают на опоры *ханалаун*; он состоит из плотно пригнанных друг к другу среднего диаметра бревен.

На настиле *биривун* сооружается сруб-амбар из среднего диаметра ошкуренных сосновых, лиственничных бревен таким образом, что часть настила играет роль выносной площадки перед входом в лабаз. Сруб строится способом «в обло» (или «с остатком»), а также способом «в паз». Размеры сруба различны и зависят от замысла строителя. В прошлом такие лабазы часто строились сообща мужчинами, принадлежавшими к разным родственным или соседским семьям, и использовались также сообща. По-видимому, с развитием товарных отношений, индивидуализацией пушного промысла все чаще стали сооружаться небольшие лабазы для индивидуального пользования. Лабазы коллективного пользования были либо однокамерными, либо

Рис.59. Лабаз ноку. Группа ербогаченских эвенков. Рисунок Е. и Г. Трубиновых.

Fig.59. The storehouse (labaz noku). The group of the Erbogachen Evenks. Drawing by E.&G.Trubinov.

двух—трех камерными, и иногда даже двухэтажными (Туров, 1990). Средние размеры сруба-амбара около 2,5х2,5, 2х3 м. Крыша амбара может быть как двускатной, так и односкатной. Традиционным покрытием *ноку* было, по-видимому, односкатное корьевое (*улдакса-угдакса*) (Туров, 1990.С.141), покрытие. В настоящее время чаще сооружается двускатное покрытие, сделанное из колотых плах (досок). Впрочем, материал покрытия современных *ноку* крайне разнообразен: от традиционной лиственничной коры до рубероида. Покрытие лабазов различается в зависимости от сезона года, в который его делают: весной покрытие чаще делается из корья, летом — из колотых досок или иных материалов (рис. 60).

Внутри амбара делают горизонтальные жерди-*локоун*. Распределение и название отдельных частей внутреннего пространства амбара совпадает с таковыми в чуме. Так, в амбаре

есть место *малу*, расположенное прямо против входа, места *бе*, находящиеся по обеим от входа сторонам.

Лабаз *ноку* сооружается вблизи осенних и весенних стойбищ, а также на зимних охотничьих маршрутах, вблизи нартовых дорог, зимовий. Так, например, лабаз *ноку* осеннего стойбища Л.П. Сычегир вынесен за его пределы на расстояние 0,3—0,4 км, лабаз *нэку* весеннего стойбища находится непосредственно на его территории. Лабаз *нэку* Н.В. Каплина расположен в 0,5 км от весеннего стойбища и в 1,5—2 км от осеннего стойбища. Для их размещения эвенки всегда выбирают сухие, возвышенные места, чтобы не подгнили опоры лабаза, а также чтобы рядом была река или болото для защиты от возможного пожара. После сильных лесных пожаров, уничтоживших у большинства эвенков их лабазы, практикуется строительство лабазов-*нэку* на границе гари и леса.

В лабазах, расположенных вблизи осенних стойбищ, хранятся зимние вещи и припасы, в тех, что расположены вблизи весенних стойбищ — ненужные в осенне-зимний период летние вещи (брезентовые покрытия чумов, сумы, седла, поты и др.). В октябре по первому снегу эти ненужные вещи увозят на нартах к весеннему стойбищу на лабаз *нэку*, расположенный вблизи него. Точно также поступают весной, увозя по последнему снегу на нартах все ненужное для летнего кочевания. Запасы продуктов, помещаемые в амбары, завозят («лабазят») обычно весной и осенью, по снегу на оленях. Для завоза долговременных запасов продуктов иногда используется авиация. Мои информаторы не делали акцент на том, что лабазы *нэку* различались по их функциональному назначению. Практически постоянно мне говорили и я сама могла наблюдать существование хранилищ смешанного типа — и для одежды, и для различных вещей, и для продуктов. В то же время у эвенков выделялись в прошлом различные лабазы по своим функциям — одни — для хранения оружия и боеприпасов, другие — для хранения одежды, третьи — для припасов (Туров, 1975, 1990). Лишь в группе токминских эвенков было сделано замечание относительно разных функций лабазов-хранилищ: так, в лабазах *нэку*, сооружаемых на одной опоре, хранили наиболее ценные вещи, такие, как боеприпасы и оружие.

Другой разновидностью свайного амбара является лабаз *муко*, сооружаемый на месте добычи лося во время целенаправленной мясной охоты в холодные, осенне-зимние периоды года (рис.61).

Рис. 60. Лабаз ноку. Группа тетейских эвенков. Рисунок Е. и Г. Трубиновых.

Fig. 60. The storehouse (labaz noku). The group of the Teteiya Evenks. Drawing by E. & G. Trubinov.

Лабаз муко представляет собой сруб (амбар), поднятый высоко (до 2–3 м) над землей на высоких опорах-сваях (обычно двух). Опорами служат срубленные и ошкуренные пни от растущих деревьев. На эти опоры уже описанным выше способом укладывают две поперечные жерди, на них сверху — настил из жердей. На настиле строят небольшой прямоугольной формы сруб-амбар способом «в обло» или «в паз», из 5–7 среднего диаметра бревен. Высота сруба около 0,7–0,9 м, ширина — 0,8–1,0 м, длина — около 1,5–2 м. Сверху делают покрытие из плотно уложенных бревен. К настилу приставляется лестница в виде бревна с зарубками. Лабаз муко предназначен для долговременного хранения свежемороженого мяса лося (может храниться до полугода).

Обычно рядом с лабазом для хранения мяса муко строится еще один лабаз-амбар для хранения костей лося. Он тоже называется муко, и строится так же, как вышеописанный, но значительно

Рис. 61. Лабаз муко для долговременного хранения мяса. На заднем плане — лабаз муко для хранения костей. 1990.

Fig. 61. The construction called labaz muco for storing wild game meat. 1990.

меньших размеров: высота опор 1,0 м, площадка настил и сруб 0,5 на 0,5 м.

Другая разновидность лабаза-амбара *муко* — это наземный лабаз *муко*, который представляет собой построенный на земле способом «в обло» или «в паз» сруб (амбар) высотой 1–1,5 м, длиной 2–2,5 м, шириной 0,8–1,0 м, из толстых бревен), с полом-настилом. Он сооружается на месте добычи лося с целью недолговременного хранения мяса. Покрытие сруба плоское, из вплотную уложенных толстых бревен-накатника. Сейчас подобные лабазы строят для хранения бочек с бензином.

У эвенков таежной зоны Средней Сибири существовал также лабаз для хранения мяса *юмгуло*, который представлял собой поставленный на низких опорах-сваях (0,6–0,8 м) сруб из круглых неошкуренных бревен. Общая высота сруба не превышала 1–1,5 м (Туров, 1990. С.139).

Перейду теперь к рассмотрению другого конструктивного типа лабазов.

ПОМОСТЫ

В данном разделе я буду рассматривать собственно лабаз — помост на сваях. К этому типу относятся *дэлкэн*, *тэлгэкон*, *гулик* и др. *Дэлкэн* с эвенкийского — лабаз, помост на сваях для хранения продуктов и пр. Интересно, что этот термин встречается в языках у всех тунгусо-маньчжурских народов. Например, у нанайцев, оседлых приречных рыболовов термин *дэкэ*, *дэсиху* означает полку в доме, используемую для хранения продуктов (Сравнительный..., 1977. С.233). По конструкции лабаз *дэлкэн* представляет собой настил-помост на сваях — опорах естественного или искусственного происхождения. Количество опор *баксал* — *бакшал* варьирует от 2 до 6. Их высота может быть от 0,5 до 1,5 м. На сваи-опоры способом «ласточкин хвост», или «в паз», а чаще в углубления-зарубы в опорах уложены бревна-поперечины *ханалаун*, несущие настил. Настил *биривун* («пол», «основание», «настил» — от эвенк. «бири» — «настелить жерди» состоит из 4–7 среднего диаметра бревен.

Лабазы *дэлкэн* имеют множество разновидностей, которые зависят от уже имеющихся условий строительства и в этом смысле представляют собой наглядный пример приспособления к среде (рис.62). На осенних и весенних стойбищах часто сооружается двухъярусный лабаз *дэлкэн*. Среднее количество времени, необ-

ходимое для строительства лабаза *дэлкэн* (при условии работы вдвоем) около 30–40 минут.

О лабазах *дэлкэн* в литературе даны лишь попутные отрывочные сведения (Василевич, 1969. С.116; Туров, 1990. С.149). Скорее всего, это объясняется относительной примитивностью их конструкции и сходством разновидностей. В тоже время лабаз *дэлкэн* функционально не менее необходимое сооружение, чем любая другая постройка. Он присутствует как непосредственно на территории стойбищ разных типов, так и находится вне стойбищ, на месте добычи зверя, как временное хранилище мяса. Мясо, уложенное на такой лабаз, сверху покрывали шкурой, снятой с лося, которая примерзала к мясу, делая его недоступным для хищников. У тунгусов Маньчжурии он служил для хранения костей забитых оленей. Кроме того, на месте добычи лося сооружался настил, уложенный на опоры-жерди, покоящиеся в развилках трех длинных палок (до 1,5–2 м высотой), прислоненных к толстым деревьям. Такой лабаз назывался *тэлгэкон* (Туров, 1990. С.95–96). Лабазы-*дэлкэн* использовались и как жертвенные помосты, и как погребальные конструкции (например, у эвенков Севера Байкала). У тунгусов Маньчжурии *дэлкэн* строился перед проведением шаманских церемоний для размещения жертвенного оленя. Они представляли собой платформу, конусообразно окруженную шестами, на которых были скульптурные изображения деревянных летящих птиц — лебедей. (Lindgren, 1935).

Лабаз *дэлкэн* является неотъемлемым элементом организации внутристойбищного жилого пространства. Летние *дэлкэны* более миниатюрны. При названии такого *дэлкэн* часто прибавляется уменьшительный суффикс *-кон*. Для весны и осени лабазы *дэлкэн* делаются более мощными и устойчивыми. Возможно, изменение размеров следует объяснить и расширением их функций. На основании имеющихся материалов можно заключить, что *дэлкэн* — это лабаз, основной функцией которого, особенно летом, было хранение продуктов и посуды. Осенью, на осенних стойбищах, лабаз *дэлкэн* использовался для хранения самых разнообразных вещей, в том числе продуктов, упряжи, снаряжения.

НАСТИЛЫ

Сооружение *уммэвун* (от эвенкийского *умив* «собрать, сложить в одно место», *умивкит* — «место, где складывают что-либо, кладовая», «куча», «сборище» (Сравнительный..., 1977. С.267) дела-

ется только на летнем стойбище. Название *уммэвун* общее по-видимому для всех эвенкийских групп, что может указывать на значительную древность этого сооружения. Оно представляет собой настил из 2–4 среднего диаметра бревен, уложенных вплотную друг к другу либо прямо на земле, либо на двух коротких поперечных жердях (реже — на опору из низко срубленного пня дерева). Длина настила достигает 4–5 м, ширина 0,6–0,8 м, высота над уровнем земли 0,1–0,2 м, обычно не выше 0,4 м.

Уммэвун играет роль склада, места, где хранятся выючные оленьи сумы (*поты*, *инмэк*), седла, упряжь (рис. 63). *Уммэвун* обычно сооружается слева и (или) справа от входа в чум, как бы вдоль наружных боковых стенок чума. Вещи, хранящиеся на *уммэвун*, не отсыревают. При их размещении существует определенная последовательность. Первыми на жердевой настил устанавливают выючные оленьи сумы, предпочтительно *инмэк*, имеющие твердое берестяное основание и сверху обклеенные *камысом* — мехом с ног оленя или лося. Затем сверху на *инмэк* и *поты* (мягкие выючные сумы) укладывают оленьи седла, причем делают это таким образом, что седло, подобно крыше дома, закрывает сумы с их содержимым и предохраняет от влаги. Затем сверху складывают оленью упряжь. Иногда для нее выделяют отдельное место. Прежде вещи, хранящиеся на настиле, покрывали сверху берестяными покрытиями с целью предохранить их от дождя, а сейчас их закрывают брезентом и (или) полиэтиленовой пленкой.

ВЕШАЛА

Практически на всех типах стойбищ можно встретить очень простое сооружение *локовун-локоун*. Это горизонтальная жердь, которая делается для развешивания разных вещей: меховых шкур и одежды, белья, а также используется для вяления мяса.

Термин *локовун* (*локобун*, *локован*, *локоун*) происходит от эвенкийского глагола *локо*, что значит «вешать», «повесить», «вывесить» (Сравнительный..., 1975. С. 502). Несмотря на кажущуюся примитивность этого сооружения, в его устройстве используют до четырех разных способов. Использование того или иного способа зависит от имеющихся условий, часто разные способы сочетаются.

Первый состоит в том, что ошкуренная длинная жердь прибивается гвоздями к двум соседним деревьям-опорам. Это наиболее поздний и нехарактерный в прошлом для эвенков способ,

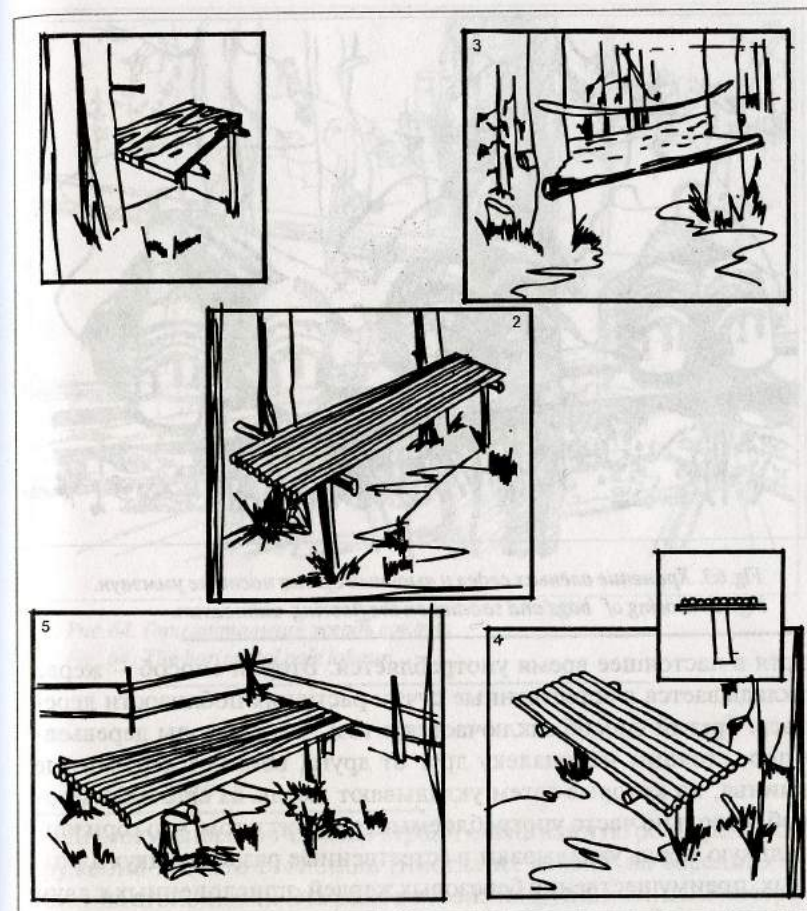

Рис. 62. Разновидности лабазов дэакан. Рисунок Е. и Г. Трубиновых.

Fig. 62. The varieties of the constructions for storing different things (labaz dealkean). Drawing by E. & G. Trubinov.

Fig. 63. Хранение оленьих седел и выючных сум на настиле уммэвун.
Fig. 63. Storing of bags and saddles on the flooring ummeavun.

хотя в настоящее время употребляется. Второй способ — жердь укладывается в естественные сучки растущих поблизости деревьев. Третий способ заключается в том, что в стволы деревьев-опор, стоящих неподалеку друг от друга, вбивают деревянные клинья, на которые затем укладывают жердь. И еще один способ, довольно часто употребляемый, состоит в том, что горизонтальную жердь укладывают в естественные развилки двух длинных, преимущественно березовых жердей, прислоненных к двум стоящим поблизости друг от друга деревьям.

Кроме горизонтальных жердей *локовун-локоун*, у эвенков возможно выделить вешала другого типа — деревянные клинья *хэвэк-сэвэк*. Это термин производный от эвенкийского глагола *сива* — «вбить клин» — *сиваки-севаки, хиваки* — «деревянный клин» (Сравнительный..., 1977. С.75). Деревянные клинья вбивают в растущее живое дерево на высоте примерно 1,7–2,0 м. Длина клина около 0,15–0,20 м. На них подвешивают ружья, одежду, иногда ведра или котелки с горячей пищей для собак, чтобы остудить ее, другие вещи. Среди всех сооружений стойбища клинья *хэваки-сиваки* сохраняются наиболее долго, указывая на бывшее место стойбища (рис. 65).

Рис. 64. Горизонтальная жердь локоун.
Fig. 64. The horizontal pole lokoun.

ДЫМОКУРЫ

Дымокуры *хаммин-саммин* играют очень важную роль среди сооружений летнего стойбища (иногда их делают на весенних и осенних стойбищах). Эта роль вызвана их функцией: дым костра дымокура отгоняет от оленей комаров и мошку. Летом при перекочевке на новое стойбище в первую очередь строят дымокуры (или, если они уже построены, разжигают в них огонь). У дыма собираются олени, спасаясь от кровососущих насекомых и зная место новой стоянки.

Эвенкийский дымокур представляет собой костер *гулувун*, обнесенный поставленными по кругу жердями (эвенк. *тыпкэл, тыпкэн*), сходящимися вершинами в виде конуса (рис. 66).

Количество жердей от 10 до 24, оно не регламентировано. Диаметр ошкуренных жердей от 2 до 5, редко более, сантиметров. Иногда три основные жерди дымокура связывают тальни-

Рис. 65. Деревянные клинья хэвэк-сэвэк.

Рисунок Е. и Г. Трубиновых.

Fig. 65. The wooden wedges sivaki-khivaki. Drawing by E. & G. Trubinov.

ком (ивовыми прутьями). Высота жердей может быть различной, от 0,5 до 1,0 м, редко более. Жерди огораживают круг диаметром примерно 1,0–1,5 м. Костер *гулун* образуют 3–4 толстых бревна, которые уложены так, что концы их смыкаются. Подсчитано, что для стада оленей в 40–50 голов ежедневно требовалось около 10–15 сосновых бревен длиной 4–5 м и толщиной не менее 25 см (Туров, 1990. С.148).

Дымокуры устраивались на ровной сухой площадке под навесом растущих деревьев, тень которых защищала оленей от дневной жары. Судя по литературным и полевым материалам, раньше некоторые из эвенков (в основном обьякученных) и якутов-оленоводов строили навесы для оленей. В настоящее время навесы для оленей не делают.

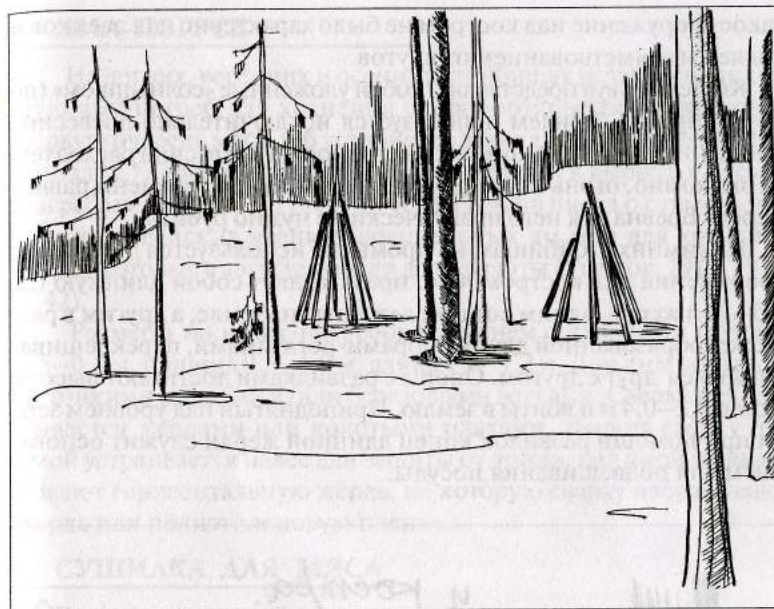

Рис. 66. Дымокуры хаммин-саммин.

Рисунок Е. и Г. Трубиновых.

Fig. 66. the fire-place for reindeer protection from mosquitoes dymokur khammin-sammin. Drawing by E. & G. Trubinov.

ТРЕНОЖНИК И КОСТЕР

На всех типах эвенкийских стойбищ сооружается костер *гулун*, над которым делается треножник *хонан*. Треножник *хонан* состоит из трех длинных (высотой до 2–2,5 м) ошкуранных жердей, связанных на расстоянии около 0,3–0,5 м от вершины тальником или проволокой (веревкой). Связывание происходит таким образом, что концы треножника остаются подвижными, чем регулируется высота крюка *оллан*, на который подвешиваются котлы, чайники и т.п. (рис. 67).

Иногда на осенних стойбищах над костром делается навес. В этом случае треножник убирается, и на его месте на четырех опорах строится навес с покрытием из колотых плах. Жердь *хона*, к которой крепится крюк *оллан*, в этом случае укладывается на поперечные жерди, образующие опору и для навеса. По-видимому,

такое сооружение над костром не было характерно для эвенков и является заимствованием от якутов.

Костер *гулувун* представляет собой уложенные «солнышком» (по кругу) бревна, причем используется исключительно древесина лиственницы. При таком устройстве костра древесина расходует-ся экономно, огонь горит в течение длительного времени равно-мерно. Бревна для него практически не нужно рубить.

На зимних стойбищах, на промысле используется другой тип сооружения над костром. Оно представляет собой длинную (до 2,5–3 м) жердь, одним концом лежащую на земле, а другим в раз-вилке, образованной двумя опорами-рогатинами, перекрещива-ющимися друг с другом. Опоры с развилками достигают высоты около 0,2–0,4 м и вбиты в землю. Приподнятый над уровнем зем-ли при помощи развилки конец длинной жерди служит основа-нием для подвешивания посуды.

Рис. 67. «У костра». Рисунок и надпись выполнены эвенком А.Я. Веретновым.

Fig. 67. «At the campfire». The drawing and notes by the Evenk A. Ya. Veretnov.

ЯМА-ПОГРЕБ

На летних, весенних и осенних стойбищах делают специаль-ную яму-погреб для хранения скоропортящихся продуктов, в первую очередь мяса. Об устройстве эвенками ям-погребов упо-минал И.Г.Георги: «запас хранят они отчасти в вырытых в земле погребках» (Георги, 1777. С.50). К.М.Рычков писал о существова-нии у енисейских эвенков специальных ям (*ин*) для хранения пищи, которые в августе копали до мерзлоты (Рычков, 1917, 1922. С.42).

Размеры таких ям-погребов в среднем составляют: глубина 0,5–0,8 м, ширина 0,8–1,0 м, длина 1,0–1,2 м. Дно ямы устилает-ся тонкими жердями и/или березовыми ветками. Сверху яма зак-рывается жердями или колотыми плахами. Иногда сверху над ямой устраивается навес для защиты от дождя: над ямой устанав-ливают горизонтальную жердь, на которую сверху набрасывают жердь или полиэтиленовую пленку.

СУШИЛКА ДЛЯ МЯСА

В этнографической литературе об этом хозяйственном соору-жении содержатся немногочисленные сведения, потому, по-ви-димому, что в современном виде оно появилось относительно недавно. И. Г. Гмелин в XVIII в. отмечал бытование у нижнетун-гусских эвенков специально сделанных решеток для сушки мяса в весеннее время, когда лосей добывали гоним по насту (Титова, 1978. С.70). О подобных приспособлениях упоминала Г. М. Ва-сильевич: «для сушки...сырое мясо...раскладывали на ивовой пле-тенке, которую укрепляли над очагом в чуме» (Васильевич, 1969. С.124). Такие «плетенки» мне тоже приходилось видеть в хозяй-ственно-бытовом инвентаре у катангских эвенков (ими сейчас не пользуются) и в музейных собраниях.

Для сушки и вяления мяса строят специальное сооружение — помост-сушилку *бутивун-бучивун*. Термин происходит от эвенкий-ского глагола *бучи* — «сушить»: *бучи* также «мясо для вяления», «сушить (у огня)», «вялить (над огнем)», *бучивлан* — «подставка (к плетенке для вяления мяса или рыбы над огнем)» (Сравни-тельный..., 1975. С.117). Отметим, что в эвенкийском языке су-ществует еще один термин для этого сооружения — *тэлиун* (от эвен-кийского *тэли* — «заготавливать», «вялить впрок», *тэливун* — «сет-ка (из прутьев, на которой вялят мясо, рыбу над огнем или на

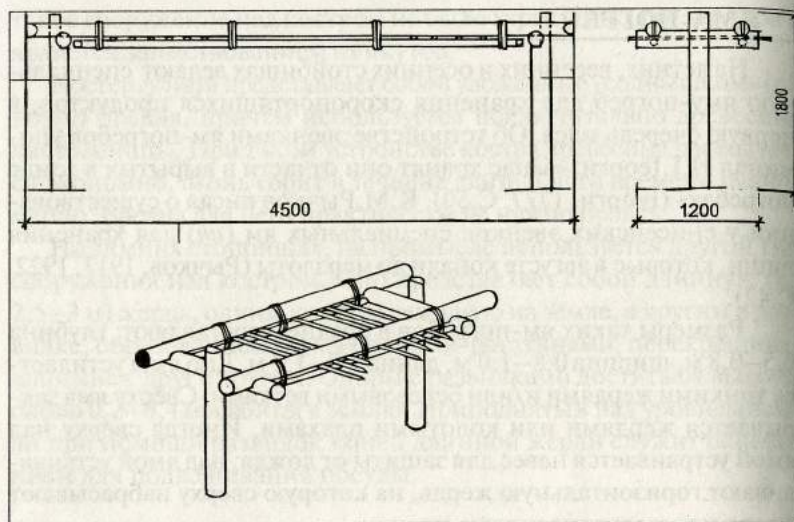

Рис. 68. Сооружение для сушки и вяления мяса бутивун-бучивун. Рисунок Е. и Г. Трубиновых.

Fig. 68. The construction for drying meat butivun. Drawing by E. & G. Trubinov.

солнце)» (Сравнительный..., 1977. С.281). Последний термин не используется среди катангских эвенков.

Сушилка для мяса бутивун-бучивун представляет собой каркасное сооружение на двух бревнах-опорах высотой около 1,0–1,2 м, расположенных в 4–6 м друг от друга. Обычно это опоры искусственного происхождения (рис. 68).

В эти опоры способом «ласточкин хвост» врезают поперечные балки, на которые укладывают две длинные продольные ошкуренные жерди. Эти жерди служат опорой для настила. Настил представляет собой колотые плахи, длиной 0,8–1,5 м, уложенные почти вплотную друг к другу на две длинные продольные жерди. Внизу под сушилкой делают небольшую яму-углубление прямоугольной формы, размеры которой совпадают с размерами сушилки. Здесь разводят огонь, используя для костра только листовенничные дрова. Сначала всегда делают яму-углубление, в которой в течение определенного времени поддерживают огонь, а затем строят сушилку. Чаще всего она сооружается на весенних

Рис. 69. Процесс приготовления мяса хуликтэ на стойбище.

Fig. 69. Cooking the drying meat khulikta.

и осенних стойбищах недалеко от чума, так, чтобы рядом не располагались никакие постройки.

Сушат сохатинное мясо в августе-октябре и, реже, в марте-апреле. «Летом сушим мясо, в августе-сентябре, когда Бог сохатого даст». Запасы приготавливали только из излишков мяса. Сушение и вяление мяса было известно у эвенков, нганасан, др. Г.М.Василевич выделила два вида заготовки впрок: сушение над огнем (бучивча, бучивун, хутивча уллэ) и вяление на солнце (суллувча, ургавча уллэ) (Василевич, 1969). По-видимому, в реальной жизни эти способы совмещались. Сейчас эвенки подвергают мясо смешанной обработке — и вялению, и сушению — в комплексе.

В изготовлении сушеного мяса хуликтэ у эвенков различают два этапа. Первый: приготовление мяса у костра на рожнах хилаун у костра, т.е. обжаривание; второй — сушение и вяление на сушилке над костром. Весь процесс приготовления сушено-вяленого мяса занимает около трех суток.

ИЗГОРОДЬ ДЛЯ ОЛЕНЕЙ

Изгородь для содержания оленей бывает двух типов — осенняя и весенняя. Эти типы различаются некоторыми конструктивными особенностями

Термин *куре* среди всех групп эвенков означает «ограда, изгородь, забор», «загон для оленей» (Сравнительный..., 1977). Изгородное содержание оленей не было присуще эвенкам и является заимствованием от соседних народов, по-видимому, от якутов (Спеваковский, 1984. С.125; Зыков, 1986; Туров, 1990. С.143). Первоначально изгороди начали строить для содержания оленей в осенний период времени. По-видимому, само заимствование произошло в тот момент жизнедеятельности эвенкийской группы, когда эволюционировала сама структура основных хозяйственных занятий. Для многих групп эвенков не очень характерны были осенние загородки в период гона оленей, пока в занятиях играла ведущую роль охота на крупную мясную дичь, один из наиболее интенсивных сезонов которой также приходился на осень.

В настоящее время длина весенней и осенней изгороди *куре* (у эвенков-орочонов изгородь для оленей назывались *капчавун*) практически одинакова и составляет примерно от 2—3 до 6—7 км.

Поперечные жерди осенней изгороди укладывают в развилку кольев (эвенк. — *тыпкэн-тыпкэл*), вбитых в землю крест на крест в количестве двух пар. Первый ряд жердей (самый низкий) укладывают на низко срубленный пенек дерева. Весенняя изгородь, которая может строиться, начиная с апреля, сооружается несколько иначе, что вызвано необходимостью адаптации к различным условиям строительства. Весной, когда земля еще мерзлая, поперечные жерди укладывают в углубления-затесы, сделанные на растущих деревьях или иных опорах (эвенк. *намкима*). На практике оба эти способа чаще всего совмещались. Высота изгороди достигает 1,5 м (рис. 70).

В изгороди (преимущественно весенней) делается проход *хон-нго*, в который входят отставшие от стада олени, причем выйти через него они уже не смогут. Иногда такой проход делают и в осенней изгороди. В изгородах делают также проходы *уркэ*, которые при необходимости открывают, а затем закрывают при помощи жердей.

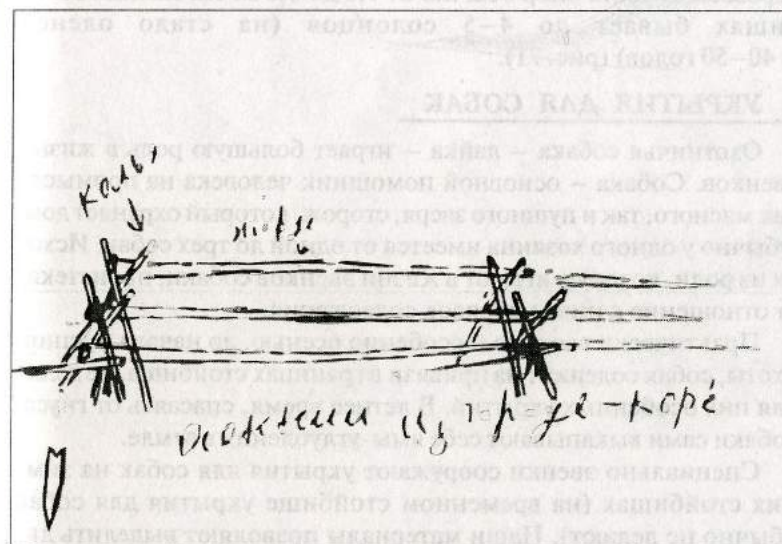
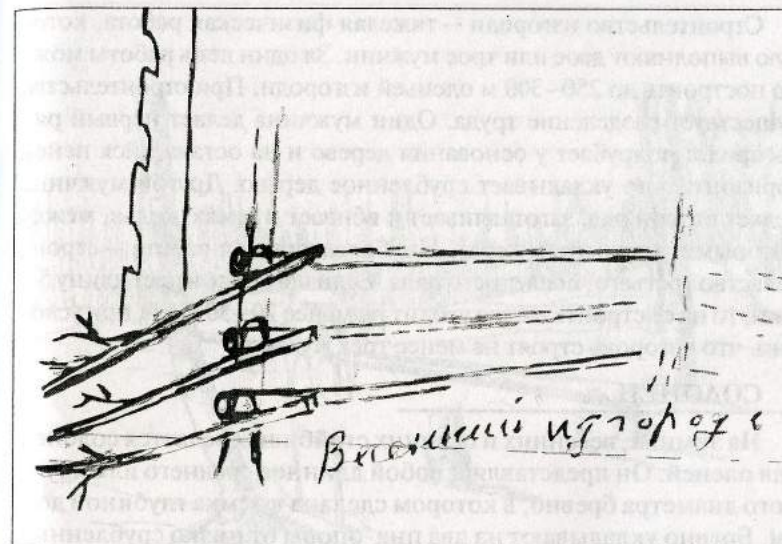

Рис. 70. Осенняя и весенняя изгороди *куре* для оленей. Рисунок и надпись А.Я.Веретнова.

Fig. 70. The reindeer autumn and spring fences. The drawing and notes by A.Ya. Veretnov.

Строительство изгороди — тяжелая физическая работа, которую выполняют двое или трое мужчин. За один день работы можно построить до 250–300 м оленьей изгороди. При строительстве существует разделение труда. Один мужчина делает первый ряд изгороди: подрубают у основания дерево и на оставшийся пенек горизонтально укладывают срубленное дерево. Другой мужчина делает второй ряд: заготавливает и вбивает в землю колья, между которыми укладывает жердь. Наиболее трудная работа — строительство третьего, последнего ряда. Если изгородь имеет длину 5–6 км, то на ее строительство уходит не менее 20–30 дней, при условии, что изгородь строят не менее трех мужчин.

СОЛОНЕЦ

На зимних, весенних и осенних стойбищах делается солонец для оленей. Он представляет собой длинное среднего или крупного диаметра бревно, в котором сделана выемка глубиной до 5 см. Бревно укладывают на два пня-опоры от низко срубленных деревьев. Высота опор обычно от 0,3 до 0,6 м. На зимних стойбищах бывает до 4–5 солонцов (на стадо оленей в 40–50 голов) (рис. 71).

УКРЫТИЯ ДЛЯ СОБАК

Охотничья собака — лайка — играет большую роль в жизни эвенков. Собака — основной помощник человека на промысле как мясного, так и пушного зверя, сторож, который охраняет дом. Обычно у одного хозяина имеется от одной до трех собак. Исходя из роли, которую играют в жизни эвенков собаки, проистекает отношение к ним и порядок содержания.

Практически все лето и особенно осенью, до начала пушной охоты, собак содержат на привязи в границах стойбища, не делая для них особенных укрытий. В летнее время, спасаясь от гнуса, собаки сами выкапывают себе ямы-углубления в земле.

Специально эвенки сооружают укрытия для собак на зимних стойбищах (на временном стойбище укрытия для собак обычно не делают). Наши материалы позволяют выделить два типа укрытий для собак. Первый представляет собой односкатное укрытие-навес (эвенкийское *долган*). На опоры от растущих деревьев на высоте примерно 1,0–1,5 м от поверхности земли укладывают горизонтальную жердь, на которую с подветренной стороны ставят жерди высотой около 1,5–2 м с наклоном при-

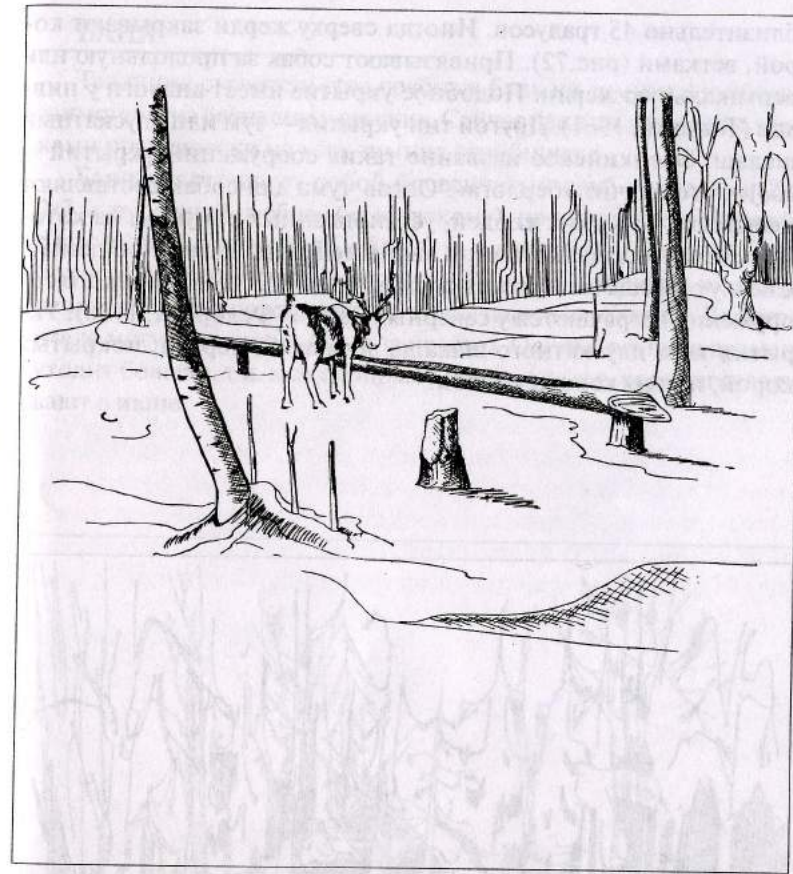

Рис. 71. Солонец. Рисунок Е. и Г. Трубиновых.

Fig. 71. The construction for salt feeding of reindeer (solonez). Drawing by E. & G. Trubinov.

Этническая специфика в организации среды проявляется и в формах и в типах сооружений. Анализ эвенкийских жилых и хозяйственных сооружений показал, что, помимо локальных, местных особенностей в типах, формах, конструктивных элементах тех или иных сооружений эвенкийской кочевой архитектуре присущи некоторые особенности, которые могут рассматриваться лишь в совокупности.

По-видимому, одним из главных этнических признаков является специфика расположения поселения на местности, планировка, что непосредственно связано с особенностями хозяйства и образа жизни того или иного народа.

При строительстве любых построек эвенки придерживаются некоторых общих принципов, которые только и могли возникнуть в их полном объеме у народа с кочевой культурой, которая сама многовариантна. Среди таких принципов, или требований, можно выделить, например, принцип многофункциональности любых типов сооружений и связанные с ним требования безопасности, удоб-

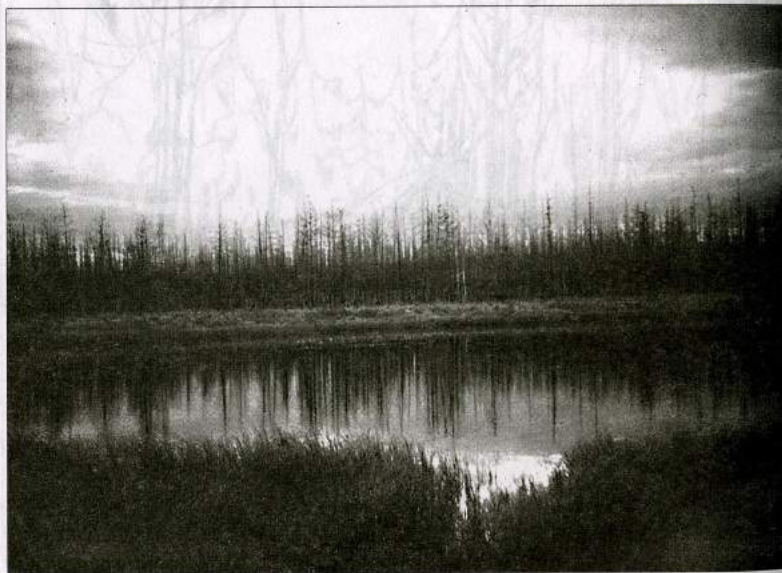

Рис. 74. Вид с эвенкийского стойбища. 1991.
Fig. 74. The view from the Evenks camp. 1991.

ства и надежности сооружения. Другой принцип — принцип достаточности, т.е. минимальных временных, энергетических и материальных затрат для строительных работ. Он проявляется в многовариантности, которая отличает эвенкийскую архитектуру, когда один и тот же тип сооружения имеет множество подтипов, или разновидностей. Далее, принцип мобильности, который вообще свойственен кочевой архитектуре. И последнее, не менее важное: эстетический принцип в подборе мест для поселений (стойбищ). Архитектура стойбища не может быть понята без элементов естественного окружения, ландшафта. Выбор места стойбища во многом зависит от окружающего поселения пейзажа. Ученые и путешественники, которым удалось побывать на эвенкийских стойбищах, отмечали высокие эстетические достоинства выбранных для жилья мест (Shirokogoroff, 1929. P.317, др.).

ГЛАВА IV

ДУХОВНЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА

1. ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ

ПРАВОСЛАВИЕ

Анимизм и шаманство эвенков под влиянием христианства (к концу XIX - началу XX вв. большинство их были православными) стали приобретать синкретичный характер. Православие распространялось через священнослужителей, которых на Тунгуске было немного, купцов православного вероисповедания, а в основном через крестьян.

Русские Нижней Тунгуски были православными. Центром прихода была церковь Преображения Господня, располагавшаяся в с. Преображенское (прежде оно называлось Нижнетунгусским погостом). Впервые церковь была построена в 1756 г. В обширный приход Преображенской церкви в 1910-е годы входило 12 деревень, в которых имелось пять приписных храмов (в с. Непском — Иннокентьевский, в с. Ждановском — Преображенский, в с. Оськино — Кирика и Иулитты, в с. Ербогачен — Николаевский, в с. Ерма — Казанский) и четыре часовни (в д. Верхне-Калинино, в д. Гаженка — Казанская, в д. Юрьева, в с. Преображенском — Александр-Невская) (Калинина, 2000. С. 363—364).

В мировоззрении русских сохранялось много суеверий, остатков языческих народных воззрений, которые, возможно, «оживились» не в последнюю очередь благодаря особенностям жизни и контактам с аборигенами. Гидрограф В. Я. Шишков, работавший в этом районе в начале XX века, отмечал, что по сравнению с центральными регионами России, русское население Нижней

Тунгуски было не столь религиозно: «Народ суеверный: в «соседку» верит, на клюке под Новый год свою избу объезжает (мужчины!)» (Шишков, 1985). К сожалению, я не располагаю достаточными материалами для развития этой темы. Приводимые здесь полевые материалы собраны «попутно». Русские р. Нижняя Тунгуска (в основном охотники, мужчины) знали различные запреты и правила, связанные с охотой (как русские, так и эвенкийские), поведением в эвенкийском жилище, обращением с огнем и т. п. Для обеспечения удачи в промысле они оставляли жертвы в виде пороха, дровишек, пистонов, спичек и других предметов в тех же местах, что эвенки, когда шли на охоту. «Верить — не верить, а оставить надо», — объяснял мне свои действия русский охотник. Крестьяне с большой веротерпимостью и интересом относились к шаманству и различным промысловым культам. Русские Трехречья (Внутренняя Монголия, Китай) в 1920—40-е годы, будучи соседями эвенков, с интересом относились к шаманским воззрениям последних. «Иногда, живя на стойбище в тайге, русские охотники наблюдают шаманские камлания, и часто пользуются возможностью получить совет шамана» (Lindgren, 1935. Р. 619). Подобные примеры известны и в других регионах Сибири.

Глубокие изменения, происшедшие в эвенкийском обществе и религиозном сознании как за период присоединения к России и деятельности миссионерской церкви, так и в не меньшей степени за годы насаждения атеизма, сыграли огромную роль в уменьшении, трансформации, а кое-где и исчезновении традиционных верований и обрядности.

Будучи православными во многом формально, не понимая смысл и значение христианских догматов и обрядов, эвенки почитали атрибуты христианской веры — кресты, иконы как священные культовые предметы, едва ли не наравне с эвенкийскими. Для их перевозки при перекочевках использовались специальные посвященные олени, обычно белой масти; хранились они в одном и том же секторе чума — на почетном месте *малу*, где, по представлениям эвенков, обитал дух-хозяин чума. Именно там к жердям чума прикрепляли икону или крест, а в специальных хранилищах находились небольшие деревянные скульптуры — изображения семейных духов-охранителей. Эвенкийские фольклорные сюжеты пополнились представлениями об аде и рае, которые стали ассоциироваться соответственно с нижним и верхним эвенкийскими мирами (Сирина, 1993). Такие христианские праз-

дни, как Петров день (12 июля) и Николин день (19 декабря) стали праздниками тунгусов и датами, к которым были приурочены их выходы в село. Подобные примеры известны практически во всех районах Сибири.

Христианство оказало существенное влияние на погребальный обряд эвенков. От воздушных захоронений эвенки перешли к погребениям в земле, хотя детские воздушные захоронения встречались еще в середине XX в. Религиозная двойственность нашла отражение и в надгробных сооружениях, и в отправлении всего похоронно-поминального обряда. Вместе с тем сохранялись многие эвенкийские традиции и обряды: обряд проводов души умершего, оставление вещей покойных вблизи мест захоронений или в местах кочевий; порча вещей, принадлежавших покойному и «сопровождавших» его в другой мир; особый пошив погребальной одежды и обуви и многое другое.

ШАМАНСТВО

В прошлом шаманство было широко распространено в этих местах. Оно переходило по наследству, «как дерево растет, — по корням». Шаманами у эвенков могли быть и мужчины, и женщины, как и у большинства народов Севера. Эвенкийские шаманы не могли лечить свою родню, поэтому распространенной была практика приглашать шаманов из других территориально-соседских групп. Эвенки ербогаченской и наканновской группировок приглашали шаманов преимущественно из района Стрелки, Илимпеи Красноярского края, а те, наоборот, приглашали к себе катангских шаманов. Например, к дедушке Челакану специально возили больных со Стрелки Красноярского края, он будто бы мог вылечить от кори: «Много лечил народа. Большой был шаман. Черти помогали».

Шаманы были уважаемыми людьми, и иногда их выбирали князьями (шуленгами). Такого шуленгу, его жену и племянницу из Куркугирского рода встретил и сфотографировал В. Я. Шишков. «...Он (шуленга — А. С.) сопровождает нас по пути в Аннавар (современный поселок Ванавара Эвенкийского а. о. — А. С.) неделю. Обратился к нам с фразой: «Мой часы совсем помер». Шуленга выбирается тунгусами каждого рода на 3 года. Ему предоставляются большие полномочия судить и миловать. Он же занимается сбором ясака среди разбросанных на сотни верст со-родичей, раз в год, зимой, ясак отвозит в с. Кежму, в волость»

(Шишков, фотоальбом...). Эвенкийские шаманы, как правило, были хорошими кузнецами.

Анимизм и шаманство не исчезли за несколько столетий влияния христианства. Неслучайно, что на I районном съезде эвенков в 1928 г. один из основных вопросов, вызвавший их недоумение и недоверие к новой власти, был о том, почему шаманы лишены права голоса, и «почему шаман вредитель оказывается, с чего это?» (528/1/9: 36об.) В советское время с шаманством велась борьба. Их лишали права голоса, о чем на I районном туземном съезде в 1928 г. прозвучало много вопросов: «У нас нет кулаков, население все труженики, а почему шаману нет права голоса?», — спрашивал один из депутатов (528/1/9: 36об.). По акту обследования деятельности Наканновского тузсовета прокурором Власовым в отчет был введен раздел «засоренность аппаратов РИКа», из которого следовало, что председатель Кондогирского тузсовета Симон Каплин — сын шамана; председатель Наканновского тузсовета — сын шамана, кулак.

«Дело Санаяка-Мунгалова уличенного в изнасиловании беднячки тунгуски Дондиной. Разобрано родовым судом, который оштрафовал обвиняемого на 20 руб., вторично — приговорен к заключению.

При допросе показал:

1. Когда начинаю бить в бубен, то в это время появляются черти, которые начинают со мной разговаривать и петь, а я повторяю их слова.

2. Когда лечу человека, то чертям задаю вопрос, можно ли больного вылечить или нет, то черти мне всегда дают ответ в ту или другую сторону; иногда они врут...

3. Черти бывают разные: голова, или полчеловека, ноги, и приходят ко мне не сразу, а через изображения зверей и птиц, сделанных мною, развешанных перед процедурой шаманства на деревьях.

4. Шаманю, потому что меня об этом просят тунгусы.

5. Спасти от суда черти его не могут, потому что они друг друга дорогой потеряли, и они точно не знают, где он».

(Непронумерованное дело архива Ербогаченского сельского совета).

Среди шаманов, живших в 1930—50-е годы, были Н. П. Коненкин, Николай Львович Каплин, Василий Прокопьевич Каплин (дедушка Ланчила) (наканновские эвенки), Алексей Нико-

лаевич Каплин (дедушка Дондин) (илимпейские и наканновские эвенки), Гаврила Каплин рода Ханягир (дедушка Челахан), похоронен в В. Калининой(?), Бояршин из д. Боковикова (похоронен в Верхнекалининой), Михаил Барнаулов (из Ичеды, токминские эвенки), Анна Пантелеевна Каплина рода Пангаракай (ербогаченские эвенки), похоронена на Дагалдыне, Николай Колобовшин, из последних — Яков Поликарпович Веретнов (тетейские эвенки).

В первой четверти XX в. много шаманов было в районе Токмы. «...Вера в шаманов процветает повсю... шаманы в основном женщины (из 6 — 1 мужчина). (538/1/233: 24). Г. М. Василевич, работавшая среди токминских тунгусов в конце 1920-х годов, писала о трех шаманах — одной пожилой женщине и двух молодых мужчинах. Она описывала шамана М. Барнаулова из Ичеды (о котором мне рассказывали в 1989 г. помнившие его эвенки): «внешне совершенно здоровый и не нервный человек; шаманит всего второй год. Сделался шаманом совершенно неожиданно, раньше сам подсмеивался над всем, а года полтора одолели по ночам сайтаны, всевозможные животные. Не учившись, стал петь шаманские песни, сделал себе костюм, завел бубен и начал шаманить. Он сам довольно осторожно старался узнать от меня, от чего это произошло» (565/1/61: 11.) В 1930-е годы его забрали за шаманство и увезли на лошадях в Киренск. Старики вспоминали его последние слова: «От этой деревни ничего не останется, кроме пней». Его предвидение сбылось, Ичеда была укрупнена.

В настоящее время у нижнетунгусских эвенков сохранились лишь воспоминания о шаманстве. В исчезновении шаманства сыграла значение общая перемена принципов жизни, конкретнее, перевод кочевников на оседлость, обеспечение медицинской помощью, атеистическая направленность воспитания. Воспоминания о том времени живучи среди эвенков; теперь об этом говорят открыто и без опаски, преобладает критический подход, шаманство оценивается как явление, шаманы — как служители культа, знахари, мудрецы (Сирина, 1992). Пожилые люди знают о существовании культовых мест, связанных с большими шаманскими камланиями и могил шаманов. В 1989 г. умер последний шаман катангских эвенков. У него уже не было ни бубна, ни специального костюма. Он занимался предугадыванием будущего, изредка лечением. Тем не менее, вероятность появления шаманов остается.

Воспоминания о шаманстве связаны и с сохранившимися кое-где в тайге местами проведения больших шаманских камланий, которые обычно использовались один раз и затем навсегда оставались. Характерно сохраняющееся до сих пор отношение к таким местам: туда нельзя ходить без необходимости, нельзя охотиться и брать что-либо. Таким образом, нагруженные социальной, духовной памятью места становились у эвенков своеобразными заповедными, резервными территориями. Сейчас эти запреты не объясняются, бытуя на уровне охранительных, но имеется, по-видимому, какое-то смутное представление о находящихся в таких местах вредоносных (или неуправляемых без участия шамана?) духах. Подобные нагруженные социальной, духовной памятью места включают в себя также культовые, памятные места, как естественного, природного происхождения, так и места, связанные с жизнедеятельностью человека. Кроме мест больших шаманских камланий, отмеченных особыми сооружениями, это также, по материалам И. Е. Максимовой, места изготовления луков, кузнечества (Максимова, 1994. С. 92).

2. ЗАПРЕТЫ, ОБЫЧАИ, ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОРГАНИЗАЦИЕЙ ПРОСТРАНСТВА

Как и для нганасан, энцев, ненцев, других народов Севера, для эвенков, каждой их конкретной общности, существовал определенный мир духов постоянной территории, которые и определяли благополучие этой общины. Любая освоенная земля несет на себе признаки ее организации, а у людей, живущих на ней, формируется психологически особое, эмоционально окрашенное отношение к этой земле, которое можно выразить словами «своя земля». Представление о «своей земле» составляют те запреты, обычаи, обряды, которые связаны как с эвенкийской архитектурой, материально-организованной средой, так и с определенными природными объектами. Такое особое отношение можно на эвенкийском материале проследить и к жилым, хозяйственным постройкам, а также к культовым и надгробным сооружениям, к территории, на которой они расположены.

Ряд запретов у эвенков связан с жилыми и заброшенными чумами. Эвенки представляли жилище прежде всего как защитное сооружение, обеспечивающее и символизирующее благополучие и безопасность человека.

Вход, выход, дымовое отверстие, очаг, земля в чуме, жерди остова, другие конструктивные элементы воспринимались как «пограничные» объекты, — пограничные между жилым пространством и остальным миром.

Большое количество запретов поэтому связано с организацией внутреннего пространства эвенкийского жилища. До сих пор сохраняется строгая регламентация относительно распределения мест в жилом чуме между его обитателями и гостями. Особенно почитается и запретно для представителей других родов, для женщин место *малу* (Shirokogoroff, 1929. Р. 255). По представлениям эвенков, здесь находится местообитание духа-хозяина чума. Прежде реликвии семейного культа и фигурки личных божков-охранителей («из дерева делали фигурку типа человечка, одевали в медвежью парку, подпоясывали, в горностах был») хранили в жилище в ровдужных мешочках. Они помещались на священном месте *малу* или привязывались к жердям остова чума с западной стороны жилища (Купина, 1989). Таких семейных божков *малу* (иногда катангские эвенки употребляли для них название *бова-дыл-бугады*) хранили в каждом чуме среди вещей.

Особым почитанием с давних времен пользовалось место очага в чуме. Среди пантеона семейных охранителей эвенков центральное место занимал дух огня, очага, который имел функцию духа-хозяйки чума, домашнего очага, всего хозяйства, а также функцию духа-охранителя семьи и рода (Рычков, 1917, 1922. С. 39; Анисимов, 1958. С. 93). Представления об огне были как о доброжелательном существе, и дух-хозяин огня *того мусунин* был позже антропоморфизирован и представлялся эвенкам старухой («бабушкой»), местопребывание которой находилось под площадью костра в чуме (Василевич, 1969. С. 221).

Значение огня в настоящее время устойчиво сохраняется, хотя основания, лежащие в особом к нему отношении, во многом забыты. Уже пожилые информаторы объясняли свое отношение к огню таким образом: «Свекровь говорила: «Огонь никогда не ругайте, ни ножиком, ни словом. Что-то было в огне, — бабушка». Прежде невеста, входя в чум жениха, совершала обряд приобщения к его роду, что выражалось, в частности, в кормлении огня (духа-хозяина огня) салом и жиром. На поминках также бросали кусочки еды в огонь в чуме (Василевич, 1962. С. 118). У всех эвенкийских групп существовал запрет ходить вокруг очага в чуме: выйти из чума нужно было тем же путем, что и вошел. Этот зап-

рет сохраняется и в настоящее время. Особыми запретами было отмечено место порога: например, беременной женщине запрещалось сидеть на пороге чума. Подобные запреты сейчас превратились в этикетные нормы.

Среди катангских эвенков существует запрет ходить вокруг жилого, а также старого, заброшенного чума. У нганасан, ненцев, энцев также категорически запрещалось «окружать следами чум или же оставленные вещи. «Кружение» было элементом самой зловредной магии» (Гулевский, 1993.). У эвенков этот запрет объясняется тем, что в семье, живущем в таком чуме, либо у того, кто нарушил запрет, может заболеть ребенок. *«Одна женщина дурная бегала кругом чума — у нее ребенок умирать стал. Она старикам не говорила, но те сами потом догадались: кругом чума (чужого) бегала. Да поздно было: ребенок умер. Раньше надо было бросать жир в огонь»*. Частью информантов специально подчеркивалось, что вокруг чума нельзя ходить старикам из другого эвенкийского рода. Запрет ходить вокруг старого чума объясняется реалистически: *«Вокруг него ходить — тоскота (тоска — А. С.) одна. Нас, эвенков, мало осталось. Ходить, вспоминать, — ни к чему это»*. Нельзя или нежелательно останавливаться на ночлег на чужом, старом стойбище, в чужом чуме. Если все же придется остановиться, лечь спать нужно ближе к входу, на место *чонгал*.

Нельзя трогать руками жерди остова чума уже умершего человека. Экондские эвенки сообщали В. А. Туголукову: «Будто его (покойника) чум, не надо трогать» (Туголуков, 1960. С. 176). Эвенкийская архитектура более слита с миром человека, ее создателем, и даже неотделима от него, поскольку здесь и архитектор, и строитель, и житель совмещаются в одном лице. Отношение к старым постройкам такое, будто они навсегда несут на себе печать своего создателя и хозяина. Это отношение связано не только с самими постройками, но и с той землей, на которой они расположены.

По смутным представлениям современных эвенков, при нарушении вышеназванных запретов привлекается злой дух *харги*. *Харги* в переводе с эвенкийского — «черт», «местность», «тайга», «дикий олень», «дух-хозяин нижнего мира». Катангские эвенки в качестве синонима духа *харги* используют название духа *бова-дыл-бугадыл*. Представления о *бовадыл-бугадыл* катангских эвенков заметно отличается от общеэвенкийских, по которым этот дух был положительным (Василевич, 1959. С. 160). У катангских

эвенков дух *бовадыл-бугадыл* был синонимом *харги* («черт», «дьявол», как объясняли мне эвенки), вредным, злым духом, живущим далеко в лесу. По-видимому, в прошлом подобные запреты служили своеобразными разграничителями своей и чужой территории, территории защищенной (жилище) и территории, открытой действиям разрушительных, стихийных сил, причем эти запреты действовали именно на уровне жилища, поскольку, помимо прочего, твердых, раз и навсегда установленных границ родовых территорий не было. В то же время территория, на которой находилось обитаемое жилище и другие постройки, в данный момент безусловно считалось собственностью семьи.

По представлениям эвенков, за задней стенкой обычного жилого чума находилась т. н. «северная сторона» *долбони*, вызывающая устойчивые ассоциации с темнотой, ночью, смертью. Именно на «северную сторону» (за задней наружной стенкой чума, за местом *малу*, причем необязательно в реальном северном направлении по сторонам света) родственники умершего вывешивают его личные вещи. Примерно в том же направлении, но несколько поодаль от чума, происходит обычно забой домашнего оленя. За задней стенкой чума, на пространстве, примыкающем к ней, не располагаются никакие постройки.

Кроме запретов, относящихся к жилищу, существуют запреты, связанные с хозяйственными сооружениями — лабазами *ноку* — *нуку*, *пури*, которые обычно находятся за пределами непосредственного жилого пространства стойбища.

По имеющимся у меня материалам, на все лабазы, прежде всего амбары, распространяется запрет ходить вокруг них по тем же причинам, что и вокруг чумов; не трогать их и ничего не брать с лабазов как живых, так и тем более умерших людей, особенно шаманов. В то же время, по материалам Максимовой, если обстоятельства вынуждали человека взять что-либо с чужого лабаза, «он оставлял на тропе одну наклонную палку, указывающую направление, откуда он пришел, и вторую, показывающую его дальнейший маршрут. Это было обязательством возратить долг» (Максимова, 1994). В тайге до сих пор стоят амбары шаманов со старыми вещами. Директор местного музея напрасно просит эвенков привезти вещи из тайги в музей. Запрет брать вещи с чужих лабазов объясняется смутно: по представлениям эвенков, там живет какой-то дух: вздыхает, ходит, скрипит.

С. М. Широкогоров писал о том, что представители одного и того же рода могут брать все необходимые вещи из лабазов сорочичей при соблюдении некоторых условий, например, возвращения взятого в течение какого-то времени (Shirokogoroff, 1929. P. 297). Материалы, собранные мной в конце XX в. среди катангских эвенков, не подтверждают это наблюдение. Возможно, объяснение такой трансформации заключается в следующем. Примерно с середины — второй половины XX в. эвенки стали избавляться от божков, хранящихся в каждой семье в чуме (семейных духов-охранителей, сакральных предметов, неприкасаемых для чужих). Прецедента, который бы говорил, как это лучше сделать, у эвенков не было, формально этого и делать было нельзя. Причины этого явления трудно выяснить до конца. По-видимому, имела значение общая антирелигиозная пропаганда и опасность сохранять свои религиозные убеждения и предметы, смерть членов семьи, которым они принадлежали, нежелание или неумение эвенкийской молодежи обращаться с ними, боязнь того, что со временем эти культовые изображения могут стать для них опасными, особенно когда на одном стойбище жили представители разных родов, неродственных семей, имевших разных божков. Все это привело по-видимому к желанию освободиться от фигурок духов-охранителей (Туров, 1975). Способы, которые для этого использовались, можно проследить по сохранившимся преданиям (возможно, рассказы и сами санкционировали эти способы). Среди катангских эвенков бытуют следующие рассказы.

«Однажды нашелся один храбрец по фамилии Увачан, который вызвался всех злых духов *бовадыл* уничтожить. Он их собрал от мужиков и поехал зимой на речку топить *бовадыл* в проруби. Утопил, только один выпрыгнуть хотел. Другой раз перевозили духа *бовадыл* на посвященном олене. Хозяева хотели избавиться от божка, но не знали как, и боялись. Положили его, когда кочевали, поверх седла, не приторачивая. Олень идет, трясет, а божок не упал».

«Одной женщине сказали: *малу* (божка — А. С.) оставляй в лабазе, не таскай с собой. Она в лабазе и оставила, в *потакуе* (вьючная сума — А. С.) среди манаток (вещей — А. С.) спрятала. А был один эвенк, Бояришин, на реке Кирекан бочки делал, голомо сделал. Его хотели в армию забрать. А он решил в лес от армии бежать — леший самустил (подговорил — А. С.). Уехал с колхозными оленями на реку Тэтэру. Но запасы стали к концу подходить — соль, патроны.... На Тэтэре старые лабаза. Говорит жене: «Давай теперь по лабазам пой-»

дем, может соль, табак найдем».... Баба внизу стоит, а он в лабаз залез. Через некоторое время спускается, лицо красное, ничего не говорит. Потом говорит: «Поедем, ничего трогать не будем». Но лицо красное, жар поднялся дома. Утром встать не мог. Оказывается, потакуи стал смотреть, а там маленький человечек, как ребенок, за руку его схватил, аж горячий.... А сам-то мужик без памяти уж лежит. Это он в тот потакуй залез, где малю оставлен был. Так и умер».

Итак, изображения духов-охранителей старались потерять при перекочевке, утопить в реке или оставить на лабазе. Интересно, что у некоторых эвенкийских групп, например, группы чунских эвенков, возникли даже специальные типы лабазов — хранилища культовых семейных реликвий (Туров, 1975. С. 202). Судя по моим материалам, у катангских эвенков таких особых лабазов для хранения культовых скульптурок не возникло. Последние оставались, по-видимому, на обычных лабазах и хранились вместе с другими вещами. Вот откуда, по всей вероятности, возник запрет что-либо брать с эвенкийского лабаза, особенно чужого. Так на материале катангских и чунских эвенков четко прослеживается переход от хранения культовых семейных реликвий на стойбищах к хранению их в тайге, за пределами поселений.

Существенное значение в формировании отношения к земле обитания как к «своей» имеют места захоронений и кладбищ, т. е. могилы предков. Эвенкийские традиции предполагали обычай захоронения умерших вблизи места их смерти: «Раньше куда кочуешь, если человек скончался, тут же и хоронишь». Жилой чум разбирался, оставшиеся члены семьи откочевывали на новое место и специально на старое место не возвращались. Захоронения на месте смерти отмечены и у других народов Севера, например, у нганасан, энцев, эвенов. Хотя родовых кладбищ, как «маркеров» территории, у эвенков (нганасан, энцев, др. народов) не отмечалось, в отличие, например, от ненецких «хальмеров», тем не менее существование в тайге одиночных захоронений не было произвольным, как видно из предыдущего материала. Ведь эвенки кочевали в границах (хотя и довольно размытых) определенных территорий, и объективно воздушные погребения должны были располагаться в этих границах. Интересно, что сейчас срубный дом на зимнем стойбище, в котором умер или находился покойник, эвенками, как правило, либо сжигается, либо забрасывается. Новый дом строится обязательно на новом месте.

Эвенкийские кладбища стали возникать в районе с середины XX в. В эвенкийской культуре появилась новая территория, не связанная напрямую с прежней родовой или общинной территорией, но имеющая, тем не менее, особую значимость. При этом выяснилось, что в местах проживания смешанного по своему этническому составу населения возникали, как правило, два кладбища, разделенные по этническому (национальному) признаку. В деревнях Лужки, Бур, в селе Преображенское существовали по два кладбища — русское и эвенкийское. В деревне Ика эвенков и русских до сих пор хоронят на разных кладбищах, а в деревне Хамакар, где большинство населения — эвенки и якуты — существуют эвенкийское и якутское кладбища.

Внутри эвенкийского кладбища сохраняется разделение могил (мест погребений) по семейно-родовому признаку, когда в одной ограде или просто рядом захоронены близкие родственники. Эта закономерность прослежена как на чисто эвенкийских, так и на «смешанных» кладбищах. Таким образом, желание быть похороненным в «своей» земле, представляющейся оседлым эвенкам в виде участка огороженной от всей другой земли кладбищенской территории, а также тенденция быть похороненным в одном ряду с родственниками, существует. Все эти факты следует рассматривать, по-видимому, как своеобразную психологическую адаптацию к новым культурным реалиям, а также как сохранение в новых условиях эвенкийских традиций.

В сознании современных эвенков как идеальный вариант сохраняется желание быть похороненным в лесу, на своей земле, на осваиваемой ими в прошлом или настоящем, территории, даже если они постоянно живут в поселке. Среди полуоседлых эвенков такое желание выражено, конечно, в большей степени. Дед В. Г. Коненкина (Юрьева), шаман из группы преображенских эвенков, завещал похоронить его на своих угодьях недалеко от с. Преображенское, т. к. там находилось его стойбище, там он долгое время кочевал и указанное место было для него самым любимым. Известны и другие подобные примеры.

Обычно места захоронений эвенками не посещались (Мазин, 1984. С. 64; Соколова, 1962. С. 74; Туголуков, 1980). То же самое отношение к захоронениям, находящимся как в тайге, так и за территорией поселка, сохраняется. Территории, где расположены захоронения, имеют запущенный, заброшенный вид. Отношение эвенков к таким местам неоднозначное. Заметна боязнь

этих мест. Даже родственники нечасто посещают могилы своих близких, особенно по истечении трехлетнего срока со времени похорон. «Три года ходят к могиле. Когда кочуют, останавливаются, жир, мозг сохатого в огонь бросают. Сидят, разговаривают. После трех лет не ходят». Представления о трехлетнем сроке пребывания души покойного на земле (или его способности в течение этого срока возвращаться на землю) прослеживается у тунгусов Маньчжурии (Qiu Pu. P. 106). Хандинские эвенки из Казачинско-Ленского района Иркутской области сохранили суеверное отношение к особому месту «Покойники», расположенному в 4 км от поселка, т. к. некогда там было детское воздушное захоронение в колоде (Бычков, Ямпольская, 1989. С. 66). У катанских эвенков подобные представления сейчас сохраняются. Верят, что душа покойного в течение трех лет после его смерти может ходить на свои старые места обитания и приносить вред: болезни человека объясняются вредоносными действиями покойника (его души). «Три года душа покойника возле дома ходит, в чуме вокруг чимки, икэптуна (жерди внутри чума — А. С.). Три года надо каждый вечер жир около чимки класть. А мы вспомним — бросим, не вспомним — забудем (бросить — А. С.)». Места погребений всегда окружены запретами.

3. КУЛЬТОВЫЕ И НАДГРОБНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

ШАМАНСКИЙ ЧУМ

Говоря о культовых сооружениях у эвенков, я прежде всего имею в виду такую постройку, как шаманский чум, известный в литературе под названием *нымнандяк-шэвэнчэдек*. Это сооружение описано в этнографической литературе весьма подробно (Анисимов, 1952; Суслов, 1927, 1932; Уткин, 1986; Ямпольская, 1993). Ареал распространения таких чумов был, по-видимому, достаточно обширен: они были известны у енисейских, забайкальских, приамурских эвенков. Я уделяю внимание этому специфическому сооружению с тем, чтобы возможно более полно охарактеризовать искусственную, материально-организованную среду, в том числе и такие постройки, которые прямо связаны с религиозными воззрениями и действиями. Очевидно, что в особенностях их сооружения проявилось и отношение эвенков к

пространству, а также представление о жилище как о защитном сооружении.

Как известно, камлания эвенкийских шаманов происходили или в жилом чуме, или в специально построенном для этой цели сооружении — шаманском чуме *нымнандяк-шэвэнчэдек*. На больших камланиях шаман провожал душу умершего в мир мертвых, лечил людей и оленей. Сооружение шаманского чума было связано с т. н. «большими камланиями», проводившимися нечасто и связанными с обеспечением благополучия эвенкийского коллектива. Такое специальное сооружение для камлания представляло собой целый комплекс, набор построек, расположение которых в пространстве отразило представления эвенков о мире, традиционная модель которого была трехчастной.

Нужно сказать, что специальные постройки для камланий имелись и у других сибирских народов, таких как нганасаны, селькупы. И их части также соотносились с традиционной моделью мира.

Основных частей постройки *нымнандяк-шэвэнчэдек* было три: чум *дулу*, который строился значительно больше обычных размеров, для того, чтобы вместить всех, а также подчеркнуть экстраординарность происходящего; галерея *дарне*, представляющая собой комплекс деревянных монументальных скульптур и ассоциировавшаяся с вершиной шаманской реки, верхним миром и жизнью (она располагалась перед входом в чум, с восточной стороны); галерея *онан*, ассоциировавшаяся с нижним миром, рекой мертвых, смертью и располагавшаяся за задней стенкой чума, с западной стороны (Анисимов, 1956). Занимаемый чумом круг земли символизировал средний мир, а в некоторых случаях трактовался как шаманский остров. В центре чума ставилось шаманское дерево *туру* — высокая молодая лиственница, вершина которой выводилась через дымовое отверстие.

Строился шаманский чум всегда одинаково. Его строили все мужчины стойбища (стойбищ), кроме шамана, который на последнем этапе строительства давал некоторые указания (Анисимов, 1956. С. 103). После окончания камлания шаманский чум покидали.

В архитектуре шаманского чума была выражена мифологическая модель мира. Взятые в комплексе, все три части постройки создавали материальное воплощение триединого образа мира, особое сакральное пространство. По-видимому, это пространство

не теряло своей значимости и после окончания камлания, использования построек.

Перед большим камланием обязательно приносили в жертву оленя (или оленей), шкуры которых вешали вокруг чума на деревьях, или устанавливали специальный жертвенный шест (*локогор*) с распяленной на нем шкурой оленя, заколотого при обрядах с участием шамана. Одну фотографию такого жертвенного места сделал В. Я. Шишков, из его описания следует, что «эта шкура предназначена в церковь в с. Кежму, как жертва Богу. Наверху (см. против середины шкуры) сделаны из дерева изображения сохатого. Он несет Богу жертву на юг, «в светлый день». Север считается «темным днем». Снято в 150 в. от устья Илимпеи, по пути в Аннавара» (Шишков, фотоальбом).

Об одном из таких мест мне рассказал эвенк Г. Г. Горбунов. Попал он туда случайно в октябре во время пушной охоты. Место было расположено на бугре, на высоком берегу реки. Там стояли остовы чумов. Площадка размером примерно 100 кв. м., расположенная в центре, была занята фигурами лошадей, вырезанными из дерева, «с ногами, как настоящие». Всего на площадке находилось около 10 фигур, в том числе скульптурные деревянные фигуры птиц, установленные на верхушках засохших деревьев. Когда он рассказал об увиденном своей бабушке, она запретила внуку охотиться в том месте, поскольку, по ее объяснению, прежде там происходили большие шаманские камлания. Возможно, что такое пространство становилось притягательным для разнообразных духов, и вообще навсегда несло на себе печать прошлых действий. Оно не теряло своей значимости и после окончания камлания, использования построек по прямому назначению, даже по прошествии многих лет.

НАДГРОБНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Среди надгробных сооружений типа *сэргэ* можно выделить следующие разновидности. Первая — это высокий деревянный крест с оригинальными навершиями, представляющими собой несколько расположенных друг над другом цилиндров («куполов»), между которыми идет выемчатая часть. Таких куполов могло быть, по сообщениям информантов, до трех. Чем больше было их количество (максимум — три), тем старше возраст умершего. Такие резные столбы устанавливались в сочетании с голбцом (рис. 75а, б). Другая разновидность — деревянный резной столб, вко-

панный в землю, с фигурно выполненной средней частью и навершием в виде пятиконечной звезды (рис. 75в). Третья — деревянная вертикально поставленная тумба (высотой около 0,7–0,8 м и площадью 0,25х0,25 м), чуть суживающаяся кверху. Сверху к двускатному навершию тумбы приделана палка с двумя развилками, одной большей, другой меньшей по размеру (рис. 75г). Четвертая разновидность — деревянный невысокий (около 1,2 м) столбик, нижняя вытянутая часть которого вкопана в землю, средняя — выемчатая и верхняя — чуть расширяющаяся кверху, с двускатным навершием (рис. 75д).

Кроме подобных надгробных сооружений, встречаются обычные деревянные кресты, сильно вытянутые, с двускатной кровлей вверх, тумбы, деревянные тонкие и короткие столбики. По-видимому, прежде типы надгробных сооружений различались в зависимости от возраста умершего. Детям, например, не делали цилиндры («купола») на памятниках. Обычно над могилами детей ставили прямые деревянные, «как стрела», столбики (рис. 75е).

Учитывая, что традиция подземных захоронений появилась у эвенков относительно недавно, можно думать, что установка надгробных сооружений и сами их разновидности являются заимствованием у соседних народов — якутов, русских.

На юге района среди надгробных сооружений встречаются различные разновидности памятников в виде деревянных крестов, 4–6-угольных (рис. 75ж, з). В последнее время на могилах устанавливают стандартные тумбы с навершием в виде пятиконечной звезды, для пожилых людей — с навершием в виде креста. Очень распространено огораживание могил.

Вещи покойных оставляются вблизи могил на деревьях или горизонтальных жердях (рис. 76). Они намеренно портятся. Кроме того, к надгробным сооружениям привязывают длинные тряпичные ленты. С чем это связано, точно выяснить не удалось.

По рассказам, шаманы хоронили как обычных покойников. Но были и различия. Предвидя свою смерть, шаманы заранее делали завещание, где их похоронить, что нужно положить в могилу. Например, дедушка В. Г. Юрєва (Коненкина) завещал похоронить его в 20 км от Преображенки в лесу на любимом месте, где часто устраивал стойбище.

Места погребений всегда окружены запретами и поведение людей на кладбищах, вблизи одиночных захоронений, регламен-

тировано: нельзя ничего брать с кладбища, дотрагиваться до надмогильных сооружений и вещей покойного, оставленных вблизи могил. Когда приходят на кладбище или к захоронению в тайге, обязательно закуривают, бросают на землю табак, особенно там, где будут ходить. Подобные места существуют одновременно и внутри освоенного пространства, и в то же время вне его благодаря запретам и охранительным мерам.

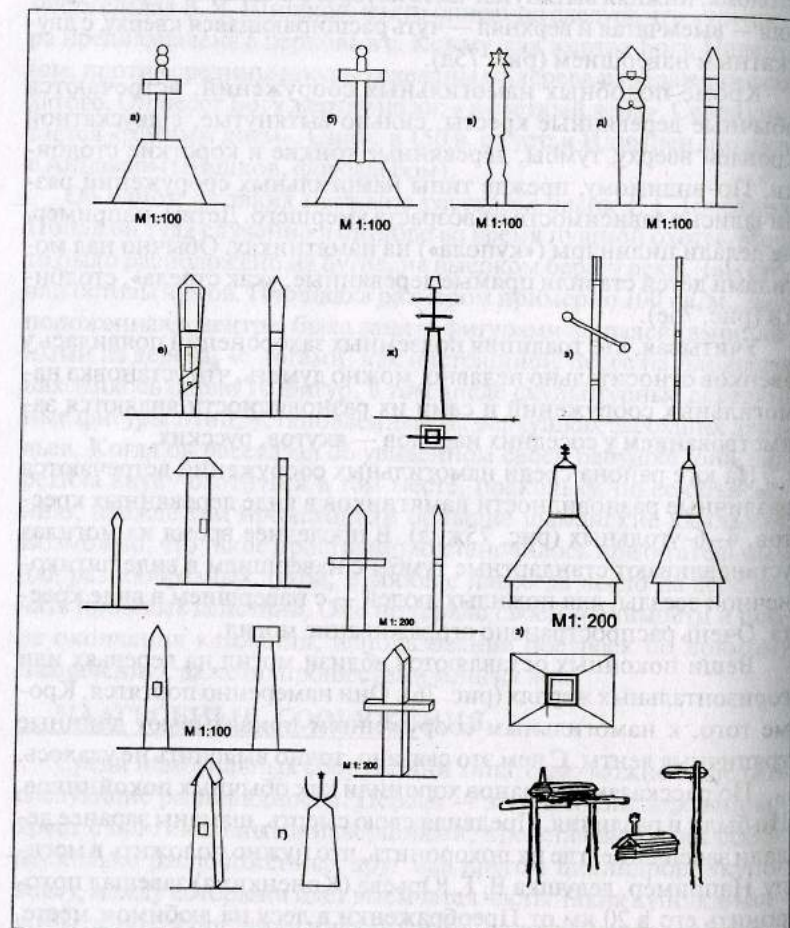

Рис. 75. Типы надмогильных сооружений (Наканно, Ербогачен, Темей).
Fig. 75. The types of tombstones (monuments). Drawing by E. & G. Trubinov.

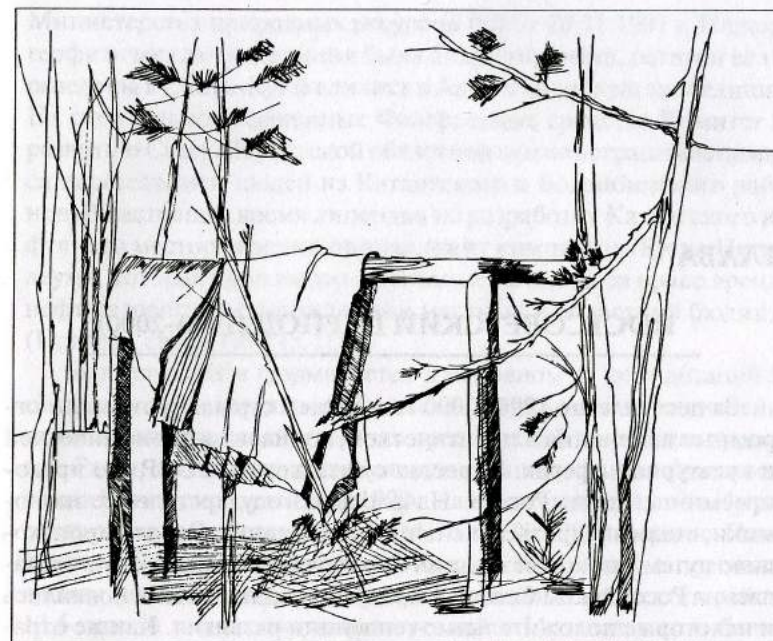

Рис. 76. Оставление вещей умершего вблизи погребения на жерди локоуна. Рисунок Е. и Г. Трубиновых.

Fig. 76. The horizontal pole lokoun, where the things of a dead there are left on. Drawing by E. & G. Trubinov.

ГЛАВА V

ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1990–2000)

За десятилетие 1990–2000 гг. в нашей стране произошли огромные изменения в политической, социально-экономической и культурной сферах. Перестал существовать СССР, его правопреемницей стала Россия. Началось разгосударствление экономики, стали внедряться рыночные отношения. Все это происходило путем «шоковой терапии», которая особенно больно сказалась на Российском Севере. Наряду с отрицательными появились и некоторые положительные тенденции развития. Как же отразились социально-экономические перемены последних лет на жизни исследуемого мной региона, и конкретно, эвенков?

ЭКОНОМИКА РАЙОНА

К началу рассматриваемого периода времени экономика района базировалась на охотничье-промысловом хозяйстве. Из-за отдаленности района от транспортных центров и трудностями с доставкой топлива и грузов район был дотационным.

В Катангском районе работали геологоразведочные экспедиции, которые хорошо финансировались государством. К началу 1990-х гг. геологи открыли в бассейнах рек Нижняя Тунгуска, Лена и Чона 10 месторождений нефти и газа. Одно из них — Ковыктинское — находится на территориях Жигаловского и Казачинско-Ленского районов Иркутской области. Оно начинает интенсивно осваиваться и захватывает территорию проживания и традиционного природопользования хандинских эвенков. Нефть и другие полезные ископаемые Катанги рано или поздно тоже будут востребованы. Но пока за последние десять лет произошло резкое свертывание геологических работ в районе. Решением

Министерства природных ресурсов РФ от 29.11.1997 г. Непская геофизическая экспедиция была ликвидирована, остатки ее переведены в г. Усть-Кут и влились в Ангара-Ленскую экспедицию. На специально выделенные Федеральные средства Комитет по развитию Севера Иркутской областной администрации занимался переселением людей из Катангского и Бодайбинского районов. В настоящее время лицензия на разработку Катангского нефтяного месторождения принадлежит компании «Русия Петролеум», которая производит ежегодные выплаты за право аренды нефтегазового месторождения в местный и областной бюджеты (Правда Севера. 1999.15.11).

Бюджет района формируется в основном за счет дотаций из областного и федерального бюджетов, а также за счет отчислений от деятельности хозяйственных предприятий по добыче пушнины. Район имеет узко промысловую специализацию. Администрация Катангского района в 1992 г. на основании решения Иркутского областного совета №11/14МС от 16.09.1992 утвердила Положение «Об аренде охотресурсов в Иркутской области» и передала в аренду физическим лицам из числа жителей Катангского района 13,6 млн. га лесных охотничьих угодий и 14 тыс. га водно-болотных охотничьих угодий. Среди арендаторов насчитывается 600 человек, в т.ч. более 120 эвенков. Охотничий промысел дает средства для существования 40% населения, а продукцией любительского рыболовства и дикоросов пользуются все. При официальной 20% безработице в районе в 1998 г. единственным постоянным источником дохода части населения являются пушная и мясная охота, рыболовство (Материалы Комитета по развитию Севера администрации Иркутской области).

В связи с перестройкой и социально-экономическим кризисом последних лет в организации хозяйства и землепользовании произошли существенные изменения. Была отменена государственная монополия на торговлю пушниной. Вместо промыслового хозяйства, которое в небольших масштабах развивало также сельскохозяйственные отрасли, отвечало за социальную инфраструктуру поселков, появились новые хозяйственные предприятия с частной, коллективно-долевой (акционерной), иными формами собственности.

На основании ст.36 Федерального закона «О животном мире», ст.8 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (30.04.1999), ст.7 За-

кона Иркутской области «О территориях традиционного природопользования» (1997)*, данных регионального охотобщества по согласованию с Управлением по охране, контролю и использованию животных Иркутской области, к 2000 г. в районе десяти юридических лиц имели закрепленные охотничьи территории и обладали правом получения лимитов на соболя. Среди них были следующие:

Таблица 8

Название организации	Площадь территории (тыс. га)	Главы
ЗАО «Катангская пушнина»	4, 624,7	А.А.Андреев
ЗАО «Сибирь»	4, 524,8	
ЗАО «Север»	527	В.Н.Меньшов
ООО «Гиркил»	1,762,2	Н.М.Пачинская
ООО «Ерема»	348,8	А.П.Кошкин(?)
ООО «Ермак»	295,2	
Катангское РООиР	280,8	
ООО «Дэнкэ»	258,8	И.Глушенко
Гос.резерв.охот.фонд	113,5	
МП «Энергия»	716	В.И.Кинякин
ИТОГО	13,451,8	

* После принятия Федерального Закона «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (11 мая 2001 г.) Закон Иркутской области был отменен в связи с несоответствием Федеральному.

(Таблица составлена на основании данных, представленных охотоведом Н.П.Коненкиным).

Они занимаются организацией охотничьего промысла, снабжением охотников (по сути — по принципу дореволюционной «покрыты») и закупкой пушнины. Сбор дикоросов приостанов-

лен, молочное животноводство сохранилось в очень небольших масштабах. В 1997 г. еще содержались небольшие стада крупного рогатого скота и табуны лошадей: в Ербогачене — 34 лошади, в Ереме — 22 лошади, 21 голова крупного рогатого скота; в Преображенском — 153 лошади, 189 голов крупного рогатого скота, в т.ч. 34 коровы. В период реорганизации промысловых хозяйств часть крупного рогатого скота была продана в частные руки.

Все эти организации возникли на месте бывших промысловых хозяйств в результате их разукрупнения и дробления. Например, ООО «Дэнкэ» был Инаригдским производственным участком Катангского отделения коопзверопромхоза; ЗАО «Катангская пушнина» было центральным участком Катангского промхоза (Ербогаченское отделение); ЗАО «Сибирь» — Преображенским коопзверопромхозом; ООО «Ерема» — Еремским участком Преображенского коопзверопромхоза (рис. 77). Даже руководители большинства новых хозяйств остались прежние. Новым элементом в конкурентной борьбе теоретически могли стать национальные (родовые) общины, о которых пойдет речь ниже.

Бывший старший охотовед Катангского промыслового хозяйства, ныне охотовед Катангского районного охотобщества В.П.Коненкин подчеркнул, что «...Ввиду мозаичности закрепленной территории никто из руководителей охотхозяйств описание границ представить в настоящее время не может».

Охотники получили право выбирать, с какой хозяйственной организацией — юридическим лицом — им хотелось бы сотрудничать, и «приходят» туда со «своим» участком охотничьей территории, находящимся у них в долгосрочной аренде. Мне приходилось слышать мнения некоторых охотников-арендаторов, в основном части приезжих и русских старожилов относительно перспективности права частной собственности на охотничьи участки.

Согласно существующему законодательству, долгосрочные лимиты выделяются только для юридических лиц, пользование объектами животного мира осуществляется на основании разовых именных лицензий на добычу определенного количества объектов животного мира. Охотник обязан добыть его в сроки, установленные лицензией и в строго определенных ею количествах. Постановлением губернатора Иркутской области №11 от 08.01.1998 г. установлена плата за пользование объектами животного мира. Вопрос с лицензиями решается на уровне областных структур, зависит от оценки запасов животных и помогает вести

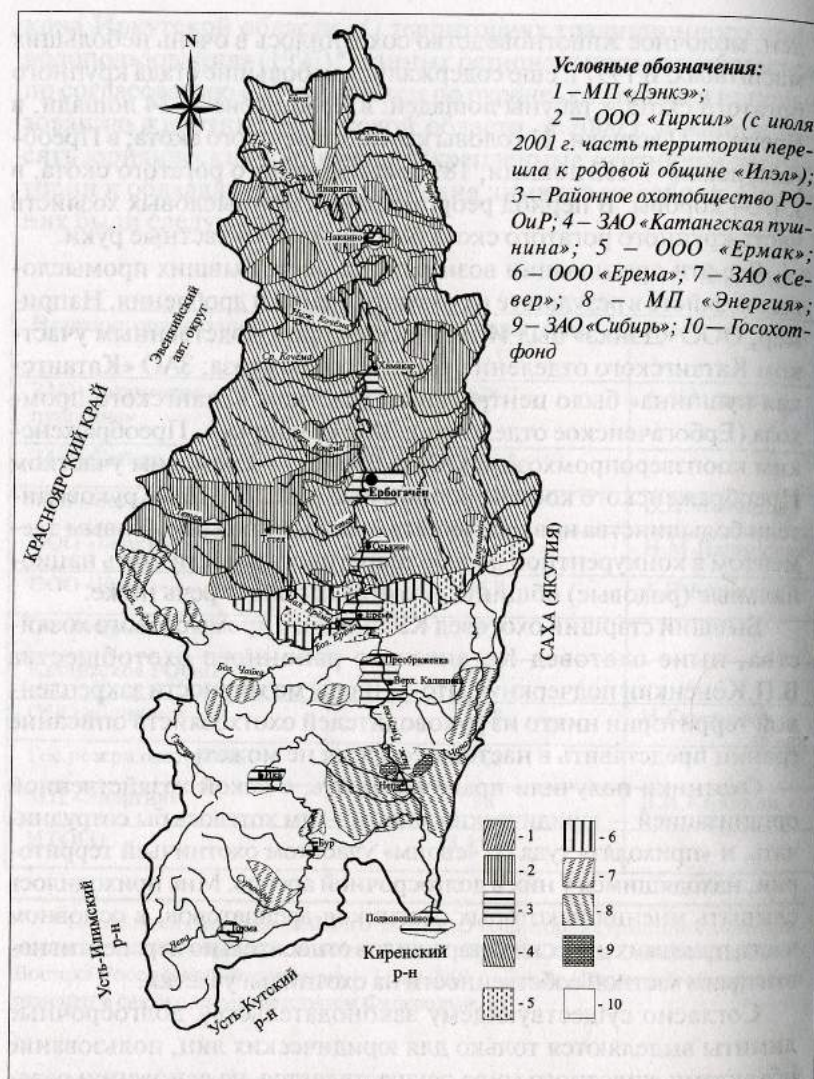

Рис. 77. Распределение охотничьих территорий после реорганизации промысловых хозяйств. 2000 г. Карта представлена охотоведом В.Г.Коненкиным.

Fig. 77. The distribution of the Katanga district territories among the hunting enterprises after the reorganization of hunting farms took place. 2000.

послепромысловый учет. В Иркутской области в декабре 2001 г. областной Думой был принят в первом чтении и отправлен на доработку Закон «Об охоте». В нем пока не предусмотрено упрощение процедуры получения лимитов на объекты животного мира для таких категорий природопользователей, как народы Севера и русские старожилы.

НАСЕЛЕНИЕ

За период с 1989 по 2000 гг. численность населения в районе сократилась почти на 4000 чел. и составила 5 647 чел.,* приблизившись к показателям Переписи 1959 г. В районе живет 557 эвенков. Их численность остается относительно стабильной, а доля в общем составе населения возросла с 5,8% до 9,8%. По-видимому, относительно стабильной осталась и численность русского старожильческого населения. Сокращение населения произошло из-за свертывания геологоразведочных работ. Был ликвидирован геологический поселок Надеждинск, откуда люди выехали в города и районные центры Иркутской области (Ангарск, Братск, Иркутск), в европейскую часть России. Много геологов выехали из с. Ербогачен. Тем не менее, в будущем, в случае начала разработки найденных полезных ископаемых, можно прогнозировать увеличение численности населения в районе. Такие данные показывает и сравнительное исследование на примере Аляски и Австралии (J.Taylor, 1991).

В последнее десятилетие XX века для большинства народов Севера России были характерны интенсивные внутрирайонные миграции. Не являются исключением и эвенки Катанги, миграции которых направлены из мелких населенных пунктов в районный центр Ербогачен, где больше шансов найти хоть какую-то работу, несколько лучше снабжение. При переезде в райцентр была возможность улучшить жилищные условия за счет выезжающих с Севера. В 1996 г. в районный центр переселились 5 эвенков из п. Инаригда, 3 из д. Еремы, 4 из Хамакара.

Другая тенденция — миграции эвенков за пределы района, по-прежнему в соседнюю Эвенкию, а также города и районные цен-

* Хотя Всероссийской переписи не проводилось с 1989 г., промежуточные переписи ежегодно проводятся в каждом населенном пункте и районе. Я пользуюсь здесь официальными неопубликованными данными Катангского районного отдела статистики.

тры Иркутской области. В 1996 г. из Инаригды выехали в Туру Эвенкийского а.о. Красноярского края 2 эвенка. За пределы района выехали 3 эвенка из Хамакара, 3 из Еремы (в г. Братск Иркутской области). В 1999 г. выбыло из района 19 эвенков, прибыло 5, в 2000 г. выбыло из района 12 эвенков, прибыло 3 (Данные Катангского районного отдела статистики). Активные передвижения немногочисленного эвенкийского населения вызвали беспокойство в администрации Иркутской области, откуда в район направили специальное письмо с требованием подробного отчета о текущих демографических изменениях и миграционных процессах.

За последние 10 лет среди народов Севера Иркутской области упала рождаемость и осталась на том же уровне смертность, составив на 1000 человек: рождаемость — 15,3, смертность — 17,0. В Катангском районе эти цифры соответственно составляют 12 (уменьшилась с 1988 г. по 1999 г. в два раза) и 10—15.

Продолжительность жизни женщин составляет 49 лет, мужчин 46 лет. Эти же показатели в среднем по области для женщин — 68 лет, для мужчин — 55 лет. На первом месте среди причин смерти — травмы, отравления, несчастные случаи, на втором — сердечно-сосудистые и онкологические заболевания, на третьем — туберкулез (Материалы Комитета по развитию Севера администрации Иркутской области). По опубликованным данным, 2,4% смертей у эвенков составлял суицид (самоубийства) (Правда Севера, 18.01.1997).

Традиционно высоким остался уровень смешанных браков, особенно эвенкийских женщин, с представителями разных народов.

Лишь небольшая часть эвенков улучшила свои жилищные условия благодаря переезду в районный центр. В 1998 г. по Катангскому району 379 эвенков, или 124 семьи, стояли на учете на улучшение жилищных условий, больше всего — в Ербогачене (194 чел.), Наканно (73 чел.), Хамакаре (49 чел.) (Материалы Комитета по развитию Севера администрации Иркутской области).

Большинство эвенков имеют среднее и неполное среднее образование. В 2000 г. из 332 трудоспособных эвенков работало 115 человек, в том числе в сфере сельского хозяйства — 55 (из них охотников — 43), в образовании — 34, в здравоохранении — 8, культуре, искусстве — 7, в управлении — 7 (Данные Катангского районного отдела статистики). Таким образом, безработица среди эвенков района составляет около 50%, а в отдаленных поселках доходит до 80%.

Таблица 9

ЧИСЛЕННОСТЬ НАРОДОВ СЕВЕРА ПО ПОЛУ И ВОЗРАСТУ НА 01.01.2000

НАИМЕНОВАНИЕ СЕЛЬСКИХ АДМИНИСТРАЦИЙ	ВСЕГО НАСЕЛЕНИЯ	ВТ.Ч. ЭВЕНКИ	МУЖЧИНЫ				ЖЕНЩИНЫ			
			0-15		16-59		0-15		16-59	
			28	63	6	97	32	65	14	111
Ербогаченская с.Ербогачен д.Тетя	2348 2271 77	208 136 72								
Наканновская с.Наканно д.Инаригда	162 148 14	75 70 5	20	22	2	44	14	14	3	31
Кондогирская Оськинская	162 69	138 6	23	40	3	66	31	36	5	72
Еремская	102	13	1	2		3		3		3
Преображенская с.Преображенка д.В.Калинина д.Мота	724 649 64 11	27 24 3 7	5	2		7	8	11	1	20
Нельская	447	6	1	2						
Икская	104	24	4	8		3	1	1	1	3
Бурская	189	17	3	8		12	4	6	2	12
Токминская	127	43	9	10	1	11	1	3	2	6
Поволошинская с.Поволошино п.Належдинск	1213	-	-	-	-	20	5	17	1	23
ИТОГО	5647	557	95	161	12	268	98	161	30	289

* Таблица составлена на основании данных Катангского районного отдела статистики.

СВОЕОБРАЗИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

Своеобразие местной социальной среды состоит в том, что здесь уже более трех веков по соседству с эвенками живут русские старожилы. Эти две группы населения во многом сблизились по своим культурным особенностям (Сирина, 1999). Русские старожилы Сибири на протяжении последних десяти лет постоянно поднимают вопрос о приравнивании по статусу к коренным малочисленным народам Севера на том основании, что они исторически живут на Севере и так же, как коренные малочисленные народы Севера, зависят от природной среды. Особенно активно этот вопрос поднимался группами русских старожилов Якутии, Камчатки, Магаданской области. Поднимался этот вопрос и русскими старожилами Катангского района, о чем подробнее будет сказано в разделе «Закон». В этом и подобных ему районах межэтнических контактов не работают схемы изучения отдельных народов: необходима целостная характеристика всей социальной, этнокультурной среды.

В 1970–71 гг. в Непском отделении Преображенского КЗПХ было 57 охотников (как штатных, так и любителей). Это были в основном русские старожилы (Боковиковы, Верхотуровы, Инешины, Зарукины), причем часть их довольно солидного возраста: двоим охотникам было по 75 лет, одному даже 83 года. В Ереме среди 23 охотников были как русские старожилы (Фарковы, Верхотуровы, Сафьянниковы, Головченко), так и эвенки (Сычегир, Бояршины, Каплины). В д. Бур охотились 33 человека, из них 15 — штатных. Одиннадцать охотников имели старожильческую фамилию Кузаковы, были здесь и эвенки Немтушкины, Салаткины, Черончины. Обычно наследование охотничьих участков такими охотниками прослеживается на несколько поколений, до середины XVIII—начала XIX века. Эвенки и русские старожилы нередко составляли совместные охотничьи коллективы. Даже в период работы Комитета Севера и создания коммун и артелей эвенки и русские юга района высказывались за создание совместных промысловых коллективов.

ХОЗЯЙСТВО

По данным, собранным В.П.Кривоноговым в соседней с Катангским районом Эвенкией, доля эвенков, профессионально

занятых в традиционных отраслях хозяйства, постоянно сокращается. Однако на любительском уровне среди них к охоте и рыболовству имели отношение 94,9% мужчин и 77,3% женщин (Кривоногов, 2001. С.24–25). Учитывая уровень безработицы, доходящий до 80% в отдаленных поселках Катангского района, охота и рыболовство сегодня являются единственными, не считая социальных пособий, традиционными способами жизнеобеспечения большинства эвенков.

Если охотой занимается практически все население района, то оленеводство почти исключительно занятие эвенков. Оленеводство на севере Иркутской области транспортное, и повсюду в Сибири оно неуклонно сокращается. Из 107 ареалов оленеводства осталось 80, 27 исчезли. Практически все исчезнувшие ареалы находились в таежной зоне Сибири (Хрущев, Клоков, 1998. С.14). За период с 1991 по 1999 годы поголовье оленей сократилось в Читинской области с 8,6 тыс. до 0,9 тыс.; в Эвенкийском автономном округе с 27,7 тыс. до 2,4 тыс., в Хабаровском крае с 38,5 тыс. до 9,8 тыс. (Архив ИЭА РАН. Статистические материалы из регионов 2000г.). В Иркутской области к 1960–м годам оленеводство исчезло в Качугском районе, в южной половине Катангского района, в Мамско-Чуйском районе. Причины сокращения оленеводства необходимо рассматривать не только в контексте сложной социально-экономической ситуации в стране. Они связаны с интенсивностью промышленного и, в меньшей степени, сельскохозяйственного освоения таежных регионов, противоречием между кочевым образом жизни охотников и урбанизированной культурой, внедрением моноотраслевого хозяйства, которое находится в абсолютном противоречии с «северной триадой» комплексного хозяйства эвенков. Следствие этого — глубокий духовный кризис, серьезные изменения в сознании, во всех сферах жизнедеятельности. Конкретные проявления этих процессов — неблагоприятные демографические тенденции, социальная апатия и иждивенчество, изменение отношения к традиционным занятиям.

Олени в Катангском районе находятся в частных руках. Их количество сократилось с 350 в 1981 г. до 143 (из которых 87 ездовых) в 2000 г., то есть за двадцать лет в два раза. Соответственно уменьшилось число семей и территориально-соседских объединений, которые занимаются оленеводством. В 1994 г. оленей держали в 11 семьях; сейчас таких семей осталось 8 (сюда входят и

неполные семьи). Оленеводство исчезло в районах поселков Инаригда, Наканно и Хамакар — на севере района, на границе с Эвенкийским автономным округом. Уже в конце 1980-х годов оленеводством занимались всего 2–3 семьи из Хамакара и Наканно. Попытки геологов возродить оленеводство в специально сооружаемых изгородях в окрестностях Наканно (с помощью местных жителей) не были успешными. Там, где у эвенков транспортное оленеводство исчезает, сразу же сокращается осваиваемая ими территория.

ЗАКОНЫ

Среди положительных тенденций развития в последние годы можно назвать внимание законодателей к решению проблемы осуществления прав малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на традиционное природопользование и образ жизни. Эта проблема связана прежде всего с осуществлением прав на конкретные территории. До мая 2001 года образование территорий традиционного природопользования в Иркутской области, как и в других северных регионах России, где живут народы Севера, регулировали местные законы, принятые на основании Указа Президента РФ от 22 апреля 1992 г. № 397 «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера». В Иркутской области 03.10.1997 г. был принят закон № 38–03 «О территориях традиционного природопользования в Иркутской области», который регулировал правоотношения в этой сфере. В связи с принятием в мае 2001 г. Федерального Закона «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» действие закона Иркутской области было приостановлено.

С 1997 г. закон Иркутской области о территориях традиционного природопользования был регулятором правоотношений эвенков и русских старожилов. На основании этого закона, а также ряда других федеральных и местных законов были организованы родовые общины.

Закон состоял из 3 разделов и 17 статей, где были даны определения базовых понятий закона — «традиционное природопользование», «территории традиционного природопользования», «коренные малочисленные народы Севера». В законе было еще

одно определение — «коренное население территории», которое не встречается в Федеральных законах. Это «граждане РФ, чье существование и доходы полностью или частично основаны на традиционных системах жизнеобеспечения, постоянно проживающие наряду с малочисленными народами Севера на данной территории и включенные Постановлением губернатора области в группу населения, приравненного к малочисленным народам Севера и этническим общностям». Однако упомянутого Постановления губернатора не было принято и маловероятно, что оно когда-либо будет принято.

Знакомство с проектом Постановления показало, что оно должно было изменить статус русского старожильческого населения Катангского района, уравнив его с эвенкийским населением в отношении прав на возобновляемые природные ресурсы. В проекте Постановления губернатора Иркутской области, подготовленном в 1998 году активистами из Катангского района, говорилось: «...приравнять граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Катангского района, чьи предки постоянно проживали в районе и чье существование полностью или частично основано на традиционной системе жизнеобеспечения ... к малочисленным коренным народам Севера в части пользования приоритетными (наземными) природными ресурсами». В подготовке проекта и самой постановке вопроса активно участвовали русские старожилы, в частности, Анатолий Иванович Юрьев, у которого в родне были эвенки. В начале 1980-х годов он работал председателем Ербогаченского сельского совета, в начале 1990-х был консультантом мэра района. Официальные письма-запросы от руководителей Катангского района пришли в областную администрацию. В ответ областное руководство предлагало определить «критерии и параметры», по которым русские старожилы района могли бы быть приравнены к коренным малочисленным народам Севера и вычислить «предполагаемые финансовые потери в результате принятия такого проекта» (Материалы Иркутской областной администрации, папка «Катангский район»). В ответе из Ербогачена было сказано, что «...отнесение граждан к той или иной этнической группе производится по формальным признакам», что абсолютно верно для этого региона с точки зрения политики социального (включая этническое) конструирования (Андерсон, 1998). Руководство района настаивало на уравнивании прав эвенков и русских старожилов с целью

предотвращения возможных конфликтов на национальной почве: «жители одного населенного пункта, в равной степени переносящие тяготы жизни в условиях Крайнего Севера, одинаково зависимые от природы, но по чисто формальным признакам относящиеся к разным этническим группам, не будут иметь прав на возобновляемые природные ресурсы, что создаст дополнительную социальную напряженность» (Материалы Иркутской областной администрации, папка «Катангский район»). Среди критериев был предложен факт постоянного проживания на территории района. В областной администрации была создана рабочая комиссия с привлечением специалистов, ученых и практиков, и в результате постановление не было принято.

Попытка ввести в областной Закон понятие «коренное население территории» отразила нерешенность проблемы русских старожилов Сибири в районах, где коренное и пришедшее население XVII–XVIII вв. живут по соседству и чья зависимость от природных ресурсов территорий почти равнозначна. Можно и нужно говорить также и о формировании у русских старожилов особой духовной ассоциации и общности с землей. Пока проблема русских старожилов решается в контексте национальности: например, камчадалы Камчатской и Магаданской областей, которых многие ученые и сами жители рассматривали и рассматривают как этнографическую группу русских, недавно были признаны отдельным народом Севера, благодаря многолетним и многочисленным обращениям самих жителей. Так они смогли доказать свою «укоренённость» и, что немаловажно, получить законодательный доступ к ресурсам и льготам. Недавно принятый Федеральный Закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» в принципе оставляет возможность участия подобных групп населения в создании территорий традиционного природопользования (ст.3).

Основной задачей создания территорий традиционного природопользования было закрепление природно-ресурсной базы за конкретными пользователями (курсив мой — А.С.). В качестве субъектов таких территорий могли выступать семьи или физические лица. Территории передавались в пожизненно наследуемое владение или в аренду на срок от одного года до 49 лет. Аренда прекращалась в случае либо смерти владельца и отсутствия наследников, либо в случае использования охотничьего участка не

по целевому назначению, нарушения традиционного природопользования (ст.10).

Территория могла быть образована по заявлению претендента из числа народов Севера на имя главы местной администрации. Заявление должно было включать обоснование границ и площади территории (по каким критериям — не было указано — А.С.), списочный состав субъекта территории, срок аренды с указанием видов и форм хозяйственной деятельности. Затем этот вопрос должен был быть согласован со специальным уполномоченным государственным органом в области охраны окружающей природной среды. Окончательное решение принимала областная администрация (ст.5). В случае спорных вопросов, притязаний на одну и ту же территорию третейским судьей должен был быть глава местного самоуправления, который подписывал согласительный договор (ст.4).

В случае промышленного развития, «...отчуждение (изъятие) земель происходит в исключительных случаях и с согласия арендатора (владельца) территории и «коренных жителей», интересы которых затрагиваются отчуждением». Вопрос должен был обсуждаться на сходе (общем собрании) коренных жителей. Механизмы воплощения в жизнь провозглашенных в Законе гарантий возмещения убытков не были разработаны. Главы местного самоуправления с согласия арендатора могли выделять в пределах его территории участки для любительской охоты, рыбной ловли (не уточнено, по чьему представлению — властей или владельца — это может делаться). Была разрешена предпринимательская деятельность в рамках традиционных промыслов (ст.18).

В целом надлежащим образом решить правовые проблемы, касающиеся территорий традиционного природопользования, до принятия Федерального Закона «О территориях традиционного природопользования...» не удалось. Основная базовая концепция нового Федерального Закона — это отнесение территорий традиционного природопользования к особо охраняемым природным территориям, и регулирование отношений в этой области в основном на базе природоохранного законодательства. В настоящее время идет выработка подзаконных актов, новый Федеральный Закон начал действовать.

РОДОВЫЕ ОБЩИНЫ

В результате реорганизации колхозов, совхозов и коопзверопромхозов на Севере России на их месте стали возникать в том числе и так называемые «родовые общины». Причина их создания, несмотря на многообразие поводов, заключалась в желании выжить в условиях отсутствия государственной помощи и обрести права на земли (территории). В Иркутской области к 2000 г. работали четыре родовые общины (или их объединения): одна тофаларская и три эвенкийских.

Вершино-Хандинская эвенкийская община Казачинско-Ленского района возникла как ответ на начало промышленного освоения земель, где жили, охотились и рыбачили жители д.Вершина Ханды, чтобы получить права на территорию и возможные компенсации за отторгнутые или испорченные земли.

Верхне-тутурская эвенкийская община в Качутском районе возникла для обеспечения возможности самостоятельно вести охотхозяйство и закрепить территории традиционного природопользования.

Возможность законодательным путем приобрести права на охотничьи и рыболовные участки стала причиной формирования объединения эвенкийских родовых общин «Гиркил», которое было зарегистрировано 12.11.1999 г. Был подготовлен общий устав, учрежден совместно-долевой капитал. Постановлением №164 за объединением была закреплена территория площадью 1762,2 тыс.га для осуществления охотничье-промысловой деятельности. Объединение родовых общин «Гиркил» сразу же приобрело функции «национальной» промыслово-заготовительной организации. Среди учредителей были родовые общины поселков Наканно (19 чел.), Хамакар (19 чел.), Тетя, Ербогачен. Среди членов общины — эвенки и русские старожилы. В «Гиркил» вошли 109 охотников, которые и сформировали из охотничьих участков, находящихся у них в аренде, территории традиционного природопользования. Размеры участков варьировали от 3 до 70 га на человека. Судя по регистрационным документам общины, ее состав не устоялся. Нередко охотники-эвенки переходят из одной хозяйственной организации в другую, не выплачивая старые долги. Это привело к тому, что руководители наиболее крупных охотхозяйственных предприятий района договори-

лись совместно применять санкции к тем, кто уклоняется от возврата кредитов.

Моряка (прозвище эвенка — А.С.) взяли сократили как охотника в промхозе. Знаешь из-за чего? Моряк сдал шкурку соболя не в промхоз (по-прежнему Т. продолжает называть Акционерное Общество промхозом — А.С.), а в другую организацию, а А. (директор Акционерного Общества — А.С.) узнал и сократил его. Нет, территорию не отобрал. До смешного доходит. Русланка у нас уборщицей. Ей братья дали соболя. Ну не было в промхозе денег, естественно она пошла в другое место, где еще подороже принимали. Почему она не может сдать куда хочет? Так директор пришел и сказал ей: увольняйся. И причину потом нашли и ее уволили из промхоза.

В конце 2000 г. предполагалось создание практически во всех поселках на юге района родовых общин, а именно (таб. 10):

Таблица 10*

Деревня	Количество охотников	Площадь охотничьей территории (тыс.га)
Непа	32	603
Токма	28	654,8
Бур	13	225,5
Ика	19	397,1
Ерема	3	55,9
Подволошино	15	274,9
Преображенка	21	719,5
ИТОГО	131	2932,7

*таблица составлена по материалам районного статистического комитета

Община «Гиркил» получила помощь от Федерального и областного бюджетов по линии народов Севера на приобретение карабинов, охотничьего снаряжения. Однако она не выполнила своих функций и оказалась в долгах из-за неподготовленности к серьезной коммерческой деятельности в условиях конкуренции с уже давно работающими на местном пушном рынке организациями. Видя неумение и незаинтересованность ее руководства в

долгосрочном развитии общины, значительная часть охотников потеряла к ней доверие.

Подчеркну, что не все эвенки приняли решение объединиться в общине «Гиркил», или возникшей позже «Илэл». Некоторые предпочитают (причем среди них есть и неоседлые эвенки, имеющие оленей) работать не в национальных хозяйственных объединениях, а в других хозяйственных структурах. В связи с этим важно защитить сложившуюся этнокультурную среду с приоритетным правом на традиционный образ жизни для аборигенов этих мест — эвенков. В этом случае и интересы русского старожильского населения должны быть приняты во внимание.

28 июня 2001 г. в с. Ербогачен на основании решения общего собрания охотников-эвенков Катангского района в соответствии с Федеральным Законом «Об общих принципах организации Общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 6.06.2000 г. была создана еще одна община малочисленных народов Севера «Илэл» («Люди»). Она была зарегистрирована Постановлением мэра района № 101—П от 16.07.2001 г. Эта община организована как общественная организация-охотпользователь, «помощник и защитник простого охотника, как из числа малых народностей так и любых других национальностей». Администрация района выделила и закрепила за общиной «Илэл» охотугодья площадью 1581,4 тыс. га после согласования с руководителями всех организаций-охотхозяйств. В общину «Илэл» вошли как эвенки, так и русские, как старожильское, так и приезжее население. Возможно, именно благодаря такому составу при возникновении препятствий со стороны начальника Облохотуправления на выдачу долгосрочных лимитов, общинники стали активно защищать свои права и обратились в самые высокие инстанции в Москве, в частности, в один из Комитетов Государственной Думы и в правительственные структуры. Насколько известно, жалоба их была удовлетворена (Материалы Комитета по Северу администрации Иркутской области).

По-видимому, с принятием Федерального закона «О территориях традиционного природопользования...», закона Иркутской области «Об охоте» (2001 г.) и других развитие ситуации в районе пойдет новыми путями. Очевидно, будут созданы территории традиционного природопользования как особо охраняемые природные территории в Катангском, а также Казачинско-Ленском

и Качугском районах Иркутской области, где живут эвенки. О необходимости создания таких территорий как особо охраняемых природных территорий говорят проблемы, перед которыми столкнулись, например, охотники — эвенки и русские старожилы из с. Токма Катангского района.

На юге района ведется добыча деловой древесины. В 1998 г. право на лесодобычу в Катангском районе приобрели следующие предприятия: ЗАО «Янтальес» (с годовым отпуском 130 тыс. куб.м), ООО «СП Игирма-Тайрику» (93,4 куб.м) и ООО «ИЛЭКС» (14,5 куб.м). Все эти предприятия базируются вне пределов Катангского района и не участвуют в формировании его бюджета. Эти работы вызывают недовольство жителей с. Токма, эвенков и русских, которые находятся ближе всего к району работ лесорубов. Летом 2000 г. они дважды обращались с жалобами в областную администрацию: *«При СССР когда лесохозяйственная организация и потребитель заготавливали лес на нашей территории, то несколько раз собирались сходы, на которых выслушивали наше мнение по данному вопросу, и только после нашего согласия на рубку леса заключали договор аренды лесного фонда, в котором оговаривались вопросы материальной и финансовой помощи с. Токма со стороны лесозаготовительных организаций».*

А что происходит сейчас, с кем, как и на какие участки леса заключаются договора известно одному Богу, да договаривающимся сторонам. И видимо недалек тот день и час, когда заехав на свои охотничьи участки, мы вместо леса обнаружим одни пни. Уже сегодня мы боимся появляться в южной части административной территории нашего села, где полными хозяевами считают себя работники леспрохозов, которые травят карбитом наши водоемы, оставляя записки с угрозами».

Среди предложений жителей села были очень дельные, но оставшиеся без ответа:

— *перезаключить (уже существующие) договора в присутствии нашего представителя;*

— *обязать Катангский лесхоз отводить лесоделяны леспрохозам на нашей территории только после согласования с Токминской (сельской) администрацией;*

— *перенести контору Верхне-Непского лесничества из Новой Игирмы в Токму, набрать штат лесников из местных жителей (одновременно решив при этом, хотя бы частично, проблему с безработицей;*

— передать Токминской администрации определенные полномочия по защите исконной среды обитания». (Материалы Комитета Севера областной администрации. Папка «Катангский район»).

Данный пример примечателен тем, что здесь многонациональное население поселка, в котором преобладает эвенкийское население, выступило не как родовая, а как поселковая община, по существу, в соответствии с законом о местном самоуправлении. Хотя в письме и имеются ссылки на федеральные законы о народах Севера, решить надлежащим образом на их основе правовые проблемы, касающиеся территорий традиционного природопользования, им так и не удалось. Имеющееся к настоящему времени законодательство дает возможность законным путем отстаивать свои права либо по линии народов Севера, либо по линии природоохранного законодательства, либо по линии местного самоуправления.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Последние годы я проводила этнографические исследования в Якутии и Магаданской области, увидела новые земли и другие народы. Но никогда, как первую любовь, не забывала Катангу. Недавно после большого перерыва я снова побывала на Нижней Тунгуске.

«Может, не поедешь нынче, давай в другой раз», — не выдержал папа, глядя мимо меня, на молча стоящую рядом маму. Улететь удалось с четвертого раза — рейс откладывался ровно девять дней. Начало октября — самое неустойчивое время в природе в этом районе мира: недолгое похолодание быстро сменилось оттепелью, и обильный снег, выпавший накануне, растаял, на много дней сделав песчаную полосу аэропорта недоступной для тяжелых АН-24.

Я никому не сообщила о приезде, поэтому никто не должен был встречать меня. На летном поле дул резкий, пронизывающий ветер, по сравнению с Иркутском было гораздо холоднее. Не успела спуститься с трапа самолета, как знакомый голос окликнул меня. Голубоглазая симпатичная Таня, дочь Марины Петровны и Василия Павловича, почти не изменилась. Спокойная и немногословная, она и на этот раз просто сказала, посмотрев долгим взглядом: «Будешь у нас жить. Пошли чай пить», — словно последний раз мы виделись вчера, а не пять лет назад. На ходу Таня рассказала, что приходила встречать сына, который загостился в городе у своего двоюродного брата. Тот недавно вернулся из Чечни, дважды был ранен. Когда я видела их в последний раз, они были еще детьми.

После бани пошли и другие новости. В старом здании гостиницы разместились редакция газеты «Правда Севера» и районное отделение охотобщества. Фермер Легеньков в бывшем доме политпросвещения устроил церковь и многие люди стали ходить

в храм. Из-за неисправности в проводке сгорел деревянный двухэтажный дом культуры. Общественную сельскую баню переоборудовали под кафе. Промхоз раздробился на несколько отдельных и независимых друг от друга производственных единиц, жестко конкурирующих между собой за землю и охотников. Сувенирный цех при нем сократили, Таня и другие женщины оказались без работы. Эвенк Володя, которого я помнила худеньким мальчишкой-подростком, стал депутатом районной думы. Семен Петрович постарел, заблудился в лесу и его нашли спустя месяц; вся родня ездила хоронить в тайгу. Сын нашего знакомого эвенка, красивый рослый парень, пришедший уже из армии, стал слышать голоса шайтанов и покончил с жизнью... Сынишка Вики потерялся в тайге, это было несчастье, но она после вышла замуж и родила еще двоих детей... И еще, и еще, и еще...

Люди внешне немного изменились — я смотрела на них, как в зеркало, — но мы вполне узнавали друг друга. С годами неизменным оставалось холодное черное серебро реки; обнаженность готовой к переменам тайги; неясное радостное ожидание преобразования, — снега и холодов.

Осталось отдать дань памяти родственникам Тани. Воскресным днем мы пошли пешком на кладбище. Идти надо было далеко, из поселка «экспедиции», через ручей Юткуон, через весь Ербогачен за летное поле. Дорогой купили пива и сигарет. Пока мы шли, распогодилось. Было прохладно, тихо и солнечно. Таня нашла ряд могил с разномасштабными памятниками — тумбами со звездами и крестами, огороженными деревянной, покрашенной в голубой цвет, оградой. Вся ее родня была здесь — мать, отец, брат, сестра. Помолчали. Таня прикурила «Приму» и положила каждому на могильный холмик. Сигареты дымилась. «Дружно курят», — сказала она. Так мы стояли, пили пиво, предварительно угостив умерших, и смотрели на синий дымок, дающий ощущение движения, а значит, жизни, и мысленно вспоминали прошлое. Надо было найти и сказать нужные слова. Но слов не было. Таня что-то говорила, потом замолчала. Сквозь хвою вечнозеленых сосен неярко голубело выцветшее за лето небо. Откуда-то появилась рыжая с серыми подпалинами белка, — ведь настоящих холодов еще не было. Чивырка, она лакомясь семенами сосновых шишек и с любопытством, повиснув вниз головой на стволе, смотрела на нас.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В книге сделан подробный анализ расселения и организации среды жизнедеятельности локальной этнографической группой катангских эвенков (верховья р. Нижняя Тунгуска, Средняя Сибирь) в XX веке.

Процессы ассимиляции и аккультурации, идущие здесь с XVII—XIX вв., были ускорены в 1930—50 гг. целенаправленной идеологической, социально-экономической, культурной политикой государства. Перевод кочевников на оседлость и связанные с ним мероприятия, такие как создание артелей, укрупнение мелких населенных пунктов, введение интернатной системы школьного образования и т. д. привели к ускоренному отходу эвенков от традиционного микроареального расселения в тайге, к складыванию новой структуры расселения и образа жизни. Направления миграций диктовались родственными связями и тенденцией придерживаться старых мест обитания, в результате чего эвенки, переходящие к оседлости, оставались, как правило, в относительных границах соседско-родовых территорий. Аккультурационные и миграционные процессы, а также высокая смертность эвенков на почве пьянства повлияли на их численность, которая длительное время практически не увеличивалась.

Большинство эвенков сейчас — оседлые жители и расселены в поселках и деревнях, преимущественно на севере района. В их среде выявлены факты длительного бытования некоторых этнических особенностей организации среды: поселение на «пограничных», «ничьих» территориях, на окраинах или вблизи от русских или якутских населенных пунктов, особенно в начальный период перехода к оседлости; сохранение вблизи русского срубного дома жилища национального типа (чума или *голомо*) в качестве подсобного помещения; сооружения эвенкийского ко-

стра гулувун, на котором в летнее время готовят пищу, вблизи дома; сохранение некоторых специфичных деталей интерьера, внутренней планировки жилища и названия отдельных его частей и т. д.

В работе выделены элементы традиционного мировоззрения в области организации среды жизнедеятельности, которые сохраняются в группе полуоседлых эвенков до настоящего времени, и, по-видимому, изначально были им присущи.

В результате проведенного исследования выяснена важная этническая особенность — отношение к территории обитания (тайга) как к дому. Выяснены и проанализированы основные составляющие такого отношения.

Одним из первых компонентов выступает использование современными полуоседлыми эвенками традиционных для данной семьи или территориально-соседской общины, или приближенных к ним, территорий, которые в настоящее время получили юридическое закрепление за охотниками-оленьеводами.

Другим составным компонентом выступает динамический (линейный) способ организации среды, освоение ее в линиях кочевых маршрутов. Это подразумевает отличное знание эвенками среды обитания, традицию наименования территории как один из способов ее организации (об этом свидетельствует анализ эвенкийской топонимики), системность и ритмичность перекочевов и т. д. В связи с этим подробно описаны четыре основных цикла жизнедеятельности полуоседлых эвенков. В своей основе принципы организации среды остаются неизменными, поскольку сохраняются в относительно полном объеме традиционные виды хозяйственной деятельности — охота, оленеводство, рыболовство. Сейчас при планировании маршрутов передвижений, устройстве мест поселений эвенки учитывают и новые факторы — промышленное освоение территории, и т. п. Амплитуда кочевания сокращается, изменяются и темпы, и направления передвижений.

Территория, освоенная эвенками, является для них материально-организованной, упорядоченной. На основе динамического способа освоения формируется архитектурно-пространственная среда кочевых поселений, которая является еще одной важной составляющей в формировании у эвенков отношения к таежной территории как к дому.

Этническая специфика организации среды проявляется и в формах и в типах сооружений. Предпринятый в книге анализ эвенкийских жилых и хозяйственных сооружений привел к выводу, что при строительстве любых построек эвенки придерживаются некоторых общих принципов, которые только и могли возникнуть в их полном объеме у народа с кочевой культурой, которая сама многовариантна. Среди таких принципов, или требований, выделены принцип многофункциональности любых типов сооружений и связанные с этим требования безопасности, удобства и надежности; достаточности, мобильности и эстетики.

На основе и в результате длительного хозяйственно-бытового и культурного освоения территории формируется представление о «своей» земле, психологически особое отношение к территории обитания, осознание духовной общности с ней, выраженная идентификация с территориями. Это отношение складывается из нескольких составляющих: включение в понятие «своя» земля мест захоронений предков, а также культовых, памятных мест как естественного, природного происхождения, так и мест, связанных с жизнедеятельностью человека, с событиями реального или мифического прошлого.

Предпринятый анализ позволяет сделать некоторые общие замечания относительно условий преемственности этнических свойств культуры в современных условиях. Это, во-первых, необходимость ведения традиционного хозяйства, применения традиционных способов взаимодействия с природной средой, для чего, в свою очередь, необходимо рассредоточенное, микроареальное расселение. И оно не произвольно, а скорее «традиционно», что связано с представлениями о прежней территории обитания как о доме. Предпосылкой и одновременным необходимым условием ведения традиционного хозяйства выступает сохранение природной среды обитания, от которой у эвенков наблюдается более непосредственная зависимость, чем это можно наблюдать в обществах иной ориентации.

Кроме того, большое значение имеет социализация (передача культурного опыта, навыков, знаний, традиций), а также государственная политика, оказывающая огромное влияние на развитие этнокультурных процессов, ориентацию в выборе занятий, их престижность и социальную значимость. Вышесказанное не исчерпывает всех проблем и условий передачи культурного опы-

та, тем более что каждое новое поколение, вступающее в жизнь, по-новому переосмысливает его. Наблюдая преемственность в условиях выживания, можно понять, что традиция, некоторые символы и ценности культуры несут в себе более значительную смысловую нагрузку и ценностное содержание, чем это, может быть, представлялось ранее.

RESUME

In this book an attempt is made to thoroughly analyze the processes of becoming sedentary and forming the environment of their habitats, - the processes that were characteristic of the local ethnographic group of the Evenks on the river Katanga (on the upper river Lower Tunguska, Central Siberia) in the XX-th century.

The processes of assimilation and acculturation that took place here from the XVII-th to the XIX-th centuries were accelerated in 1930-50 by the purposeful ideological, socio-economical and cultural policy of the State. The changing of the nomads' way of life from nomadic to sedentary which was accompanied with some additional measures such as the creation of artels, the amalgamation of small-sized settlements, the introduction of a system of boarding schools etc. resulted in the Evenk's abandoning quickly their conventional pattern of settlements in the taiga-forest as well as in their forming a new pattern of settlements and a new way of life. The directions of migrations were dictated by the family ties and by the tendency to adhere to the old habitats so the Evenks in particular those passing from the nomadic way of life to the sedentary one remained, as a rule, within the relative borders of neighborhood-tribal terrains. The processes of migration and acculturation as well as high death rate among the Evenks because of their addiction to alcohol have affected the quantity of them that for a long time practically did not increase.

The majority of the Evenks are now no nomadic inhabitants residing in settlements and villages predominantly in the north of the region. There exist some long-lived ethnic features of the way how the Evenks organize their inhabiting environment. For example, they settle on the «boundary» terrains, «belonging to none». They choose the outskirts or lands near the Russian or the Yakut settlements. They did so especially in the initial period of their transition to the sedentary way of life. Near the log cabin of a Russian type they also preserve their dwelling of a

national type (a chum or a golomo) as a standby one. They make a campfire (a guluvun) near the log house of their own to cook meals during the summer time. They preserve some specific details of the interior as well as some details of the inner design of their dwelling and the names of some quarters of it.

In this book are emphasized some elements of the Evenks' conventional outlook as to the way how they organize the environment of their habitat. These elements are preserved in a group of the half sedentary Evenks nowadays and were, apparently, initially characteristic of them.

As a result of the conducted research there is revealed a relevant ethnic feature, — namely, the Evenks' attitude to the territory of their habitat (to the taiga — forest) as to the home of their own. Also are clarified and analyzed the basic constituents of such an attitude.

The first component is the usage (by the contemporary half sedentary Evenks) of the conventional lands that are traditional either for a given family or for a territorial community and which now lawfully belong to these hunters/reindeer breeders.

The other compound component is the dynamic (linear) way of the organization of the environment of their habitat and its development by the way of linear nomadic routes. It implies that the Evenks have an excellent knowledge of the environment of their habitat. As well it implies that they use the tradition of the naming of land as one of the ways of its organization (the analysis of the Evenk toponimics testifies it). And at last it implies that the changing of the habitats is systematic and rhythmic. In this connection four basis cycles of the changing of the half sedentary Evenks' habitats are explicitly described. In its basis the principles of the organization of the environment remain invariable, once there are preserved in a rather full volume the conventional economic activities — namely, hunting, reindeer breeding, fishery. Nowadays when planning the routes of movement, organizing the habitats the Evenks take into consideration some new factors, for example, such as the degree of the industrial development of the territory. The amplitude of the migrations is shortened as well as changed is the speed and the direction.

The territory occupied by the Evenks is considered by them to be organized and in full order as to the objects on it. On occupying the territory dynamically the Evenks form their habitats architecturally and spatially and so organized a habitat is one more relevant component that shapes the Evenks' attitude to the taiga forest as to the home of their own.

The ethnic specificity as to the organization of the habitats results in particular forms and types of the Evenks' habitations. The analysis,

attempted in the book, of the Evenks' living and working habitations made me arrive at the conclusion that, while building any habitation, the Evenks adhere to some general principles, which could only appear to the full scale among the people with the nomadic culture being multivariate. As to these principles I mean the following: the multifunction of any type of the structure, the safety requirements, the convenience and the reliability, the selfsufficiency, the mobility and the aesthetics.

On the basis and as a result of the durable processes of the cultural and economic organization of the habitat there appears among the Evenks a notion of «my own» homeland as well as a psychologically special attitude to the habitat, the realizing of the spiritual commonness with it, and the apparent identity to it. This attitude has several components. They include into the concept of «my own» homeland the burial places of the ancestors as well as the cult, memorable places both of the natural origin and of the origin that results from the activities of the human beings and from the events of the actual or mythical past.

The attempted analysis allows me to make some general remarks concerning the conditions of the eligibility of the ethnic properties of the culture nowadays. First, it is necessary to keep the house traditionally applying the conventional methods while dealing with the natural environment. For this purpose, secondly, there is a need for a dispersed, microareal occupation. And the need for this is not arbitrary but rather «traditional» because the Evenks also consider the former habitat as their home. Keeping the house traditionally is conditioned by the necessity to preserve the natural environment of the habitats. For the Evenks are more directly dependant on it than the societies of any other orientation.

Besides, of great value is the socialization (the transmission of the cultural experience, skills, knowledge, and traditions), and also of great value is the State's policy rendering tremendous influence on the development of the ethno-cultural processes, on the orientation in choosing professions, as well as on establishing their prestige and social significance. The above said does not deal with all the problems and conditions of the transmission of the cultural experience, for each new generation, entering the life, rethinks it anew. Being a witness of the eligibility as to the conditions of the survival, it is possible for me to understand that tradition, some symbols and values of the culture bear in themselves the more significant semantic load and the more valuable content than it, maybe, was thought of earlier.